

Людмила Алексеева

**ИСТОРИЯ
ПРАВООЩИТНОГО
ДВИЖЕНИЯ
В РОССИИ**

•

советский период

Москва • 2016

УДК 323.22+342.7:94(470)«195/1991»
ББК 66.3(2Рос)6
А47

При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 1 апреля 2015 года № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Движением «Гражданское достоинство» (www.civildignity.ru)

Алексеева, Людмила Михайловна
А47 История правозащитного движения в России : советский период / Людмила Алексеева. — Москва : Московская Хельсинкская Группа, 2016. — 116 с.
ISBN 978-5-98440-079-4

С именем Л. М. Алексеевой неразрывно связана вся история правозащитного движения в России. Будучи участником самых первых правозащитных выступлений, она до сих пор, несмотря на почтенный возраст, ведет активную общественную жизнь и возглавляет Московскую Хельсинкскую Группу. Данная брошюра знакомит читателей с советским периодом истории российского правозащитного движения — важнейшего института гражданского общества.

УДК 323.22+342.7:94(470)«195/1991»
ББК 66.3(2Рос)6

Оглавление

Прелюдия	5
Рождение самиздата	8
Первые правозащитные выступления (1965—1968)	15
Становление (1968—1972)	24
Репрессии против правозащитников	44
Кризис (1973)	47
Преодоление кризиса (1974—1975)	51
Хельсинкский период	65
Независимые общественные ассоциации, возникшие в 1978—1979 годах	77
После окончания периода разрядки	88
Перестройка	97
Общественная активность в годы перестройки	106
Новые времена — новые правозащитники	113

Прелюдия

Это движение называли по-разному — демократическое, либеральное, гражданского сопротивления, — пока наконец не утвердилось за ним название «движение за права человека», или короче — «правозащитное движение». Такое название наиболее точно отражает суть: защита прав личности и требования соблюдения законов — основа движения и его отличительный признак.

Днем рождения правозащитного движения можно считать 5 декабря 1965 года, когда в Москве на Пушкинской площади состоялась первая демонстрация под правозащитными лозунгами. Разумеется, событие это имело предысторию.

У нас есть давняя традиция сострадания «маленькому человеку». Ее создала великая русская литература. Однако «законнический» контекст правозащитного движения оригинален. Не потому, что прежде этого вовсе не было в русской истории, — была партия конституционных демократов (кадеты), и она тоже родилась не на пустом месте. Но традицию эту в советский период выкорчевали так основательно, что можно смело утверждать: зачинатели правозащитного движения мало что знали о ней и не ею вдохновлялись.

Как не было у правозащитников прямой преемственности с либерально-демократической традицией в русской истории, так не было и заимствований идей международного движения за права человека — опять-таки по причине плохой о нем осведомленности при зарождении правозащитного движения в СССР. Правозащитное движение родилось главным образом из опыта людей, проживших жизнь в условиях беззакония, жестокости и попрания личности в «интересах коллектива» или ради «светлого будущего всего человечества». Отказ от такого «коллективного» подхода означал отрицание основ официальной идеологии, защищаемой всей мощью советского государства. Требование соблюдения законности в советских условиях было революционным, так как по существу было требованием к советскому государству перестать быть тоталитарным, стать демократическим.

Соблюдение этого требования означало бы изменение характера власти, всего жизненного строя. Между тем правозащитники принципиально отвергали насилие для осуществления какой бы то ни было цели, осуждали его и никогда к нему не прибегали и не прибегают. Каким же способом они действовали? По словам одного из них, Андрея Амальрика, они сделали гениально простую вещь — в несвободной стране стали вести себя как сво-

бодные люди и тем самым менять моральную атмосферу и управляющую страной традицию. Он добавляет: «...неизбежно эта революция в умах не могла быть быстрой».

И действительно, в советских условиях период утробного вызревания открытого общественного движения длился десятилетия. Не могло быть иначе в обществе, которое несколько десятилетий подвергалось невиданному в истории давлению со стороны государства.

Тотальный террор прекратился после смерти Сталина 5 марта 1953 года. В массовом порядке стали возвращаться из лагерей осужденные по политическим статьям. Но общество оставалось в полуобморочном, шоковом состоянии. Осмысление пережитого происходило подспудно, лишь изредка прорываясь слабым всплеском на поверхность официальной литературы или прессы. Главным тормозом самопознания общества оказалась его неосведомленность о самом себе, поскольку средства обмена идеями и информацией были полностью монополизированы государством.

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны, —

писал погибший в лагере великий поэт Осип Мандельштам.

Именно монополия правящей партии на распространение идей и информации обусловила огромную взрывную силу XX съезда КПСС (февраль 1956), который санкционировал изменение картины мира, десятилетиями преподносимой советским гражданам. Ранее обожеествляемый Сталин предстал коварным и кровавым преступником. Саморазоблачения партийной верхушки стали первотолчком для духовного раскрепощения общества. Однако XX съезд лишь слегка приоткрыл завесу в область запретного знания. Партия полностью сохранила контроль за распространением идей и информации. Официальная установка предусматривала критику «культ личности» Сталина (так на официальном языке назывались все ужасы сталинской эпохи), но исключала критику партии, проводившей этот «культ», и социально-экономической системы, сделавшей его возможным. Критика была строго ограничена сталинским периодом и не допускалось ее распространение на текущий момент. Поэтому осмысление общего опыта сосредоточилось в художественной литературе и публицистике, обращенной в прошлое.

На авансцену выдвинулись в те годы писатели и литературные критики и особенно ежемесячный литературно-публицистический журнал «Новый мир». Его главный редактор Александр Твардовский собрал вокруг журнала все талантливое и честное, что было в русской литературе. «Новый мир» способствовал не только распространению свободомыслия, но и сплочению его приверженцев: опознавательным знаком единомышленников стал торчащий из кармана очередной номер журнала. Однако после отстранения от власти Н. Хрущева (октябрь 1964) на «Новый мир» начались гонения. В феврале 1970 года Твардовский был снят с должности, и журнал зачах.

Расправа над «Новым миром» произошла в общем русле ужесточения цензуры и вообще контроля над обществом. Но общество не погрузилось в прежнюю духовную и умственную прострацию. Краткосрочного ослабления давления и расширения пределов дозволенного знания оказалось достаточно, чтобы совершились необратимые изменения в умах людей и общественной жизни. За эти годы произошло частичное группирование атомов, на которые прежде распадалось общество. Эти общности были разрознены, но сближение их стало возможным с помощью счастливо найденного способа неподконтрольного распространения идей и информации, ставшего известным под названием «самиздат»: «сам сочиняю, сам цензую, сам издаю, сам распространяю, сам и отсиживаю за это».

Рождение самиздата

В России почти всегда существовала более или менее жесткая цензура, и поэтому со времен Радищева запрещенные к публикации произведения ходили по рукам в списках. Но они лишь дополняли литературу и публицистику. Как массовое явление, как основное средство самопознания и самовыражения общества самиздат — феномен, характерный для послесталинской эпохи в СССР и странах со сходной социально-экономической системой.

Механизм самиздата таков: автор отпечатывал свое произведение единственно доступным частному лицу в советских условиях способом — на пишущей машинке — в нескольких экземплярах и раздавал копии знакомым. Если кому-то из них прочитанное казалось интересным, он делал копии с доставшегося ему экземпляра и раздавал своим знакомым и т. д. Чем больший успех имело произведение, тем быстрее и шире происходило его распространение. Конечно, самиздат был чрезвычайно нерентабелен в смысле затрат труда и времени, но он нашел талантливых авторов, энергичных и бесстрашных распространителей, и читатели у него не переводились, потому что он оказался единственно возможной формой преодоления государственной монополии на распространение идей и информации. Люди, изголодавшиеся по правде об окружающем мире и несфальсифицированному знанию, готовы были ради этих благ жертвовать своим временем, трудом и даже терпеть преследования.

Начался самиздат со стихов, возможно, из-за скорости перепечатывания их благодаря небольшому объему, легкости запоминания, а может быть, были тому и глубинные причины — духовное раскрепощение началось с области простых человеческих чувств.

В начале 60-х годов Москва и Ленинград были буквально захлестнуты списками стихов запрещенных, забытых, репрессированных поэтов предреволюционного и советского времени — Анны Ахматовой, Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама, Максимилиана Волошина, Николая Гумилева, Марины Цветаевой и других, сохраненных памятью людей старшего поколения. Жадно читали и поэтов-современников. Благодаря самиздату узнали не печатавшихся государственными издательствами Иосифа Бродского, Наума Коржавина и многих-многих других.

Увлечение поэзией стало знамением времени. Стихами болели тогда люди, ни прежде, ни позже поэзией и вообще литературой особенно не интересовавшиеся. Более того, повышенная жажда самовыражения, пробу-

дившаяся в сбросившем оцепенение обществе, многих заставила взяться за перо. В самиздате ходили произведения более трехсот современных авторов. Создалась молодежная среда, паролем которой было знание стихов Пастернака, Мандельштама, Гумилева.

Страсть к стихам породила впервые в советской столице не запланированные официально сходки под открытым небом.

29 июня 1958 года в Москве открыли памятник Владимиру Маяковскому на площади его имени (ныне Триумфальной). На официальной церемонии официальные поэты читали стихи. А когда официальная часть закончилась, стали читать стихи желающие из публики. Этот импровизированный вечер поэзии многим понравился. Тогда договорились встретиться еще раз здесь же, у памятника. Чтения стали происходить чуть ли не каждый вечер. Большинство участников были студентами. Наряду с разрешенными читали стихи забытых и репрессированных поэтов, а также свои собственные. Иногда возникали литературные дискуссии.

Власти сначала не препятствовали этим сходкам. В газете «Московский комсомолец» от 13 августа 1958 года даже появилась одобрительная статья с указанием места и времени встреч, но вскоре собрания были прикрыты. Однако в сентябре 1960 года их возобновила группа студентов. Прослышав об этом, стали приходить участники прежних встреч. На этот раз чтения происходили по субботним и воскресным вечерам. Собиралось по несколько сот человек. Люди приходили самые разные. Некоторых действительно интересовало лишь искусство, они горячо настаивали на праве искусства оставаться «чистым от политики», но для других они были привлекательны именно своим общественным звучанием.

Власти стали мешать встречам — задерживали чтецов, записывали их фамилии и сообщали в институты. Обычной мерой наказания было исключение с «волчьим билетом». Периодически проводились обыски у активистов, у них выгребали машинописные листки со стихами и прочий самиздат. На площади Маяковского провоцировались драки, иногда памятник оцепляли и не подпускали к нему в обычное для встреч время.

Собрания продолжались до осени 1961 года, когда их окончательно разогнали. Летом были арестованы несколько завсегдатаев сходок. Владимир Осипов, Эдуард Кузнецов и Илья Бокштейн были осуждены по статье 70 Уголовного кодекса РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда») за то, в чем повинны они не были, — якобы за попытку создания подпольной организации. Осипов и Кузнецов получили по семь лет лишения свободы, Бокштейн — пять.

Об участниках встреч на площади Маяковского появилось несколько статей в московских газетах. Их всячески поносили за «безыдейность», за то, что они бездельники, нигде не работают. Это последнее соответствовало действительности — студентов, выгнанных из институтов за посещение этих сходок, никуда не брали на работу. Вынужденно незанятая жизнь исключенных из вузов и выгнанных с работы располагала к бессмысленной

трате времени. Грешили они и пьянством, и сквернословием, и вообще свободой нравов.

В этой молодежной среде в середине 60-х годов зародилось первое неофициальное литературное объединение, отражавшее все ее достоинства и недостатки. Эта литературная группа назвала себя СМОГ, что расшифровывалось двояко: «Смелость, Мысль, Образ, Глубина» или (чаще) «Самое молодое общество гениев».

Отвращение к формам советского соцреалистического искусства сочеталось у этой молодежи с отвращением к устоявшемуся быту, партийной пропаганде, стилю и духу официальной общественной жизни. Смысл их литературных и духовных поисков был в бегстве от всего навязываемого, скорее не из-за осознанного политического протеста против системы, а из-за отвращения к банальности и заданности. Однако при жгучей потребности сказать что-то свое, смогисты были неопытны, и лишь немногие обладали талантом. В апреле 1965 года они устроили демонстрацию у Центрального дома литераторов — первую, пожалуй, неофициальную демонстрацию в советской Москве. Демонстранты несли лозунги с требованием творческих свобод и среди них — «Лишим соцреализм девственности!».

Сколько было смогистов, трудно сказать, потому что четкого членства не было. Каждый должен был сам решить, принадлежит ли он к СМОГ, и не обязан был никого оповещать об этом. В демонстрации участвовали человек двести, но трудно сказать, кто из них считал себя смогистом, а кто лишь случайно присоединился к шествию.

Смогисты издавали самиздатский журнал «Сфинксы», распространявшийся преимущественно среди студентов, выпустили тем же способом несколько сборников рассказов и стихов. Однако в самиздате их писания не имели широкого распространения — вкладывать труд в перепечатку, да к тому же с риском быть за это уволенным или даже получить лагерный срок находились охотники лишь ради произведений, которые уж очень понравились.

Вообще самиздатские тиражи в большинстве случаев были невелики. Самиздатские журналы, которых задумывалось немало, умирали на втором-третьем выпуске и редко выходили из круга знакомых автора. Наиболее известным из них стал «Синтаксис», три выпуска которого издал в 1960 году Александр Гинзбург, студент-заочник Московского государственного университета. Известность «Синтаксиса» объясняется тем, что в связи с арестом Гинзбурга о нем упомянула советская пресса (конечно, в ругательном тоне), но прочесть сборники смогли лишь его знакомые в Москве и Ленинграде.

В самиздатскую деятельность вовлекались люди всех возрастов, всех поколений. Характерное для самиздата явление — не только юный смогист, но и старушка-пенсионерка, стучащая на машинке у себя в комнате. Среди людей зрелого возраста наряду со стихами стали ходить мемуары, которые особенно часто писали бывшие лагерники. По словам Хрущева, редакции

официальных журналов получили более десяти тысяч воспоминаний на лагерные темы.

«Взрослый» самиздат довольно быстро политизировался. Московский историк Рой Медведев с 1964 по 1970 год ежемесячно издавал материалы, позже вышедшие на Западе под названием «Политический дневник». Поставщиками материалов для «Политического дневника» были несколько его друзей, в том числе Евгений Фролов, ответственный работник журнала «Коммунист» — органа ЦК КПСС. Фролов имел доступ к непубликуемым партийным документам и делал по вечерам копии для «Дневника» на пишущей машинке, когда уходили из редакции сотрудники. Текст выступления Хрущева на XX съезде партии Фролов печатал на машинке двенадцать часов.

Регулярными читателями этих выпусков были человек сорок знакомых Медведева — партийные работники, а также писатели и ученые, тоже в большинстве члены партии. Выпуски «Политического дневника» Медведев печатал сам в пяти экземплярах, однако наиболее интересные документы и выступления распространялись и из других источников.

Самые выдающиеся произведения самиздата расходились довольно широко, их копии множились с поразительной для столь несовершенного способа распространения быстротой. Даже при большом объеме произведения, затруднявшем перепечатку, через несколько месяцев после первой закладки оно оказывалось в кругах, никак не связанных с личными знакомыми автора, часто в других городах.

Сначала самиздат был беден на собственные произведения и использовался преимущественно для переводов (тоже сделанных тайными добровольцами): в машинописных копиях ходили переведенные на русский «По ком звонит колокол» Эрнеста Хемингуэя, «Слепящая тьма» Артура Кестлера, «1984» Джорджа Оруэлла, «Новый класс» Милована Джиласа. Из оригинальных литературных произведений первым широко распространился в самиздате роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» (1958), который был издан за границей и в виде книги вернулся на родину (тайными путями, конечно). Такие книги позже стали называть «тамиздатом». Тамиздатские книги циркулировали наряду с машинописью, и с них тоже делались копии с помощью машинки или фотоаппарата.

У самиздатских копий, как правило, был высокий коэффициент читаемости. Они переходили от знакомого к знакомому. Хорошую самиздатскую книгу большинству удавалось получить на короткий срок, иной раз на одну ночь, потому что была целая очередь желающих ее прочесть. В такую ночь не ложилось спать все семейство, а то и друзья приглашались принять участие в коллективном чтении. Люди сидели рядом, передавая друг другу прочитанные листки. Иногда устраивали коллективные чтения — вслух с книги или при помощи проектора — с фото пленки.

Распространению самиздата, во всяком случае, среди москвичей, способствовало изменение жизни во второй половине 50-х годов.

При Сталине, когда доносительство было нормой, неделовое общение между людьми сократилось до минимума. В Москве почти не было домов, куда были бы вхожи многие. Как правило, тесно общались между собой по две-три семьи. Когда же ужас беспричинных арестов миновал, люди кинулись друг к другу, испытывая наслаждение от самого факта пребывания вместе. Обычная московская компания того времени насчитывала сорок-пятьдесят «близких друзей». Конечно, она делилась на более тесные ячейки, но все причастные к компании виделись регулярно на вечеринках, которые происходили по малейшему поводу и без повода, все всё знали друг о друге. Каждая компания соприкасалась с несколькими такими же, и связи тянулись в Ленинград, Киев, Новосибирск и другие города.

Разумеется, собирались за столом и пили не только квас. В этих компаниях завязывались романы, возникали и рушились семьи. Пели, танцевали, слушали музыку и песни. Именно в эти годы появились в продаже магнитофоны, и стоили они не так уж дорого, что способствовало вихревому распространению по стране песен Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого, а несколько позже Александра Галича. Во многих компаниях был «свой» певец, певший под гитару их песни и свои собственные, а также лагерные, которые после массового возвращения из лагерей запела вся страна. Эти песни были фольклором, как и анекдоты. Любое событие порождало лавину анекдотов. Обмен ими был любимым времяпровождением советских людей всех слоев общества. Это был не просто способ пошутить, это была основная возможность сформулировать и передать другим свои политические оценки и жизненные наблюдения.

Но больше всего в этих компаниях «трепались». Московские компании и стиль общения в них очень точно изобразил Юлий Даниэль (Николай Аржак) в своих повестях «Говорит Москва» и «Искушение». Размышления и рассуждения, типичные для московских интеллигентов того времени, ему инкриминировали как антисоветские. На самом деле люди были вполне лояльными гражданами. Конечно, они немало говорили о недостатках советской системы, кое-кто называл их даже пороками, но никто не намеревался ее «подорвать» или «ниспровергать». Однако неблагополучие было для всех очевидным, и все говорили, говорили об этом — то серьезно, то смеясь над нелепостями и уродствами советской жизни и над общей (и собственной) покорностью властям. Эти разговоры помогали понять, нащупать, что же представляет собой советское общество и как в нем жить, что в нем можно принять, а что нужно отвергнуть и как противостоять назойливому официальному вмешательству в жизнь и в работу каждого человека. В таком осмыслении окружающего одинаково нуждались тогда и молодые, и зрелые, и даже старые люди — все они делали на этом пути первые шаги.

Большие компании, где все доверяли друг к другу, создали прекрасную среду для распространения самиздата. Самиздат циркулировал во многих таких интеллигентских компаниях и переходил в смежные. Все знали, что

надо при этом быть осторожными, но редко кто действительно был осторожен. Обычно все ограничивалось неуклюжим камуфляжем, и люди сами смеялись над своими конспиративными потугами. Ходил тогда в Москве анекдот о телефонном разговоре приятелей, обменивающихся самиздатом:

— Ты уже съел пирог, который тебе вчера дала моя жена?

— Съел.

— И жена твоя съела?

— Да.

— Ну тогда передай его Мише — он тоже хочет его попробовать.

Но тогда же появились люди, вовсе не таившиеся.

Официальная позиция, провозглашенная на XX съезде, была явно нелогична: сказав «а» (осудив сталинщину), нельзя было не произнести «бэ» (изменить систему так, чтобы исключить возможность повторения сталинщины). Между тем официальная позиция была такова, будто словесным осуждением «культы личности» все проблемы решены, и сейчас все обстоит прекрасно. Но у людей открылись глаза на уродства и несообразности советского бытия. Вызывало тревогу явное стремление властей всех уровней ограничиться минимумом перемен, постоянное скатывание верхов к сталинской традиции. Доказательства тому встречались на каждом шагу. И все-таки большинство верило, что поскольку на нынешней зыбкой позиции долго удержаться нельзя, а прошлое слишком ужасно, советское государство, даже против воли его руководителей, пойдет по пути либерализации. Эти настроения были тогда сильны и на заводах, и в научных учреждениях, в том числе среди членов партии, включая руководящих работников довольно высоких уровней.

Нередки были в те годы открытые выступления с критикой половинчато-решений XX съезда и требованиями реформ системы, которые сделали бы невозможным новый «культ личности». Чаще всего такие требования исходили от членов партии. Естественной трибуной для них были партийные собрания.

В марте 1956 года на открытом партийном собрании в Теплотехнической лаборатории (с 1958 — Институт теоретической и экспериментальной физики) Академии наук СССР выступил молодой ученый Юрий Орлов, будущий создатель Московской Хельсинкской группы. Он говорил об общем упадке чести и морали и о необходимости демократических преобразований в стране. Его поддержали еще трое. Выступления были встречены аплодисментами, но потом ораторы были исключены из партии и уволены с работы. Коллеги ничем не могли им помочь, лишь собирали деньги для безработных. Орлов был вынужден на пятнадцать лет покинуть Москву. Работу нашел он только в Армении, в Ереванском физическом институте.

Поплатились партбилетами и карьерой генерал Петр Григоренко, начальник кафедры Академии Генштаба, выступивший в Москве на районной партконференции в 1961 году, и писатель Валентин Овечкин, обличивший в том же году волюнтаризм и показуху на партконференции в Курске.

Случались в эти годы и политические аресты:

1956 — группа молодых ленинградцев (Револьт Пименов, Борис Вайль и их товарищи),

1957 — группа москвичей (Лев Краснопевцев и др.) за участие в подпольных кружках, распространявших листовки с критикой режима,

1958 — группа Сергея Пирогова (Москва),

1960 — составитель журнала «Синтаксис» Александр Гинзбург,

1961 — трое активистов сходок на площади Маяковского (В. Осипов, Э. Кузнецов, И. Бокштейн),

1962 — участники подпольных московских групп Юрия Машкова и Виктора Балашова,

1964 — помещен в психбольницу П. Григоренко.

Однако информационных самиздатских изданий еще не было, и об этих увольнениях и арестах узнали лишь знакомые репрессированных, а за пределами их круга ходили лишь неопределенные слухи. Большинство верило Хрущеву, не раз утверждавшему публично, что в СССР нет политзаключенных.

Первые правозащитные выступления (1965–1968)

Осенью 1965 года были арестованы московские писатели Андрей Синявский и Юлий Даниэль. Вслед за Борисом Пастернаком они опубликовали свои произведения за рубежом. Однако учтя опыт подвергнутого дикой травле поэта, сделали это тайно, под псевдонимами (Абрам Терц и Николай Аржак).

Арест произошел менее чем через год после устранения от власти Хрущева. О нем сообщили зарубежные радиостанции, вещавшие на Советский Союз, — и это было впервые. Время от времени радиостанции информировали о возмущенной реакции Запада: произведения Абрама Терца и Николая Аржака были переведены на европейские языки и имели успех.

Преследование писателей было воспринято как пролог к зловещим переменам: советское руководство объявило войну самиздату — его авторам, распространителям и читателям. Не только друзья и знакомые арестованных, но и вовсе незнакомые люди горячо обсуждали, во что это выльется. Расправятся ли с арестованными втихую или устроят «показательный» процесс по образцу сталинских? Остановятся ли власти на этом аресте или за ним последуют другие? Каков будет приговор? Никто не знал этого, и суждения высказывались самые разные, вплоть до предсказаний расстрела.

В обстановке тревоги и неопределенности 5 декабря 1965 года, в День Конституции СССР, на Пушкинской площади в Москве произошла первая за время существования советской власти демонстрация под правозащитными лозунгами.

За несколько дней до этой даты в университете и нескольких гуманитарных институтах были разбросаны листовки с «Гражданским обращением», отпечатанные обычным самиздатским способом — на пишущей машинке:

Несколько месяцев тому назад органами КГБ арестованы два гражданина: писатели А. Синявский и Ю. Даниэль. В данном случае есть основания опасаться нарушения закона о гласности судопроизводства. Общеизвестно, что при закрытых дверях возможны любые беззакония... в прошлом беззакония властей стоили жизни и свободы миллионам советских граждан. Кровавое прошлое призывает нас к бдительности в настоящем. ...У граждан есть средства борьбы с судебным произволом, это — «митинги гласности», во время которых собравшиеся скандируют

один-единственный лозунг: «Тре-бу-ем глас-нос-ти су-да над...» (следуют фамилии обвиняемых), или показывают соответствующий плакат. Какие-либо выкрики или лозунги, выходящие за пределы требования строгого соблюдения законности, безусловно, являются при этом вредными, а, возможно, и провокационными и должны пресекаться самими участниками митинга.

Во время митинга необходимо строго соблюдать порядок. По первому требованию властей разойтись — следует расходиться, сообщив властям о цели митинга.

Ты приглашаешься на «митинг гласности», состоящийся 5 декабря с. г. В 6 часов вечера в сквере на площади Пушкина у памятника поэту.

Пригласи еще двух граждан посредством текста этого обращения.

Автором обращения и инициатором демонстрации был Александр Есенин-Вольпин — человек во многих отношениях замечательный. Сын Сергея Есенина, математик и поэт, он дважды подвергался заключению в психиатрическую больницу: в 1949 году, в 25-летнем возрасте, за «антисоветские стихи» и уже после смерти Сталина, в 1959 году, за то, что передал за границу сборник своих стихов и «Свободный философский трактат».

Александр
Есенин-Вольпин

Александр Есенин-Вольпин задолго до описываемых событий стал проповедником правового просвещения. Тем, кто хотел его слушать, он разъяснял простую, но непривычную для советских людей мысль: законы следует понимать так, как они написаны, а не так, как их трактует начальство, и требовать их буквального выполнения.

Люди того круга, к которому по возрасту и общественному положению принадлежал Вольпин, не поддержали идеи демонстрации из-за ее необычности, да и небезопасности. Многие отговаривали его от этой затеи. Помогали распространять обращение смогисты. Трое распространителей были задержаны — 16-летняя школьница Юлия Вишневская, 24-летний Владимир Буковский и 19-летний Леонид Губанов. Всех их упрятали в психбольницы. Вишневскую и Губанова отпустили через месяц, а Буковского продержали около восьми месяцев.

Демонстрантов было немного, однако к памятнику Пушкину нагнали кагэбистов в штатском и дружинников, и трудно было понять, кто есть кто. К тому же большинство находившихся на площади «своих» участия в демонстрации не принимали, а лишь наблюдали за ней со стороны.

Вольпин и несколько человек рядом с ним развернули небольшие плакаты, но их быстро выхватили натренированные руки, и даже стоявшие рядом не успели прочесть, что было на плакатах. Надписи гласили: «Требуем

гласности суда над Синявским и Даниэлем!» и «Уважайте советскую Конституцию!».

Задержали человек двадцать. Их затолкали в легковые машины. Сцену хорошо было видно из-за вспышек фотоаппаратов западных корреспондентов. Они узнали о демонстрации и пришли посмотреть на столь необычное в советской столице зрелище.

Задержанных отпустили через несколько часов. В большинстве это были студенты. Все они и другие, замеченные на площади в тот вечер, были исключены из институтов — примерно человек сорок.

Начиная с 1965 года демонстрация правозащитников на Пушкинской площади стала ежегодной.

Суд над Синявским и Даниэлем был объявлен открытым. Возможно, из-за огласки за рубежом и демонстрации пришлось его сделать таким. Правда, открытость суда была своеобразной: вход в здание охранялся милиционерами, пропускали внутрь лишь отобранных кагэбистами людей, по специальным пропускам. Из близких подсудимым людей только жены получили доступ в зал. С тех пор «открытые» суды по политическим мотивам за редким исключением проходили так же.

Юлий Даниэль (слева) и Андрей Синявский на скамье подсудимых

Все четыре дня, пока длился суд, стояли сильные морозы. Друзья подсудимых, корреспонденты западных газет и кагэбисты — все толпились в довольно тесном дворе, как-то двигались, подпрыгивали, стучали ногой об ногу в тщетных попытках согреться. Каждая группа держалась особняком, не смешиваясь с остальными.

Совместное стояние у суда пробило первую брешь в отчужденном отношении будущих правозащитников к «кора», как стали называть в Москве корреспондентов свободной зарубежной прессы. До тех пор не более двух-трех москвичей, если не считать должностных лиц, поддерживали с «корами» хотя бы эпизодическое общение. Первым деловую связь с ними установил Андрей Амальрик, но случилось это почти год спустя после суда над Синявским и Даниэлем. Тогда же, у здания суда, все настороженно замолкали, если кто-то из «коров» приближался.

Корреспонденты тоже сторонились собравшихся, возможно, не умея отличить сочувствующих подсудимым от стукачей, а, возможно, чувствуя такое же опасливое отчуждение от «этих советских». Однако когда из здания суда выходила публика — на обеденный перерыв или по окончании заседания, все бросались к женам подсудимых, и они тут же, во дворе, рассказывали, что происходит внутри, и слушали их не только близкие, но и корреспонденты, и кагэбисты. И каждый вечер по зарубежному радио шли сообщения о суде и комментарии «морозоустойчивой прессы», самоотверженно дежурившей у суда. Благодаря этому узнали о суде и связанных с ним событиях не только на Западе, но и в СССР — даже там, куда самиздат не проникал и слова такого до тех пор не слышали. Так будущие правозащитники открыли доступный им очень мощный источник распространения своих идей и информации.

Суд завершился суровым приговором: семь лет лагеря строгого режима Синявскому и пять — Даниэлю. Но подсудимые и их доброжелатели чувствовали себя победителями. Осужденные не каялись и не осуждали свою «преступную» деятельность, как это бывало на политических процессах при Сталине, а отстаивали право поступать так, как они поступили. Не зная наперед, какая расправа их ждет, они оспаривали правомочность суда, выступая с позиций, прежде неведомых советскому обществу, а именно требуя соблюдения конституционных прав, свободы творчества и уважения к личности.

Суд над Синявским и Даниэлем помог сделать важное открытие: власти отказались от бессудных расправ, от пыток и избиений во время следствия, от приписывания прямых террористических намерений тем, кого они обвиняли в «антисоветской агитации», и, следовательно, от смертных приговоров за словесный «антисоветизм». Это было существенным снижением давления на общество по сравнению со сталинским временем. Однако прочтение законов властями по-прежнему определялось принципом «кто не с нами — тот против нас». Реальное осуществление гарантированной Конституцией свободы слова по-прежнему считалось «антисоветской агитацией и пропагандой с целью подрыва советского общества и государства», как гласила статья 70 Уголовного кодекса РСФСР, по которой осудили Синявского и Даниэля. При своеобразных отношениях между властью и гражданами в СССР, этот суд как бы объявил «таксу» за инакомыслие — максимальный срок по статье 70 (семь лет лагеря строгого режима и пять лет

ссылки). Последующие годы показали, что нашлось немало людей, которых эта цена не остановила в их стремлении говорить правду вслух. Приговор Синявскому и Даниэлю не прекратил распространения самиздата и практики публикаций за границей.

И еще одно важное следствие этого суда: в самиздате появилась «Белая книга», включавшая запись судебного заседания, газетные статьи о деле писателей и письма в их защиту.

Кампанию писем начали жены арестованных. В декабре 1965 года жена Даниэля Лариса Богораз написала письмо генеральному прокурору — протест против ареста за художественное творчество и незаконных приемов следствия:

Старший следователь подполковник Г. П. Кантов утверждает в беседах со мной и во время допросов, что мой муж виновен и понесет наказание... Такая предрешенность дела в процессе следствия заставляет меня сомневаться в объективности ведения дела...

Следователь позволил себе косвенные угрозы: если я буду плохо себя вести у меня могут быть неприятности по службе, «когда там узнают». Что узнают? Что мой муж под следствием? Но он ведь еще не признан виновным. А если и был бы признан, какие у меня могут быть неприятности и почему? Неужели мы возвращаемся к временам репрессий против семей осужденных, обвиняемых, подозреваемых людей?.. Я... требую соблюдения норм человечности и законности.

Позднее подобных писем было написано несчетное число, но в 1965 году такой тон и аргументы были новаторскими.

Лариса Богораз оказала огромное влияние на развитие событий в тот начальный период. Она стала притягательным центром для людей, сочувствовавших арестованным. Ее органичное правосознание и спокойное бесстрашие заражали, ее позиция служила примером. От Богораз и ее друзей эти новые идеи, как круги по воде, расходились по Москве, сказались на содержании и тоне других писем в защиту Синявского и Даниэля.

Известно двадцать два таких письма. Двадцать из них написаны москвичами. Подписали эти письма восемьдесят человек, в том числе более шестидесяти членов Союза писателей.

Конечно, озабоченность именно писателей в большой степени объясняется тем, что судили их коллег и речь шла о свободе художественного творчества, но и это неслучайно: для русской литературы традиционен антагонизм с властями, лучшие русские писатели всегда отстаивали уважение к личности, были ее защитниками.

Письма о Синявском и Даниэле написали в основном их сверстники (то есть люди среднего возраста), а то и пожилые. Все они были с высшим образованием, некоторые — с учеными степенями, все имели работу в соответствии со своим образованием. Это был советский образованный «средний класс», что отличало авторов писем от заводил с площади Маяковского

и смогистов, начавших конфронтировать с властями смолоду и так и не вписавшихся в официальное общество. Новый общественный круг, высказавший свои претензии власти, избрал для этого не демонстрации, а форму писем, дававшую больше возможностей для индивидуального самовыражения.

Письма в защиту несправедливо репрессированных писали и прежде, даже в годы сталинского террора. В те времена написать такое письмо было и величайшей наивностью, и актом величайшего мужества, так как это могло привести к аресту самого автора. Но те письма не были правозащитными документами, их аргументация исчерпывалась уверениями, что репрессированный человек предан советской власти и арестован «по ошибке». В 1958 году в самиздате ходила стенограмма собрания в Союзе писателей, где коллеги «осудили» Бориса Пастернака за опубликование за границей «Доктора Живаго». Тогда многие сочувствовали писателю и высказывали свое сочувствие вслух. Очень может быть, что кто-то свое возмущение травлей облекал в форму писем в официальные инстанции, но об этом ничего не известно. То же можно сказать и о деле поэта Иосифа Бродского, осужденного в Ленинграде в 1964 году на пять лет ссылки якобы за тунеядство: письма в его защиту посредством самиздата не распространялись. Авторы писем в защиту Синявского и Даниэля не рассчитывали, что власти прислушаются к их аргументам и откажутся от суда. Письма предназначались скорее не чиновникам, которым они были адресованы, а читателям самиздата. Целью их было заявить о неприятии официальной точки зрения на данный судебный процесс и на проблему взаимоотношений личности и государства. Письма, как и вся «Белая книга», сыграли огромную роль в формировании нарождавшегося независимого общественного мнения, в распространении правосознания.

Суд над писателями был не единственным признаком курса нового советского руководства на ресталинизацию. В печати все чаще стали появляться произведения, оправдывавшие и возвеличивавшие Сталина, а антисталинские высказывания не пропускались. Усилилось давление цензуры, ослабленное после XX съезда КПСС. Ответом на тревожные симптомы стали многочисленные петиции против ресталинизации, индивидуальные и коллективные. И каждая становилась событием общественной жизни. Среди подписавших эти петиции были композитор Дмитрий Шостакович, тринадцать академиков (в том числе Андрей Сахаров), знаменитые режиссеры, артисты, художники, писатели, старые большевики — члены партии с дореволюционным стажем. Доводы приводились самые лояльные (ресталинизация внесет разлад в советское общество, в сознание людей, ухудшит отношения с коммунистическими партиями Запада и т. п.), но протест был выражен энергично.

В начале 1968 года петиционную кампанию дополнили письма против судебной расправы над молодыми самиздатчиками Юрием Галансковым, Александром Гинзбургом, Алексеем Добровольским, Верой Лашковой. Все

четверо были студентами-вечерниками и зарабатывали на жизнь неквалифицированным трудом. Кроме Лашковой, все прошли через исключение из института, а Гинзбург и Добровольский даже отбыли лагерные сроки по политическим причинам.

«Процесс четырех», как стали называть этот суд, был непосредственно связан с делом Синявского и Даниэля: Гинзбург и Галансков обвинялись в составлении и передаче на Запад «Белой книги», а Лашкова и Добровольский — в содействии им. Галанскову, кроме того, вменяли в вину составление самиздатского литературно-публицистического сборника «Феникс-66».

По форме протесты 1968 года повторили события двухлетней давности, но в более широком масштабе: демонстрация «недоучек», в которой участвовали около тридцати человек (за что были осуждены на трехлетние сроки Владимир Буковский и его друг Виктор Хаустов); стояние у суда — но собралась не кучка друзей обвиняемых, а люди разного возраста и разного общественного положения. В день приговора у суда толпилось около двухсот человек. Петиционная кампания тоже была гораздо шире, чем в 1966 году. «Подписантов», как стали называть участников письменных протестов против политических преследований, оказалось более семисот. Среди них преобладали люди интеллигентских профессий — ученые, деятели искусств, издательские работники, учителя, врачи, юристы. Заметную часть «подписантов» на этот раз дала техническая интеллигенция.

Юрий Галансков

Александр Гинзбург

Вся эта петиционная активность наступление рестаилинизации затормозила, но непосредственного успеха не имела: Гинзбург был осужден на пять лет, Галансков — на семь (в 1972 году он умер в лагерьной больнице после неудачной операции в связи с язвой желудка), а над «подписантами» была устроена массовая расправа.

За редким исключением, члены партии были изгнаны из партии, что автоматически вело к увольнению с работы. Многих беспартийных тоже уволили или перевели на более низкие должности; студентов исключали из

институтов; писателей и художников — из творческих союзов, их перестали публиковать (выставлять их картины); ученые, ожидавшие защиты диссертации, не смогли их защитить и т. д. Иначе говоря, люди, до тех пор благополучные, оказались изгоями.

Петиционная кампания стала прорывом в общественной жизни. Десятилетиями до того люди боялись открыто критиковать власти. Теперь же распространение посредством самиздата критических писем, адресованных в официальные инстанции, помогало влиять на общественное мнение.

Среди писем по поводу «процесса четырех» выделялось обращение Ларисы Богораз и Павла Литвинова «К мировой общественности». Впервые за всю петиционную кампанию в качестве адресата значились не советские официальные инстанции, а «мировая общественность», то есть неравнодушные люди — как внутри СССР, так и за рубежом. Таким образом, авторы нарушили негласный запрет «не выносить сор из избы», выступив на весь мир с призывом потребовать освобождения подсудимых из-под стражи и назначить повторное судебное разбирательство в присутствии международных наблюдателей. Обращение Богораз и Литвинова имело резонанс на Западе: его поместили многие газеты, лондонская «Таймс» опубликовала о нем передовую, зарубежные радиостанции, вещавшие на СССР, многократно его зачитывали, что сделало обращение известным в стране и вызвало поток писем к авторам, как сочувственных, так и ругательных.

Лариса Богораз
и Павел Литвинов

В перипетиях 1965—1968 годов сформировался круг правозащитников. «Отбор» происходил не по признаку сочувствия либеральным идеям (сочувствие это, в Москве во всяком случае, было весьма широким), а по признаку готовности к открытому отстаиванию этой позиции.

Первый тур «отбора» — участие в петиционной кампании. В советских условиях это было серьезной проверкой на гражданственность. Однако нельзя ставить знак равенства между участниками кампании в поддержку «курса XX съезда» и правозащитниками. Значительная часть «подписантов» действовала с той или иной степенью надежды, что советские руководители примут в расчет открыто высказанное общественное мнение и если не прекратят, то уменьшат давление на общество.

Власти ответили репрессиями. К чести «подписантов», всего несколько человек согласились на «признание ошибок» и самоосуждение, хотя оно выжималось под угрозой утраты жизненных позиций.

Однако репрессии, начавшиеся весной 1968 года, и особенно советское вторжение в Чехословакию, произошедшее несколько месяцев спустя, ясно

показали не только опасность, но и бесперспективность открытых обращений с гражданскими требованиями.

Убедившись в этом, большинство «подписантов» отказались от открытой борьбы, вернулись в прежнюю жизненную колею, ограничившись пассивным осуждением поворота властей к сталинизму. Среди прочих перестали пытаться повлиять на власть почти все наиболее видные и поэтому наименее уязвимые участники петиционной кампании, имена которых придали ей особую значимость.

Лишь небольшая часть «подписантов» не пожелала расстаться с внутренней свободой, обретенной в открытых гражданских выступлениях. Пережитое духовное очищение сделало для них невозможным возвращение к двоемыслию, неизбежному при участии в советской официальной жизни. Эти немногие остались на позициях открытого противостояния, хотя они не питали надежды на успех в близком будущем. Обязательной платой за такую гражданскую позицию было изгойство, а возможно, и лагерный срок. События 1965—1968 годов помогли людям, готовым к таким испытаниям, найти друг друга. Свойственная им гражданственность, общность нравственных ценностей и изгойство сплотили их. Это содружество на первых порах и составило правозащитное движение, а впоследствии при его расширении оказалось его ядром.

Вступление в правозащитное движение не было обставлено никакими формальностями — это был акт самосознания. Однако очищение от двоемыслия и испытание готовности к неизбежным для правозащитника жизненным трудностям чаще всего начиналось с открытого протеста против беззакония. Поэтому правозащитником можно было считать каждого, хотя бы однажды заявившего такой протест. Самым распространенным способом его выражения была подпись под правозащитным документом.

Становление (1968—1972)

Между правозащитниками не было формальных связей — ни внутри ядра движения, ни между ядром и «периферией». Не было ни лидеров, ни подчиненных, никто никому не «поручал» никаких дел, а мог лишь сам делать задуманное, если не будет добровольных помощников. Никто не имел каких-либо обязанностей, кроме налагаемых собственной совестью. Но именно из-за добровольности присоединения к этому братскому ордену люди действовали с самозабвенной активностью, какой не вызвать приказами и понуканием. Эта неформальная структура оказалась наиболее пригодной для советских условий, показала свою эффективность. Для всякого дела находились исполнители, вернее — они сами находили себе дело.

Координировалась работа на основании дружеских связей, что обеспечивало глубокое взаимное доверие, без которого невозможна работа в обстановке постоянных преследований. Это же помогало заполнить лакуны, возникавшие из-за арестов: близкий человек, находившийся рядом с выбывшим, брал на себя его обязанности, поэтому замены происходили оперативно и сохранялась преемственность опыта. Тесные дружеские связи затрудняли проникновение в этот круг провокаторов. За почти двадцатилетнюю историю движения было много попыток внедрить в эту среду провокаторов, но неизвестно ни об одной удаче этих попыток.

Отсутствие формальных связей между участниками движения не означало отсутствия у него структуры.

Каркасом правозащитного движения стала сеть распространения самиздата. Самиздатские каналы послужили связующими звеньями для организационной работы. Они ветвились невидимо и неслышно как грибница, и так же, как грибница, прорывались то тут, то там на поверхность открытыми выступлениями. Однако не выступления, а самиздатская и организационная поденщина поглощали основную массу энергии участников правозащитного движения.

Размножение самиздата было чудовищно трудоемко из-за несовершенства технических средств и из-за необходимости таиться.

Правозащитникам удалось резко увеличить распространение самиздата, принципиально изменив этот процесс. Единичные случаи передачи рукописей на Запад они превратили в систему, отладили механизм «самиздат — тамиздат — самиздат». Тамиздат воспроизводили чаще всего с помощью

фотоаппарата. С начала 70-х годов для размножения тамиздата стали использовать и множительные машины, но редко: в учреждениях они были под очень строгим контролем. Находились люди, умевшие сконструировать и собрать их.

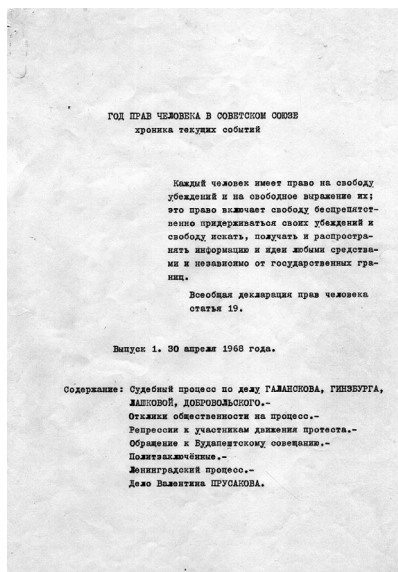
Произошли изменения и в перепечатке самиздата на пишущих машинках. Наряду с прежними «кустарями» к этому были подключены машинистки, труд которых оплачивался: была налажена продажа самиздатских произведений, на которые имелся спрос. Многолетним кропотливым и опасным трудом многих людей каналы самиздата (а значит, и связи правозащитников) упрочились, разветвились и очень увеличили свою протяженность. Одно из свидетельств этого — история информационного бюллетеня правозащитного движения «Хроники текущих событий» (ХТС), которую Сахаров спустя десять лет назвал самым большим достижением правозащитников.

«Хроника» появилась в 1968 году, насыщенном важными для правозащитного движения начинаниями. Первый выпуск бюллетеня вышел в разгар репрессий против «подписантов». И никто даже представить тогда не мог, что она будет выходить еще в течение пятнадцати лет. ХТС стала источником добросовестной информации о положении с правами человека в СССР. Название отвечало назначению издания: оно сообщало о нарушениях прав человека в СССР, о правозащитных выступлениях и фактах осуществления гражданских прав «явочным порядком». Но «Хроника» была не только регистратором нарушений прав человека, не только летописью правозащитного движения, но и его самоценной частью, поскольку создала и поддерживала постоянную связь с разделенными расстояниями островками правозащитного движения, а также помогала распространить идеи правозащитников среди участников национальных и религиозных движений, о которых правозащитники, начиная «Хронику», мало что знали, как и они о правозащитниках.

Редакция «Хроники» действовала анонимно, в выпусках не было адреса ее редакции и имен сотрудников. Это объяснялось

...своеобразными понятиями о легальности и свободе информации, выработавшимися за долгие годы в некоторых советских органах, —

поясняла «Хроника», имея в виду склонность КГБ к преследованиям инакомыслящих.

Наталья Горбаневская

Инициатором «Хроники» и ее первым редактором была Наталья Горбаневская. После ее ареста в декабре 1969 года и до 1972 года — Анатолий Якобсон. В дальнейшем редакция через каждые два-три года менялась, главным образом из-за арестов. Однако замена редакторов была незаметна для читателей, так как их личности совершенно не отражались на бюллетене: не только внешнее оформление и стиль изложения, но и подход к отбору материала и принципы его подачи не изменились за все пятнадцать лет существования «Хроники».

Механизм поступления информации в редакцию и распространения «Хроники» был предложен в ее пятом выпуске:

Каждый... легко может передать известную ему информацию в распоряжение «Хроники». Расскажите ее тому, у кого вы взяли «Хронику», а он расскажет ее тому, у кого он взял «Хронику» и т. д. Только не пытайтесь единолично пройти всю цепочку, чтобы вас не приняли за стукача.

Большое место в «Хронике» занимали события, происходившие в Москве, не только потому, что ХТС издавали московские правозащитники, но и потому, что Москва была центром правозащитного движения. Здесь оно зародилось, здесь шире всего был круг его активистов и сочувствующих движению. Преимущественно через Москву осуществлялись связи с Западом, что оказалось самым эффективным способом распространения неподконтрольной властям информации — через радиостанции, вещающие на СССР и через тамиздат.

Из первых выпусков ХТС очевидно, что осведомленность ее ограничивалась тогда в основном Москвой и Ленинградом. Из выпуска в выпуск можно проследить расширение ее географических связей и расширение связей с национальными и религиозными движениями.

Национальные движения в прибалтийских республиках, на Украине, в Литве, в Грузии и в Армении возникли раньше правозащитного и превосходили его по численности активных участников. Они протестовали против насильственной русификации своих народов, особенно против перевода и высшего, и школьного образования на русский язык в ущерб родным языкам. Во всех этих республиках наряду с движением в защиту национальной культуры существовали подпольные или полуподпольные группы, мечтавшие об обретении национальной независимости. В Прибалтике и на Западной Украине эту мечту лелеяли многие, отнюдь не только диссиденты. Там еще была жива память о вооруженной борьбе партизан против советского вторжения. Они были сокрушены только в начале 50-х годов. Участников этого сопротивления многие чтили как национальных героев.

Массовыми были движения крымских татар, турок-месхетинцев и немцев. Эти народы во время Великой Отечественной войны были по приказу Сталина поголовно выселены из родных мест и после его смерти стали добиваться возвращения на родину. Они натолкнулись на упорное противодействие властей. Это вынудило значительную часть участников немецкого движения переориентироваться, они стали требовать разрешения на выезд на свою историческую родину, в Германию, хотя многие из них жили в России уже в четырех-пяти поколениях. Еврейское движение, ставшее заметным с конца 60-х годов, с самого начала имело целью выезд из СССР на историческую родину евреев, в Израиль — это движение породил государственный антисемитизм.

«Хроника» наладила связи и с религиозными движениями — католиками, баптистами, пятидесятниками, адвентистами, а также православными, протестовавшими против подчинения церкви диктату государства и партии, которая видела в любой церкви своего идейного противника.

Контакты «Хроники» с инакомыслящими разных толков начинались с обоюдного желания поместить в ХТС полную и достоверную информацию об этих движениях: активисты религиозных и национальных движений узнали о ХТС благодаря передачам зарубежного радио и искали пути к ней. Их личные контакты с правозащитниками помогли взаимоузнаванию — взаимопониманию — взаимопомощи.

Постоянной темой «Хроники» было положение политзаключенных. Вести из мест заключения есть в каждом выпуске, начиная с первого. «Хроника» постоянно публиковала сообщения о перемещениях в местах заключения, о вновь прибывших, об освободившихся; периодически помещала списки политзаключенных с описанием их дел, а также сообщения об их протестах против притеснений со стороны лагерной администрации и открытые письма политзаключенных на волю. Благодаря «Хронике» советские политзаключенные впервые обрели возможность апелляции к внешнему миру. Прорыв немоты, на которую они долго были обречены, оказался необратимым. Вопреки всем стараниям прекратить утечку информации из мест заключения и несмотря на наказания за передачу вестей на волю, поток самиздата пошел из мест заключения.

Материальная помощь политзаключенным была организована правозащитниками по тому же принципу, что и распространение самиздата, — тот же механизм в этом случае действовал в обратную сторону: от дарителей к сборщикам.

Посылки и письма в лагеря начали отправлять весной 1966 года, как только стало известно, что в СССР есть политзаключенные. Первые сведения о них были получены от Синявского и Даниэля, прибывших в мордовские лагеря, где они обнаружили тысячи политузников.

Представления о составе политзаключенных и их положении расширились и конкретизировались благодаря Анатолию Марченко. Рабочий из Сибири, он оказался в политическом лагере после неудачного побега за

границу. Марченко освобожден из Мордовии в ноябре 1966 года, а спустя год отдал в самиздат книгу «Мои показания» — обстоятельное описание своего шестилетнего пребывания в политлагерях.

Их обитатели делились на следующие группы: участники национальных движений (в основном украинцы, латыши, литовцы и эстонцы); осужденные «за веру» (в основном баптисты и пятидесятники); пытавшиеся бежать за границу; члены подпольных кружков и осужденные за критику советских порядков в листовках, анонимных письмах в газеты и различные советские учреждения.

Материальная помощь политзаключенным стала постоянной заботой правозащитников. К 1968 году она была упорядочена и расширена.

Деньги собирали по группам знакомых или сослуживцев и отдавали эти взносы — непосредственно или по установившейся цепочке — нескольким постепенно определившимся сборщикам. Такие сборщики были в писательской среде, в научно-исследовательских институтах, в вузах и т. д. Таким образом собирали довольно значительные суммы, дополняемые нерегулярными, но более крупными пожертвованиями сочувствующих.

Ежемесячно собираемые деньги давали возможность посылать в лагеря продуктовые посылки и бандероли, теплые вещи, письменные принадлежности, книги. Покупка продуктов и вещей для посылок, доставание нужных книг были простейшим и безопаснейшим видом проявления сочувствия инакомыслящим. Делали это не только активные правозащитники, но и далекие от движения люди. Круг участвующих время от времени в помощи политзаключенным таким способом был довольно широким. Из-за трудностей доставания продуктов и несовершенства сферы обслуживания это была очень трудоемкая, отнимавшая много времени работа. В 1970 году были резко ужесточены правила почтовых отправок в лагеря, и политзаключенные почти полностью лишились продуктов питания с воли. Тогда же был наложен запрет на книжные посылки.

Правозащитникам не удалось добиться улучшения условий содержания политзаключенных. Более того, режим ужесточился именно в связи с пугами прекратить помощь политзаключенным от людей, озабоченных их судьбой. Но благодаря поддержке с воли политэки перестали чувствовать себя забытыми, упрятыми в безвестность, а для многих из них это было горше физических страданий.

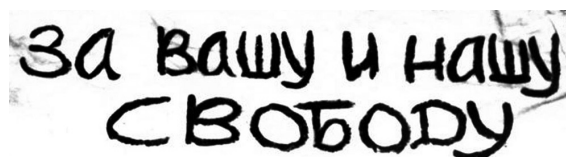
В 1969 году был создан фонд помощи детям политзаключенных. Этот фонд существовал на средства от домашних благотворительных концертов и других пожертвований.

Оба эти фонда — помощи политэкам и их семьям, то расширяясь, то сужаясь, просуществовали до 1976 года, когда стал действовать основанный Александром Солженицыным в Швейцарии Русский фонд помощи политзаключенным, и средства стали поступать в основном из-за рубежа.

Открытые выступления. В 1968 году, кроме протестов против ресталинизации и в связи с «процессом четырех», многочисленные протесты вы-

звало военное вторжение стран Варшавского блока в Чехословакию. Наиболее распространенным способом таких протестов был отказ проголосовать в поддержку этой акции на собраниях и митингах, проводившихся по всей стране. Таких случаев было много. Как правило, за этот скромный протест увольняли с работы.

Самым известным выступлением в защиту Чехословакии была демонстрация 25 августа 1968 года на Красной площади в Москве. Лариса Богораз, Павел Литвинов, Константин Бабицкий, Наталья Горбаневская, Виктор Файнберг, Вадим Делоне и Владимир Дремлюга сели на бордюр у Лобного места и развернули плакаты с лозунгами «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия!» (на чешском языке), «Позор оккупантам!», «Руки прочь от ЧССР!», «За вашу и нашу свободу!». К ним тут же

бросились сотрудники КГБ в штатском, дежурившие на Красной площади. У демонстрантов вырвали плакаты. Хотя они не сопротивлялись, их избili и затолкали в машины. Суд состоялся в октябре. Двоих отправили в лагерь, троих — в ссылку, одного — в психбольницу. Наталью Горбаневскую, у которой был грудной ребенок, отпустили.

Об этой демонстрации узнали в Советском Союзе и во всем мире, узнал народ Чехословакии. Многие считают ее единственным в СССР выступлением против оккупации Чехословакии. На самом деле протесты были и в Москве, и в Ленинграде, и в русской провинции, и в национальных республиках.

Еще до оккупации, 26 июля, А. Марченко послал в «Правду» и в пражскую газету «Руде право» открытое письмо с осуждением кампании клеветы на Чехословакию. 29 июля он был арестован и вскоре осужден по сфабрикованному обвинению в «нарушении паспортного режима» на год лагерей.

29 июля пятеро коммунистов — Петр Григоренко, Алексей Костерин, Валерий Павлинчук, Сергей Писарев и Иван Яхимович — посетили посольство Чехословакии в Москве и передали послу письмо с одобрением нового курса Коммунистической партии Чехословакии и осуждением советского давления на страну.

В ночь на 22 августа в Москве были разбросаны листовки с протестом против оккупации Чехословакии.

В один из первых дней после вторжения выпускник физического факультета МГУ Владимир Карасев повесил в вестибюле университета плакат

с осуждением оккупации и стал собирать подписи под соответствующим заявлением. Успели подписаться лишь четверо, когда примчались работники охраны университета. Они избили Карасева и потащили его в милицию. Оттуда его отправили в психбольницу. Карасев освободился через три месяца. За это время он был исключен из университета и лишен права на жительство в Москве. Ему пришлось устроиться кочегаром на подмосковной фабрике.

24 августа в Москве на Октябрьской (ныне Калужской) площади какой-то человек выкрикнул лозунг против вторжения и был избит неизвестными в штатском; его втолкнули в дежурившую тут же машину и увезли.

24 января 1969 года две студентки вышли на площадь Маяковского в Москве с плакатом «Свободу Чехословакии!» и простояли целых двенадцать минут, пока к ним не подошли несколько молодых людей. Назвав себя дружинниками, хотя повязок на них не было, они отобрали и разорвали плакат. Потом посоветовались между собой и решили девушек отпустить.

Весной 1969 года 23-летний Валерий Луканин из подмосковного города Рошали выставил в окне своей квартиры плакат с протестом против нахождения советских войск в Чехословакии. Его отправили в психиатрическую больницу. Он освободился оттуда только в 1978 году.

В 1971 году москвичка Надежда Емелькина вышла на одиночную демонстрацию с требованием освободить политзаключенных.

Правозащитные ассоциации. На начальной стадии правозащитного движения не заходило и речи о создании какой-либо организации. Большинство правозащитников было против организационных затей. Всем вошедшим в братское содружество правозащитников оно было дорого именно добровольностью, самостоятельностью каждого в определении своих функций в общем деле, свободой выбора непосредственных партнеров. Соображения о чреватости эксперимента с организацией арестом какое-то время останавливали и ее сторонников. Однако в 1969 году все-таки появилась на свет первая правозащитная ассоциация.

28 мая 15 активных подписантов отправили письмо с жалобой на нарушения гражданских прав в Советском Союзе. Это письмо отличалось от прежних адресатом — в Организацию Объединенных Наций. Авторы письма так объясняли это:

Мы обращаемся в ООН потому, что на наши протесты и жалобы, направленные в течение ряда лет в высшие государственные и судебные инстанции в Советском Союзе, мы не получили никакого ответа.

Они просили ООН «защитить попираемые в Советском Союзе человеческие права».

Важным отличием этого свидетельства об отсутствии гражданских прав в СССР от предшествующих была не только его отсылка на Запад, но и то, что подписавшие это письмо называли себя Инициативной группой по защи-

те прав человека в СССР. Большинство среди них составили москвичи ¹, но несколько человек было из других городов ².

Инициативная группа писала о «...нарушении одного из самых основных прав человека — права иметь независимые убеждения и распространять их любыми законными способами». В письме перечислялись известные правозащитникам политические процессы начиная с суда над Синявским и Даниэлем, указывалось на «...особо бесчеловечную форму преследований — помещение в психбольницу нормальных людей за политические убеждения».

С появлением названия «Инициативная группа» еще не решился вопрос, является ли группа разовым объединением, связанным лишь с данным сообщением в ООН, или она продолжит свою деятельность. Но менее чем через месяц возникла нужда в дополнении к первому письму из-за новых преследований за убеждения: речь шла об осуждении на второй срок находившегося в лагере А. Марченко, автора книги «Мои показания». Это письмо имело подпись «Инициативная группа», без указания фамилий ее членов. Таким образом группа стала постоянно действующей.

Оба заявления остались без какого-либо ответа из ООН, и третье, адресованное тогдашнему генеральному секретарю ООН У Тану, сообщало о начавшихся преследованиях членов Инициативной группы. Владимир Борисов был помещен в психбольницу, Мустафа Джемилев и Анатолий Левитин-Краснов арестованы.

Молчание международных правовых организаций развязывает руки вдохновителям дальнейших репрессий, —

писали в следующих письмах в ООН члены Инициативной группы.

В годовщину создания Инициативной группы ее члены в открытом письме объяснили, что она собой представляет. У нее не было ни программы, ни устава, ни какой-либо организационной структуры, однако

...всех нас, верующих и неверующих, оптимистов и скептиков, людей коммунистических и некоммунистических взглядов — объединяет чувство личной ответственности за все происходящее в нашей стране, убеждение в том, что в основе нормальной жизни общества лежит признание безусловной ценности человеческой личности...

Отсюда вытекает наше стремление защищать права человека. ...Нас объединяет также стремление действовать открыто, в духе законности, каково бы ни было наше внутреннее отношение к отдельным законам...

¹ Татьяна Великанова, Наталья Горбаневская, Сергей Ковалев, Виктор Красин, Александр Лавут, Анатолий Левитин-Краснов, Юрий Мальцев, Григорий Подъяпольский, Татьяна Ходорович, Петр Якир, Анатолий Якобсон.

² Владимир Борисов (Ленинград), Мустафа Джемилев (Ташкент), Генрих Алтунян (Харьков), Леонид Плющ (Киев).

Мы вовсе не уверены, что наши обращения в ООН — самый правильный образ действия, ни, тем более, что он единственно возможный. Мы пытаемся что-то сделать в условиях, когда, с нашей точки зрения, ничего не делать — нельзя.

Поскольку пятикратное обращение в ООН осталось безответным, Инициативная группа делала попытки найти другие адресаты. Обращения в январе 1972 год об узниках совести и о психиатрических репрессиях были адресованы Пятому международному конгрессу психиатров в Мехико, Международной лиге прав человека и — еще одна попытка обращения в ООН — новому генеральному секретарю Курту Вальдхайму. Все эти письма тоже остались безответными, и поредевшая Инициативная группа (к этому времени лишились свободы восемь ее членов) перестала обращаться в международные инстанции.

Опыт Инициативной группы подтвердил, что личная безопасность вошедших в нее еще более зыбка, чем положение авторов и соавторов открытых писем. Однако выяснилось, что аресты членов происходят не немедленно (защищает именно гласность!) и что заявления людей, провозгласивших себя объединением с декларированными целями, несравненно более впечатляющи, чем пачка заявлений на ту же тему каждого из них в отдельности или послания, написанные ими же, но просто в качестве соавторов.

И еще одно важное преимущество обнаружилось благодаря объявлению группы: имена ее участников узнали слушатели зарубежных радиостанций и в группу стали обращаться люди, воспринявшие ее членов как полномочных представителей правозащитного движения. Члены группы, не объявляя себя таковыми и не претендуя на это, стали как бы олицетворять движение в целом, оказались его рупором.

Опыт Инициативной группы убедил в ценности включения в структуру правозащитного движения открытых ассоциаций. Начался поиск наиболее конструктивных и безопасных их вариантов.

В ноябре 1970 года в Москве начал действовать Комитет прав человека в СССР. Инициатором создания этой ассоциации был Валерий Чалидзе. Кроме него, членами-основателями Комитета стали Андрей Твердохлебов и академик Андрей Сахаров. Все трое — физики.

Комитет прав человека стал первой в стране независимой общественной ассоциацией с разработанным регламентом и правилами членства. В учредительном заявлении указывались цели Комитета: консультативное содействие органам государственной власти в создании и применении гарантий прав человека; разработка теоретических аспектов этой проблемы и изучение ее специфики в социалистическом обществе; правовое просвещение, в частности пропаганда международных и советских документов по правам человека.

Органы власти, увы, не консультировались с членами Комитета, так что его деятельность свелась к изучению состояния этих прав в советской

практике и к теоретической разработке проблем прав человека в советском законодательстве. И то и другое было первым шагом на этом пути, так как ни советские правовики, ни правозащитники этими проблемами в теоретическом аспекте не занимались. Просветительская деятельность Комитета тоже была очень необходима, прежде всего участникам правозащитного движения, которые при всем своем одушевлении идеями права в подавляющем большинстве не обладали ни опытом, ни достаточными знаниями в этой области, ни даже достаточно развитым правосознанием.

Комитет прав человека стал первой в СССР независимой общественной ассоциацией, получившей международное членство — в июне 1971 года он получил статус филиала Международной лиги прав человека — неправительственной организации, имеющей консультативный статус при ООН. Члены Комитета поддерживали телефонную связь с международными организациями, получали их документы и отправляли им свои.

Хотя Комитет был задуман как исследовательская и консультативная организация, к его членам обращалась масса людей не только за юридическим советом, но и за помощью. Особенно много времени уделял таким посетителям Чалидзе.

Деятельность открытых правозащитных ассоциаций, помощь политзаключенным и их семьям, распространение информации о положении с правами человека в СССР определили связующую роль московского ядра правозащитного движения по отношению к его участникам из других городов и нерусских республик. Новые связи московских правозащитников расширили их знания о независимой общественной жизни за пределами Москвы — это прослеживается по «Хронике текущих событий».

Итак, в 1968—1971 годах наиболее распространенной формой правозащитных выступлений были письма в советские инстанции, одновременно распространяемые в самиздате. Письменные протесты против конкретных проявлений беззакония стали постоянным явлением общественной жизни столицы. Вне Москвы эта жизнь протекала скрытно (подпольные кружки, самиздат). Благодаря самиздату и передачам зарубежных радиостанций идеи движения за права человека распространились по стране, способствовали росту гражданского сознания.

Ленинград от Москвы совсем недалеко, и все-таки атмосфера в этих городах была разной.

До революции Санкт-Петербург (Петроград) служил России «окном в Европу», это был самый «заграничный» из русских городов. Москва же олицетворяла патриархальность, жила по старым традициям. В советское время, наоборот, столичная Москва была если не «окном», то «щелкой» в Европу. Отсюда шли не только официальные, но и почти все неофициальные связи с Западом. А в Ленинграде обстановка была более провинциальная, он был где-то посередине между Москвой и остальной Россией в сфере независимой общественной жизни. Началась она в Ленинграде тогда же, что и в Москве. Общая точка отсчета — смерть Сталина и XX съезд партии. С тех пор

шло это развитие в одном направлении, проходило те же стадии, но каждая из них в Ленинграде оказывалась продолжительней, чем в Москве, и «отставание по фазе» с течением времени усугублялось.

Во второй половине 50-х годов и там и здесь происходили будоражающие открытые выступления в официальных аудиториях, в официальных изданиях, шли горячие толки в многочисленных дружеских компаниях, появлялись подпольные кружки. Однако в Москве эра подпольных кружков была недолгой — только возникнув, они довольно быстро распались, а новые не появились. Независимая общественная жизнь смогла принять здесь открытые формы.

Иначе было в Ленинграде. После арестов участников подпольных кружков в 1957 году традиция подполья не прекратилась. Летом 1965 года были арестованы члены группы, выпускавшей самиздатский журнал «Колокол». В 1967—1968 годах судили членов подпольного Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (ВСХСОН). Последняя подпольная группа (Ушаков и Саркисян) была раскрыта в 1976 году. А между ними были группы Сергея Мальчевского и Николая Брауна (обе раскрыты в 1969), группа Вячеслава Дзибалова и братьев Пуртовых (суд в начале 1972), от других остались лишь имена некоторых участников.

Группа Мальчевского была скорее уголовной (на ее счету проведение «обыска» по подложным документам у богатой старой женщины с «изъятием» ценностей), но с политическим (фашистско-антисемитским) духом, свойственным и группе Николая Брауна. В обеих дальше разговоров не шло. Остальные ленинградские подпольщики при большей или меньшей оформленности занимались делами, которыми в Москве занимались куда шире без всяких формальных затей, а именно: писали, размножали и распространяли самиздат. Единственным исключением является группа «Колокол» — наименее оформленная и наиболее деятельная из всех ленинградских подпольных групп. К моменту ареста «колокольчики», спаянные дружбой еще со студенческих времен (все они выпускники Ленинградского технологического института) только вели разговоры об организационном оформлении группы — уставе, программе и т. д. Но на их счету довольно широкое распространение книги, написанной членами группы Валерием Ронкиным и Сергеем Хахаевым «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата», трехкратное распространение листовок, отпечатанных на гектографе, и издание информационно-политического журнала «Колокол» (вышло два выпуска, третий был подготовлен, но не вышел из-за арестов).

Самой структурированной и законспирированной из ленинградских организаций был ВСХСОН, но он был не более продуктивным, чем остальные подпольные группы — на протяжении почти трехлетнего существования его члены успели только написать программу и обменяться несколькими книгами для прочтения.

Таким образом, подпольная деятельность в Ленинграде оказалась продолжительней, чем в Москве, и захватывала более широкий круг людей. По

делу «Колокола» было допрошено около двухсот человек, по делу ВСХСОН — около сотни. Связи ленинградских подпольщиков с другими городами, вообще довольно слабые, тянулись в провинцию (Курск, Петрозаводск, Саратов), но не в Москву, где, видимо, они не находили деятельной поддержки.

В отличие от подпольной, открытая общественная деятельность ленинградцев, как правило, велась совместно с москвичами. По форме открытые выступления в Ленинграде почти полностью совпадали с московскими, но были слабее. Поэтический бум второй половины 50-х — начала 60-х захватил в равной степени и Москву, и Ленинград, но поэтические сборники тогда в Ленинграде не появились — неофициальные ленинградские поэты были собраны в одном из трех выпусков «Синтаксиса», изданных москвичом А. Гинзбургом, и все три выпуска циркулировали в обоих городах. Сходки на площади Маяковского в Москве, начавшиеся в 1958 году, имели аналогию в дискуссии о современной живописи на площади Искусств и в Доме художника в Ленинграде в 1957 году. Таких сходок было всего две. Продолжить их не удалось из-за очень уж энергичного и немедленного разгона. То же случилось и со следующей попыткой такого рода — на Марсовом Поле в 1961 году.

Политические суды послехрущевского времени начались в Ленинграде раньше, чем в Москве. Уже через месяц после смещения Хрущева, 23 ноября 1964 года, в газете «Вечерний Ленинград» появилась статья Я. Лернера «Окололитературный трутень» — о талантливом молодом поэте Иосифе Бродском. Стихи Бродского широко ходили в самиздате, их пели под гитару. В фельетоне Бродский (отличавшийся огромным трудолюбием, обеспечившим ему редкую эрудицию) обвинялся в «паразитическом образе жизни» на том основании, что не имел постоянного места работы. Вскоре он был арестован.

На защиту Бродского поднялся цвет советской литературы. Писали или просили высокие инстанции вмешаться в это дело Анна Ахматова, Корней Чуковский, Константин Паустовский, Самуил Маршак, Дмитрий Шостакович и др. Больше всех сделала для защиты Бродского московская журналистка Фрида Вигдорова. Она составила запись судебного заседания — первый подобный документ в самиздате.

Суд над поэтом поражал отсутствием хоть каких-нибудь данных для обвинения, а также грубостью и тупостью судьи. В качестве публики на грузовиках привезли строительных рабочих, соответственно обработанных. Они улюлюкали и хамили обвиняемому и сочувствовавшим ему. Кроме родителей подсудимого, в зал пустили лишь Вигдорову и еще двух-трех его знакомых. Остальные толпились у закрытых дверей. Приговор был максимальным по статье о «тунеядстве» — пять лет ссылки.

Однако случилось все это в начале 1965 года, «оттепель» еще не кончилась, а хлопоты знаменитостей за опального поэта не прекратились. Меньше чем через полгода после суда Бродский был реабилитирован и возвратился в Ленинград.

В ноябре 1965 года судили группу «Колокола». Подсудимые вели себя по-рыцарски, оспаривали друг у друга авторство инкриминируемых статей. Стайка друзей во все время суда стояла у здания. «На адвокатов» собрали значительную сумму денег. Ронкину и Хахаеву дали по семь лет лагеря и три года ссылки, остальным — от двух до четырех лет лагеря. После суда разразились «проработки» с увольнениями с работы, захватившие довольно широкий круг выпускников Технологического института — друзей и знакомых осужденных.

Из-за того, что группы «Колокола» и ВСХСОН были подпольными, они не собрали вокруг себя единомышленников, узнали о них только после арестов. В Ленинграде не сформировался круг людей, объединенных общностью активной гражданской позиции, как содружество московских правозащитников. Близкие им по духу ленинградцы тянулись в Москву, а в своем городе были одиноки или составляли маленькие группы, по несколько человек.

В кампании писем, захватившей Москву в 1968 году, ленинградцы приняли участие «письмом десяти» и еще несколькими индивидуальными петициями, где говорилось о беззакониях не только на московском «процессе четырех», но и в Ленинграде на судах над «колокольчиками» и вэсхасоновцами. Художественный руководитель Большого драматического театра Георгий Товстоногов и актер Иннокентий Смоктуновский приняли участие в письме двадцати пяти деятелей культуры, предостерегавших от рестаилинизации.

Вторжение советских войск в Чехословакию вызвало, кажется, первую в Ленинграде отдельную от Москвы попытку коллективного открытого протеста: двенадцать ленинградцев собрались обсудить письмо по этому поводу, но были арестованы, еще не дописав его.

Ученый-зоолог, бывший фронтовик Александр Гусев высказал в письме к Брежневу несогласие с «решением ЦК по чехословацкому вопросу», полагая, что вторжение в Чехословакию подорвет международный престиж СССР. Гусев не распространял письмо в самиздате, оно стало известно, когда из канцелярии Брежнева было переслано в парторганизацию академического института, где работал Гусев. Он был исключен из партии и терпел преследования на работе.

Остальные протесты против вторжения в Чехословакию (в Ленинграде было зарегистрировано шестнадцать таких случаев) планировались как безымянные. В ночь вторжения появились надписи на фигурах коней на Аничковом мосту «Вон Брежнева из Чехословакии!». Исполнитель — 20-летний ленинградец Богуславский — был задержан на месте, избит и получил трехлетний лагерный срок. Имена остальных участников протестов остались неизвестными. Так, из машины, проезжавшей по Дворцовой площади, был выброшен сверток с листовками. На следующий день по ленинградскому радио передавалась просьба сообщить, не запомнил ли кто номер машины, из которой «выпал» сверток.

В 1970 году вновь были арестованы Р. Пименов и Б. Вайль. На этот раз за распространение самиздата. Судили их не в Ленинграде, а в Калуге. На суде присутствовал академик Сахаров. Остальных москвичей и ленинградцев, приехавших в Калугу, чтобы попасть на суд, в зал не пустили. После политических судов были увольнения, исключения из институтов и пр., коснувшиеся родных и друзей подсудимых, отказавшихся дать порочащие их показания или высказать им порицание.

Отсутствие открытой общественной деятельности в Ленинграде объясняется, конечно, не какими-то особенностями ленинградцев, а тем, что такие события здесь было труднее сделать достоянием гласности, чем в Москве, где находились иностранные корреспонденты. Ленинградское начальство пресекало любые попытки проявления неортодоксальности гораздо быстрее и суровее, чем в столице.

В этом смысле показательно дело Василия Чернышова, узника Ленинградской спецпсихбольницы (СПБ). В 1970 году Чернышов окончил математико-механический факультет Ленинградского университета и преподавал математику в Технологическом институте. Увлекался собиранием книг и пластинок, писал для себя стихи, рассказы, философские эссе, среди которых были антикоммунистические. Он перепечатал свои произведения на машинке, переплел в три тетради и за пять лет показал двум знакомым. И он и они были арестованы. Один вымолил себе прощение раскаянием, а Чернышов и художник Попов оказались в СПБ с диагнозом «хроническая шизофрения», где пробыли несколько лет, подвергаясь «лечению» сильными нейролептиками.

Не редкостью в Ленинграде были суды над «листовочниками» и авторами анонимных писем с критикой советских порядков. Эти письма, отправленные в газеты и в разные советские учреждения — трагические свидетельства о людях, задыхавшихся от духовного одиночества и вынужденного молчания.

Атмосфера в больших провинциальных городах российской части СССР была похожа на ленинградскую, только численность жителей и культурная прослойка там меньше и, соответственно, меньше людей с гражданскими устремлениями. Но все-таки во многих русских городах с развитой промышленностью, с вузами и научными институтами, начиная с 50-х годов существовали дружеские кружки инакомыслящих. Между этими кружками шел обмен самиздатом. Обычно его привозили из Москвы, где у кого-то оказался знакомый или даже несколько знакомых, причастных к самиздату. Достаточно было заполучить один экземпляр статьи или книги — размножение происходило на месте. Молодежь кое-где создавала необъявленные организации, иногда разбрасывали листовки, писали лозунги на стенах зданий, и исполнителей далеко не всегда находили. Люди постарше обычно ограничивались размножением самиздата, обменивались им, иногда становились его авторами (как правило, под псевдонимом), но не пытались ни организовать тайно, ни выступить открыто.

В ХТС упоминается в такой связи примерно полсотни городов. Из каждого есть по одному или по два сообщения: у кого-то нашли самиздат, кого-то арестовали или уволили с работы за негодные властям высказывания. По несколько сообщений было из Владимира, Горького (ныне Нижний Новгород), Рязани, Саратова, Свердловска (ныне Екатеринбург), Кирова, Ростова-на-Дону, Новосибирска, Обнинска (Калужская область).

Владимир. В декабре 1968 года здесь вышли два номера машинописного информационного бюллетеня «Молодость», которые оповещали, что в городе создан Союз независимой молодежи — легальная организация. Ее руководителем был Владимир Борисов — рабочий, по образованию филолог. Борисов подал в горисполком заявление о регистрации Союза.

Согласно уставу, «основная цель Союза — всемерно способствовать развитию социалистической демократии и общественного прогресса в нашей стране». Союз требовал «ввести подлинно демократические выборы», «настоящей свободы слова, печати, собраний, митингов, демонстраций и союзов», «не преследовать за убеждения», «ликвидировать незаконную, антиконституционную цензуру», «усилить борьбу с уголовной преступностью».

Кроме объявления об организации союза, в информационных листках содержались сообщения из жизни страны и Владимира с задорной критикой самого высокого начальства города и области.

31 мая 1969 года Борисова обманом увезли в психиатрическую больницу. Ему сказали, что он помещен на экспертизу для военкомата, но стали вводить сильнодействующие лекарства и довели до шокового состояния. В ответ его друзья по союзу распространили в городе листовки об этой организации и о судьбе его председателя. Гласность оказала действие: Борисов был признан здоровым, и вскоре его выписали из больницы. Но через месяц последовал его арест и повторная психиатрическая экспертиза, которая признала его невменяемым. Союз молодежи был разогнан, а через год, в мае 1970 года, Владимир Борисов повесился в больничном отделении Бутырской тюрьмы. Таков трагический конец единственной известной «Хронике» легальной молодежной организации, созданной в русской провинции.

Горький. В отличие от необычного владимирского эксперимента, события в Горьком дают картину «нормальной» жизни инакомыслящих в русской провинции.

Горький — промышленный город. Здесь много учебных заведений, в том числе и университет. С начала 60-х годов в нескольких дружеских компаниях наладился обмен самиздатом. Существовали как «взрослые» кружки (в которые входили преподаватели вузов и техникумов, инженеры и члены их семей), так и студенческие. Наиболее политизированным был кружок на историко-филологическом факультете университета. Его составили будущие историки, мыслявшие в неомарксистском духе. В середине 60-х годов самиздат в университете читали почти открыто. Случалось, что студенты брали новые поступления на лекцию, и за учебный день, передавая друг

другу листочки, вся группа успевала прочесть не только статью, но и книгу. Шел обмен самиздатом даже между студентами и преподавателями, разделявшими этот интерес. Студенты-историки интересовались более всего политическим самиздатом, среди филологов большим успехом пользовались художественные произведения, но и там постоянной темой разговоров была «свобода творчества». Но чаще читали стихи, чужие и свои, пели под гитару и, конечно же, пили водку.

В начале 1968 года, в самый разгар петиционной кампании в Москве, в Горьком по поводу «процесса четырех» появилось два письма, оба анонимные, написанные печатными буквами (говорят, так труднее идентифицировать почерк).

Тогда же в городе стали распространяться листовки. Они были разбросаны в университете, политехническом, педагогическом и медицинском институтах, а также расклеены вблизи здания КГБ и вокруг университета. Листовки содержали требование демократических свобод, реабилитации осужденных по процессам 30-х годов, улучшения жизни нынешних политзаключенных. Авторы призывали «следовать чешскому примеру». Причастных к листовкам тогда не нашли, но нескольких студентов исключили из вузов за распространение или даже за чтение самиздата, некоторых — за отказ от дачи показаний. Несколько преподавателей были уволены.

Вскоре после этих событий пятеро студентов университета из «исторического» кружка устроили обсуждение коллективно написанной ими работы «Социализм и государство». Она базировалась на доступных советских источниках, была выдержана в марксистском духе, но выводы расходились с официальными. Все участники обсуждения были комсомольцами, и их «дело» решалось на комсомольском собрании. Осуждение вовсе не было единодушным. Многие сочувствовали «еретикам». Когда их все-таки исключили, одна студентка из солидарности заявила о выходе из комсомола. Она была исключена из университета перед самой защитой диплома. Авторы «Государства и социализма» тоже были изгнаны из университета и тут же призваны в армию.

Авторы листовок были арестованы лишь летом 1969 года. Ими оказались Михаил Капранов, Сергей Пономарев и Владимир Жильцов. Осенью к ним присоединился их знакомый — преподаватель техникума историк Владлен Павленков. Суд был закрытым и длился целый месяц. Помимо изготовления и распространения листовок, подсудимые обвинялись в попытке создания «антисоветской» организации во главе с Павленковым. Ни один из них своей вины не признал. 24 апреля 1970 года Павленков и Капранов были приговорены каждый к семи годам лагеря строгого режима, Пономарев — к пяти, а Жильцов — к четырем годам лишения свободы.

Еще до окончания суда разразился шквал преследований родственников и друзей подсудимых. Их жен выгнали с работы без права работать по специальности. Жена Павленкова, преподававшая немецкий язык в университете, вынуждена была устроиться истопницей. Примерно так же сло-

жила судьба родственников других арестованных. Подругу Жильцова исключили из университета за две недели до его окончания. Всем им вменили в вину недонесение о чтении самиздата их близкими. За показания в пользу обвиняемых и даже только за знакомство с ними были уволены с работы десятки людей, и несколько десятков студентов исключили из университета и из других горьковских вузов.

После этих испытаний студенческие кружки распались, но через некоторое время другие поколения студентов создали примерно такие же, однако распространять самиздат стали поосторожней. «Взрослые» кружки утратили некоторых своих участников, отошедших в сторону, чтобы избежать неприятностей, но остальных гонения еще более сплотили. Аресты не прервали ни поступления самиздата из Москвы, ни размножения и циркулирования его в Горьком.

События, аналогичные горьковским, происходили и в других городах. Активной силой часто выступала молодежь, настроенная демократически и стремившаяся самостоятельно разобраться в современной ситуации, осмыслить ее.

Саратов. В то время как горьковские студенты писали свою книгу, а во Владимире обсуждалось создание открытой молодежной организации, в Саратове сложилась подпольная студенческая группа, назвавшая себя Партией истинных коммунистов. Она имела программу либерально-демократического толка и ставила целью творческое изучение марксизма по первоисточникам, а также соответствующей литературы, официально опубликованной и самиздатской.

Аресты членов группы произошли в августе 1969 года. На суде обвиняемые подчеркивали, что вели не агитацию («немногое для многих»), а пропаганду («многое для немногих»).

По делу прошло около пятидесяти свидетелей — студентов и недавних выпускников саратовских вузов. Все подсудимые признали вину и покаялись, но несмотря на это, глава организации студент юридического института Олег Сенин получил семь лет лагеря, остальные — от трех до шести. После процесса более шестидесяти человек, близких к обвиняемым, подверглись внесудебным репрессиям — увольнениям с работы и исключению из вузов.

4 февраля 1971 года саратовская газета «Коммунист» поместила статью «У позорного столба», где были названы двадцать посетителей книжного «черного рынка». Шестерых автор статьи назвал самиздатчиками. Они постоянно слушали передачи зарубежных радиостанций и некоторые записывали на магнитофон, покупали произведения А. Солженицына не только на саратовском «черном рынке», но и ездили в другие города за тамиздатом и за самиздатом. По ночам перепечатывали раздобытое на машинке: «Один экземпляр себе в тайник, остальные — для распространения». В статье сообщалось, что из тайников были изъяты десятки самиздатских произведений.

И еще одно короткое известие, тоже из Саратова и тоже о самиздате. 17 марта 1971 года врач-рентгенолог Нина Кахцадзова была увезена с работы на допрос в КГБ после обыска, на котором нашли самиздат и листовки, распространявшиеся в московском ГУМе иностранцами. Во время допроса она дважды теряла сознание. В тот же день вызывали на допросы и нескольких ее друзей. На следующее утро она повесилась.

Рязань. Во второй половине 1968 года студенты Радиотехнического института создали нелегальную организацию под названием «Марксистская партия нового типа». Студент-заочник, токарь завода «Рязсельмаш» Юрий Вудка написал брошюру «Закат капитала», которая стала программным документом не только рязанской группы, но и саратовской.

Организация была раскрыта вследствие явки в КГБ с повинной ее членов Мартимонова и Заславского. На суд в Рязань вызвали свидетелей из Саратова, Подмосковья, Ленинграда, Киева. Приговоры — от трех до семи лет лагерей. Доносчики были осуждены условно.

Свердловск. В 1969 году здесь возникла молодежная организация «Свободная Россия». В нее вошли братья Валерий и Виктор Пестовы (сыновья военного врача, отслужив в армии, работали на заводе слесарями), техник с кондитерской фабрики Николай Шабуров, железнодорожный диспетчер Владислав Узлов и слесарь Владимир Берсенева. В качестве первой акции обсуждали возможность организации убийства «отцов города» во время праздничной демонстрации, но потом оставили мысль о терроре, обзавелись пишущей машинкой и написали листовку «Восходящее солнце». Около ста экземпляров листовки разбросали на заводе «Уралмаш» и распространили среди студентов железнодорожного института. К весне провели организационное собрание, изменили название организации на «Российская рабочая партия», приняли устав и программу (свобода слова, отмена цензуры, повышение заработной платы рабочим и стипендий студентам, улучшение жилищных условий, независимость профсоюзов), ввели членские взносы. Мечтали установить связи с Москвой, где, как предполагали, действует некий подпольный «центр». Свердловскую организацию лишь условно можно назвать подпольной, так как ее участники не скрывали от знакомых принадлежности к ней. К маю 1970 года написали новую листовку «Меч тяжел, необходимо объединение сил». Разбросали ее в Серове, Нижнем Тагиле и Свердловске. Шабуров отправился распространять листовку в Москве, Ленинграде и Прибалтике и искать «центр». В Лиепаве родственник убедил его пойти в КГБ с повинной. О своем признании Шабуров оповестил друзей телеграммой. 19 и 20 мая 1970 года пятеро были арестованы. К этому времени в Российской рабочей партии состояло около пятидесяти человек. Суд прошел в ноябре. Приговоры — от трех до пяти лет лагерей.

Ровно через год в Свердловске состоялся суд над семью молодыми рабочими — членами организации «Революционная партия интеллектуалистов Советского Союза». Главой ее был 27-летний слесарь из Нижнего Тагила, бывший член КПСС Георгий Давиденко, называвший себя социал-демо-

кратом. Организация существовала с 1970 года. Члены ее регулярно проводили совещания, создали печатную базу и распространяли литературу, в основном статьи своего идеолога 25-летнего выпускника философского отделения Донецкого университета Василия Спиненко. По его идее, справедливое общество способна создать лишь инженерно-техническая интеллигенция, она и должна получить доступ к управлению. Член группы Семилетов после службы в армии пошел в школу МВД — учиться конспирации. Следствие по делу этой партии велось не только в Свердловске, но и в Красноярске, Хабаровске, Горьком и, возможно, в других городах. Давиденко и его товарищи получили по четыре года лагерей. Спиненко был отправлен в спецпсихбольницу.

Научные городки (Новосибирский Академгородок, подмосковные Обнинск, Пущино, Дубна, Черноголовка и др.). Создавая эти городки, власти, кроме прочего, хотели изолировать ученых с их привычкой к независимому мышлению от остального населения. Но в самих городках создавалась среда с особым общественным микроклиматом, где самостоятельность мышления проявлялась не только при решении научных вопросов.

Философ Борис Шрагин, выступавший с лекциями в подмосковных научных городках, утверждал впоследствии, что такую открытую реакцию слушателей он встречал лишь в свободном мире: слушатели с безбоязненной естественностью задавали вопросы и высказывали свое мнение по самым острым политическим проблемам.

Научные городки стали идеальной средой для самиздатской деятельности, самиздат и тамиздат циркулировали в них практически открыто.

Под коллективными обращениями против ресталинизации, а также в защиту обвиняемых на «процессе четырех» большинство подписей (45%) принадлежит ученым. Одно из таких обращений, с сорока шестью подписями, было составлено в Новосибирском Академгородке.

«Проработки» «подписантов» проводились и в научных городках. И там нашлись люди, выступавшие с «гневным осуждением». Но все же большинство поддерживало «подписантов», и партийные власти, чтобы выполнить приказ об «осуждении», вынуждены были пойти на компромисс — в обмен на словесное осуждение существенно смягчить наказание «подписантам».

В Академгородке из пяти «подписантов», состоящих в КПСС, трое не были исключены из партии (чего в Москве и Киеве удавалось избежать только раскаянием), а лишь получили строгие выговоры. А надо сказать, что исключение из партии автоматически вело к увольнению с работы, в то время как получивший выговор работу сохранял, к тому же через год-два зыскание снимали. К компромиссным решениям можно отнести и понижение в должности (вместо увольнения) и даже уход с работы «по собственному желанию», так как такая формулировка облегчала поступление на другую работу. Двум «подписантам» предложили работу и квартиры в Новосибирске, лишь бы они согласились уйти «по собственному желанию» — видимо, «организовать» увольнение было трудно.

Так же вели себя сотрудники Института биофизики в подмосковном Пушкино, когда получили донос на двух своих коллег об «антисоветских» разговорах, которые они вели будучи в отпуске.

Подобная атмосфера сложилась, видимо, и среди студентов Новосибирского университета. Студенты не подписывали писем, но выразили свое отношение к суду надписями на стенах зданий в Академгородке, сделанными ночью несмываемой краской: «Их преступление — честность», «Прекратите закрытые процессы — мы хотим знать правду» и т. п. Карательные органы, выявив их авторов среди студентов, смогли добиться лишь их исключения из комсомола и удаления из университета на два года.

25 августа 1968 года в Академгородке снова появились надписи на стенах: «Варвары, вон из Чехословакии!». Авторы так и не нашли.

В коллективах научных институтов чаще чем где бы то ни было случались отказы проголосовать за одобрение советской «братской помощи» Чехословакии. В Пушкино больше половины сотрудников одного из конструкторских бюро при голосовании воздержались. Однако так было лишь до конца 60-х годов.

Открытые выступления ученых в защиту демократии и соблюдения закона впоследствии стали редкостью. Будучи наиболее приверженным этим ценностям слоем советского общества, ученые при этом были очень уязвимы, так как простое увольнение с работы (а для студентов — невозможность получить избранную специальность) для них было более ощутимой утратой, чем потеря рабочего места для людей нетворческого труда, которым потом было легче найти работу по специальности. Однако и среди правозащитников, и среди эпизодически поддерживавших их и в последующие годы ученые составляли заметную часть, притом наиболее влиятельную, и скрытые формы независимой общественной жизни, в частности самиздатская деятельность и помощь политзаключенным и другим жертвам политических репрессий, были наиболее укоренены именно в этой среде.

Балтийский флот. В 1969 году был раскрыт подпольный Союз борьбы за демократические права, созданный офицерами Балтфлота. В Таллине, Ленинграде и Калининграде были арестованы около тридцати человек и в Польше — два советских офицера. Как выяснилось во время следствия, руководителем организации был старший лейтенант Геннадий Гаврилов, писавший в самиздате под псевдонимом Алексеев. Гаврилов ездил в Москву, через москвичей связался с инженером Сергеем Солдатовым, который был ведущей фигурой в подпольной организации «Эстонское демократическое движение» в Таллине. Союз борьбы за демократические права издавал самиздатский журнал «Демократ» на русском и эстонском языках. Члены организации нуждались в типографском шрифте, и Солдатов помог обеспечить печатные средства. Членов Союза — военнослужащих — судили закрытым судом. Гаврилов получил шестилетний лагерный срок. Один из его товарищей был признан невменяемым, другой, раскаявшийся на следствии и давший обширные показания, — два года лагеря.

Репрессии против правозащитников

Каждый выпуск «Хроники текущих событий» начинался с сообщений о политических процессах. До конца 1972 года ХТС сообщила о тридцати четырех таких процессах, на которых был осужден пятьдесят один человек.

С 1969 года усилились психиатрические репрессии. Начиная с суда над Синявским и Даниэлем, власти неоднократно убеждались, что политические расправы подрывают за рубежом репутацию Советского Союза как демократической страны. Они попытались найти выход в объявлении душевнобольными тех правозащитников, суды над которыми были особенно чреваты политическим скандалом. В 1970 году из известных «Хронике» ста шести осужденных «политических» в психбольницы были отправлены двадцать человек, при этом из одиннадцати москвичей восемь были признаны невменяемыми, в том числе Наталья Горбаневская и Петр Григоренко. В 1971 году из восьмидесяти пяти политических осужденных признали невменяемыми двадцать четыре человека, то есть почти каждого третьего.

Первым повел борьбу с использованием психиатрии в политических целях Сергей Писарев. Убежденный коммунист, старый член партии он оказался в Ленинградской тюремной психбольнице в 1953 году за докладную записку Сталину, в которой утверждал, что дело незадолго перед тем арестованных врачей Кремлевской больницы, якобы подрывавших здоровье своих пациентов, сфабриковано. После смерти Сталина освободили и врачей, и Писарева, а диагноз о его невменяемости был признан неверным.

Приложив немалые усилия, в 1956 году Писарев добился назначения специальной комиссии Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, которая обследовала Институт судебной психиатрии им. Сербского, где, по утверждению Писарева, неоднократно ставились диагнозы, обрекавшие психически здоровых людей на бессрочную изоляцию в спецпсихбольницах. Комиссия подтвердила обвинения Писарева, и сотни здоровых людей были выпущены из психиатрических больниц. Однако материалы комиссии ни в одной инстанции рассмотрены не были, через два года их сдали в архив. Члены комиссии под разными предлогами были удалены из аппарата ЦК, отстраненные комиссией врачи и администраторы вернулись на свои места, а к прежним психиатрическим тюрьмам прибавились новые.

О психиатрических преследованиях постоянно писала ХТС. Этой проблемой занимались и Инициативная группа, и Комитет прав человека. Су-

щественный вклад в ее освещении был сделан Владимиром Буковским. Он сам дважды испытал ужасы психиатрического заключения, пробыв в психбольницах в общей сложности около трех лет. Буковский сумел раздобыть медицинскую документацию на шестерых узников психбольниц: свою собственную «историю болезни», П. Григоренко, Н. Горбаневской и других инакомыслящих. В 1971 году он передал эти документы Пятому международному конгрессу психиатров, который должен был собраться в Мехико. Буковский просил участников съезда изучить документы и сделать заключение, обосновано ли помещение в психбольницы на изложенных там основаниях. Но руководство съезда не сочло возможным заняться этим — ученые свободного мира не захотели «вмешиваться в политику». Буковский был арестован и получил семь лет лагеря и пять лет ссылки за «антисоветскую агитацию». Суд состоялся в январе 1972 года и стал провозвестником генерального наступления на правозащитное движение.

Основной удар пришелся по «Хронике текущих событий». Однако арест ее создательницы Натальи Горбаневской (24 декабря 1969 года) не остановил издания — очередной выпуск появился через неделю после ее ареста. На последней странице редакция поместила объявление:

Год прав человека в Советском Союзе продолжается.
«Хроника» будет выходить и в 1970 г.

Последующие выпуски выходили регулярно. Было очевидно, что редакция «Хроники» и круг сборщиков информации неизвестны КГБ.

14 января 1972 года в Москве было проведено восемь обысков, в том числе у Петра Якира и его дочери Ирины Якир. В большинстве случаев обыски проводились в рамках уголовного дела № 24. Одновременно по этому делу обыски прошли в Вильнюсе, Ленинграде, Новосибирске, Умани, Киеве. Были арестованы киевлянин Леонид Плющ, житель Вильнюса Вацлав Севрук и ленинградец Юрий Мельник. В городах, затронутых обысками и арестами, шли массовые допросы. Допрашивали не только тех, у кого были обыски, но и их родственников, знакомых и сослуживцев. Только в Вильнюсе допросили более ста человек. Вызванных по делу № 24 расспрашивали в основном о том, что им известно об изготовлении и распространении «Хроники текущих событий». Последующие события подтвердили, что дело № 24 — это дело о «Хронике». 6 мая в Москве было еще пятнадцать обысков по этому делу, один из них повторный — у Якира. 12 июня он был арестован. Сын расстрелянного командарма Ионы Якира он пробыл в сталинских лагерях и тюрьмах семнадцать лет — с 14-летнего возраста. Петр Якир вел активную борьбу с ресталинизацией и был широко известен не только внутри страны, но и на Западе.

До сентября по самиздатским делам, связанным с Москвой, были арестованы Александр Рыбаков в Новосибирске (у него нашли стеклограф), Георгий Давыдов и Валентин Петров в Ленинграде (у них нашли мимеограф),

Владимир Шаклеин, Александр Болонкин и Валерий Балакирев в Москве (у них тоже нашли самодельное множительное устройство), а также Петр Старчик, которого арестовали за листовки, но на обыске изъяли сорок один экземпляр «Хроники текущих событий». Виталий Попов был арестован по делу находившегося с 17 января в тюрьме Кронида Любарского, астрофизика из подмосковной Черноголовки, которому инкриминировали распространение самиздата, в том числе «Хроники». Кроме того, были арестованы москвич Юрий Шиханович, тоже связанный с «Хроникой», Роальд Мухамедьяров и активный участник Инициативной группы по защите прав человека в СССР Виктор Красин.

Несмотря на начавшиеся репрессии, 15 октября 1972 года вышел (с полуторамесячным опозданием) 27-й выпуск «Хроники текущих событий».

Кризис (1973)

4 ноября Ирине Якир разрешили свидание с отцом в Лефортовской тюрьме. Свидание происходило в присутствии двух следователей. Якир сказал, что он изменил свое отношение к демократическому движению и своей деятельности в нем. По его словам, предъявленные ему на следствии материалы убедили его в тенденциозном характере и объективной вредности «Хроники текущих событий». Он пояснил, что каждый следующий выпуск «Хроники» будет удлинять ему и Красину сроки заключения и просил прекратить выпуск «Хроники». В подкрепление этой просьбы он добавил, что с выходом каждого выпуска будут производиться новые аресты, причем арестовывать будут не обязательно тех, кто непосредственно принимал участие в работе над новым выпуском.

Через девять дней произошел еще один обыск на квартире Якиров, в ходе которого был изъят свежий 27-й выпуск «Хроники». А 3 января 1973 года арестовали Ирину Белгородскую. Следователь заявил ее мужу, что арест этот вызван выходом нового выпуска «Хроники», хотя КГБ известно, что Белгородская, прежде связанная с ХТС, не принимала участия в его издании. Таким образом, сотрудники госбезопасности выполнили свое обещание. Теперь от редакторов бюллетеня зависели не только их собственные судьбы, поэтому в этой тяжелой нравственной ситуации они медлили с публикацией следующего выпуска.

Между тем продолжались допросы. Помимо Якира, стал давать показания и Красин стал давать показания. Ни тот ни другой не входили в редакцию «Хроники», но были активными поставщиками информации для нее. Оба были известны правозащитными выступлениями в самиздате. Вследствие впечатляющей биографии Якира его деятельности уделялось особенно большое внимание в передачах зарубежных радиостанций, вещавших на Советский Союз, и люди, к «Хронике» отношения не имевшие, но стремившиеся получить ее выпуски для чтения и распространения, а также желавшие сообщить редакции известную им информацию, искали способов познакомиться с Якиром, полагая, что он знает путь к «Хронике», и доверялись ему. Это особенно относилось к людям не из Москвы. Поэтому Якир и Красин знали главным образом, так сказать, второй эшелон корреспондентов «Хроники», которые непосредственных контактов с ее редакцией не имели. О тех, кто имел самостоятельные связи с редакцией, Якир и Красин

могли лишь догадываться или располагали отрывочными, случайными сведениями. Поэтому, несмотря на обилие сведений о «Хронике», полученных следствием от Якира и Красина (они дали показания более чем на двести человек), многие участники издания остались следствию неизвестными. Следствие добывалось от людей, названных Якиром и Красиным, показаний об участии в «Хронике» их самих и их знакомых. Это было важно по психологическим соображениям: такие показания на следствии подрывают самоуважение, лишают доверия окружающих. Следователи стремились поставить в такое положение как можно больше людей.

Случаи сотрудничества со следствием были очень редки среди участников правозащитного движения, хотя людей, склоненных к такому сотрудничеству, или освобождали от наказания или наказание не было слишком жестким.

Следователи еще и потому добывались от диссидентов показаний на себя и на других и осуждения прежней деятельности, что каждый такой факт снижал нравственную привлекательность диссидентского движения, особенно для тех людей, которые знали о нем понаслышке, скажем, из передач зарубежных радиостанций. В этом смысле дело Якира и Красина было беспрецедентным, так как среди ведущих правозащитников ни до ни после не было случаев столь нестойкого поведения.

От всех названных Якиром и Красиным людей добывались показаний не только запугиваниями и уверениями, что про них и так все известно, и признание облегчит их положение, но и апеллируя к нравственному чувству: «Вот вы на воле (пока, пока), а отказываетесь подтвердить показания арестованного и тем утяжеляете его участь». Это был обычный следовательский прием, но Якир и Красин были подключены к усилиям следователей и на очных ставках повторяли этот довод, упрекали упорствующих в эгоизме, утверждая, что сокрытием своего участия в «Хронике» они перекладывают всю тяжесть ответственности за ее издание на них двоих. Под таким моральным прессом Ирина Якир стала давать показания, но лишь на саму себя, больше ни на кого. Более того, она заявила на допросах, что это она редактировала все выпуски «Хроники» после ареста Горбаневской.

Пытаясь добиться показаний, следователи применили экстраординарный прием: из Лефортовской тюрьмы были доставлены от Якира и Красина письма. Письмо Якира А. Сахарову принес на дом офицер КГБ. Якир призывал Сахарова прекратить выступления, поскольку, как он утверждал, они вредны людям и используются антисоветской пропагандой. Красин передал письмо «друзьям на воле» через следователя. Он писал, что в последнее время «демократическое движение» приобрело опасное для государственной власти направление, и государство вынуждено и вправе защищаться. Наступление властей привело к разгрому движения, и нужно думать о спасении людей. Но прекращение оппозиционной деятельности недостаточно для спасения от репрессий. Властям необходимы гарантии, что такая деятельность не будет возобновлена, и эти гарантии могут быть

обеспечены лишь содействием следствию. Красин призывал оставшихся на воле преодолеть психологический барьер и давать откровенные показания не только о своих действиях, но и о действиях других лиц. Но эти письма не дали ощутимого результата. На сотнях допросов лишь несколько человек подтвердили их показания, касавшиеся «Хроники текущих событий». Тем не менее малодушие этих людей усугубляло тяжелое настроение, порожденное арестами друзей и ощущением нависшей опасности, которое испытывали оставшиеся на свободе сотрудники ХТС. В июле 1973 года по делу № 24 были арестованы Габриэль Суперфин в Москве, Виктор Некипелов во Владимирской области и Сергей Пирогов в Архангельске.

В августе судили Якира и Красина. Оба выразили раскаяние по поводу содеянного, признали наличие умысла в подрыве советского строя и «клеветнический характер» своих прежних правозащитных выступлений, в том числе в составе Инициативной группы, и «клеветнический, подрывной» характер «Хроники». Особое внимание на процессе было уделено проблеме психиатрических репрессий. В качестве свидетеля выступил ведущий советский психиатр академик А. Снежневский. Он заявил, что в советских психбольницах никогда не было и нет здоровых людей. Якир назвал заявления правозащитников об использовании психиатрии в политических целях клеветническими.

1 сентября суд вынес решение: по три года лагеря и три года ссылки. 5 сентября в Доме журналиста в присутствии иностранных корреспондентов состоялась пресс-конференция с участием осужденных, которая в тот же день в отрывках транслировалась по телевидению. Они подтвердили заявления, сделанные на суде.

28 сентября Верховный суд РСФСР снизил сроки лишения свободы до уже отбытых. Местом ссылки были определены большие города недалеко от Москвы (для Красина — Калинин, для Якира — Рязань).

Четыре оставшихся к этому времени на свободе члена Инициативной группы (Татьяна Великанова, Григорий Подъяпольский, Сергей Ковалев и Татьяна Ходорович) выступили с заявлением о том, что группа не разделяет позиции Якира и Красина, не признает свои документы клеветническими и отрицает не только их подрывной, но и вообще политический характер. Они повторили утверждение, что в Советском Союзе имеют место психиатрические расправы с неугодными власти людьми. О суде над Якиром и Красиным и их пресс-конференции группа писала:

Мы протестуем против таких методов воздействия, которые ломают человеческую личность, вынуждают оговаривать свои деяния, деяния своих товарищей, самих себя.

Однако чувство морального поражения, вызванное беспрецедентным показательным процессом сохранилось и усугублялось разнузданной кампанией советской прессы против Сахарова и тем, что в этой кампании приня-

ли участие коллеги Сахарова по науке (письмо сорока академиков), среди которых были и его друзья.

Крайним проявлением общего тяжелого настроения московских правозащитников стало самоубийство Ильи Габая (20 октября 1973 года).

Габай, близкий друг Якира, отец двоих детей, школьный учитель и поэт, был одним из наиболее активных и уважаемых участников правозащитного движения. Как писала о нем впоследствии «Хроника», он был наделен высокой чувствительностью к чужой боли и беспощадным сознанием собственной ответственности.

С конца 1972 года, примерно тогда же, когда приостановился выход «Хроники текущих событий», замолк и Комитет прав человека. В сентябре вышел из Комитета В. Чалидзе. В ноябре он получил разрешение на выезд в США для чтения лекций и почти сразу же был лишен гражданства (это был первый случай избавления от неугодного гражданина таким способом). Комитет выпустил еще три документа и фактически прекратил свою деятельность.

Единственной формой открытых выступлений, как и в первые годы существования правозащитного движения, стали индивидуальные и коллективные письма, но и они были редки и с очень небольшим числом подписей.

В 1973—1974 годах о правозащитном движении стали говорить в прошедшем времени не только его враги, но и доброжелатели, — оно почти не проявлялось вовне.

Преодоление кризиса (1974–1975)

Целью наступления на правозащитное движение было разрушение механизма неподконтрольного распространения идей и информации. Видимую часть этого механизма удалось разрушить почти полностью: было устранено большинство ведущих деятелей движения, прервана работа правозащитных ассоциаций, прекратился выпуск «Хроники текущих событий». Однако перемещение большей части правозащитников в места заключения сказалось на атмосфере в политических лагерях. Правозащитники и там требовали соблюдения законности, протестовали против самодурства начальства и жестокости. Наравне с ними стали выступать и участники национальных движений и другие политзаключенные. Создалось парадоксальное положение: в годы, когда на воле правозащитное движение переживало кризис, в политлагерях оно, напротив, бурно усиливалось. Оттуда в разные инстанции шел поток жалоб на жилищные условия, медицинское обслуживание, грубость и самоуправство начальства и т. д. Жалобы попадали не только в инстанции, куда были адресованы, но и в самиздат, а оттуда — на Запад. Зарубежное радио, по свидетельству Буковского, отбывавшего тогда срок, слушали и надзиратели, и их начальники. Они знали: стало известно на Западе о безобразиях в лагере — будут неприятности от начальства. Иной раз заключенные именно от персонала узнавали, что была радиопередача об их собственном положении. Обычными стали прежде чрезвычайно редкие выступления политзаключенных не только на лагерные, но и на общеполитические темы.

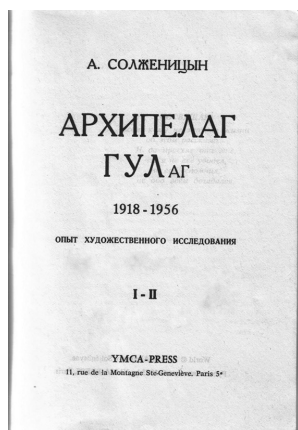
С 1969 года в политлагерях ежегодными стали голодовки 10 декабря, в День прав человека. С каждым годом в них принимало участие все больше политзаключенных. Затем стали отмечать и 5 сентября как День памяти жертв красного террора. В этот день в 1918 году был подписан декрет о красном терроре, по которому, в частности, были устроены концлагеря, где впоследствии погибли миллионы людей. В лагерях в этот день зажигали свечи в их память.

В 1974 году по инициативе политзаключенных мордовских и пермских лагерей 30 октября был объявлен Днем политзаключенного. Его также стали отмечать голодовками.

Оставшиеся на воле правозащитники использовали все возможности для оказания помощи политзаключенным, среди которых теперь было мно-

го друзей. И в кризисные годы система помощи политзаключенным продолжала функционировать и совершенствоваться, в нее вовлекались все новые люди. По инициативе Андрея Твердохлебова состоялось объявление «Группы-73» — благотворительной организации помощи детям политзаключенных. Но это был скорее символический жест, подчеркивающий полную законность такого рода деятельности. Практически помощь шла не через группу. Люди, участвовавшие в этой деятельности, не были связаны формальными обязательствами, они не объявляли себя организацией и не афишировали своих имен. Избегали огласки и жертвователи средств на помощь политзаключенным. Редким исключением было открытое жертвование на помощь детям политзаключенных, сделанные женой Сахарова Еленой Боннэр: она основала соответствующий фонд, отдав в него полученную Сахаровым в Италии премию Чино дель Дука.

Продолжалась напряженная работа и в другой «невидимой» сфере — в самиздате. Прекратить распространение самиздата оказалось для властей невыполнимой задачей. Изъятые, за исключением устаревших и малоценных материалов, тут же восполнялись по сохранившимся копиям, появлялись новые произведения.

Книга, вызвавшая самый сильный резонанс за всю историю самиздата, — «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына — появилась в разгар наступления КГБ на самиздат, и выход ее в свет оказался в непосредственной связи с этим наступлением.

КГБ проведал о существовании «Архипелага» и поставил цель захватить рукопись, чтобы предотвратить ее издание. В августе 1973 года ленинградские кагэбисты пять дней допрашивали на этот предмет 70-летнюю Елизавету Воронянскую. Несчастливая женщина не выдержала напора — выдала, где хранился «Архипелаг ГУЛАГ», и, вернувшись домой, покончила с собой. Но экземпляр, выданный Воронянской, был не единственным. Его копия уже была переправлена на Запад, где хранилась в ожидании распоряжений автора. Поскольку существование этой рукописи перестало быть тайной от КГБ, Солженицын решил не откладывать более публикации произведения. В декабре 1973 года «Архипелаг ГУЛАГ» вышел в Париже. Его главы передавали зарубежные радиостанции, вещавшие на Советский Союз. Передачи глушили, но все-таки миллионы людей в короткий срок ознакомились с этой книгой. Не только диссиденты, но и «работяги» стайками собирались вокруг приемников и слушали страшную правду о недавнем прошлом своей страны, раскрывавшей глаза и на ее настоящее.

«Архипелаг ГУЛАГ» сыграл огромную роль в привлечении внимания международной общественности к одной из кардинальных проблем, подняв

тых правозащитниками, — политическим преследованиям в СССР и условиям содержания политзаключенных.

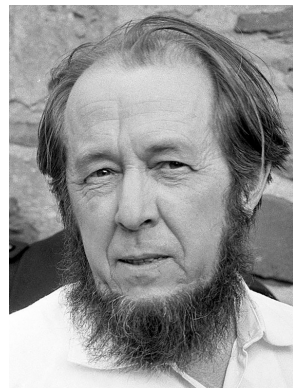
К уже давно длившейся газетной травле Сахарова прибавилась столь же яростная травля Солженицына. Писатель был арестован, лишен советского гражданства и 13 февраля 1974 года выслан на Запад.

Еще одним путем избавления от авторов самиздата стало выталкивание их в эмиграцию. В 1972 году подвели к этому решению Бродского и Синявского. В 1973-м выехал из СССР Владимир Максимов. А в 1974-м выслали Солженицына. КГБ прибавилась задача не пропускать из-за рубежа произведения выставленных за границу писателей и публицистов. Боролись не только с проникновением в СССР их произведений в виде книг и статей, но и в виде радиопередач — их глушили.

Активизировались усилия КГБ по пресечению каналов передачи рукописей за рубеж. Убедившись в сложности преследования за это авторов, попытались пресечь превращение самиздата в тамиздат преследованием людей, выполнявших передаточные функции.

Летом 1973 года подобного рода усилия сконцентрировались на деле о передаче на Запад дневников Эдуарда Кузнецова, узника лагеря строгого режима. По этому делу были арестованы Габриэль Суперфин и Виктор Хаустов, а также проведен обыск у московского искусствоведа Евгения Барабанова, не обнаруживавшего себя каким-либо открытым проявлением инакомыслия.

У него в квартире оказалось много книг богословского характера, изданных за рубежом. Было это в ночь на 25 августа, тогда же, когда шли допросы Воронянской. С 27 августа начались допросы Барабанова, длившиеся около трех недель. Выяснилось, что на протяжении нескольких месяцев квартира искусствоведа прослушивалась, и следствие располагало доказательствами того, что он систематически передавал рукописи за границу парижскому журналу «Вестник Русского христианского движения» — неопубликованные произведения Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама, Бориса Пастернака, Николая Бердяева, Павла Флоренского, Льва Красавина, а также «Хронику», стихи политзаключенных Даниила Андреева, Анатолия Радыгина, дневники Эдуарда Кузнецова — и получал изданные за рубежом книги. Следовательно не постеснялся показать Барабанову свою осведомленность о разговорах, которые тот вел в своей квартире с глазу на глаз с разными людьми. Он сказал жене Барабанова: «Вина вашего мужа доказана. Чистосердечное признание облегчило бы его участь». Вместо этого Барабанов передал иностранным корреспондентам открытое письмо:

Александр Солженицын

Советское законодательство... не запрещает те действия, которые мне пытаются вменить в вину... Я считаю и продолжаю считать переданные мною материалы серьезным вкладом в сокровищницу русской культуры, русской мысли и самосознания... Свой арест я буду считать актом грубого произвола. Но вопрос не обо мне только, но и о том, должна ли существовать русская культура вне зависимости от того, одобрена ли она официальной идеологией и цензурой...

После опубликования этого письма и передачи его на Запад допросы Барабанова прекратились. Арестован он не был.

В передаче дневников Кузнецова на Запад уличили также московского экономиста Владимира Долгого. Он тоже ответил открытым письмом «Друзьям»: «Я верую: долг человека — мерзости насаждаемого страха и предательства противопоставить человеческое достоинство», — и от него тоже отступились.

В сентябре 1973 года выступила с открытым заявлением Елена Боннэр, в котором утверждала, что именно она передала дневники Кузнецова на Запад.

Однако КГБ решил ограничиться уже находившимися под арестом Суперфином и Хаустовым, чтобы политический скандал с дневниками Кузнецова не разросся до размеров дела Синявского и Даниэля и не привлек бы к «Дневникам», уже все равно опубликованным на Западе, внимания всей массы читателей «Архипелага».

Размежевание. Самиздат послужил не только сохранению русской литературы для русской и мировой культуры, но и самопознанию советского общества и формированию его представлений о своем настоящем и будущем. Многолетний обмен мнениями в самиздате помог его авторам и читателям (а через них и более широким слоям советского общества) определить свой подход к проблемам современности, представление о возможном и желательном направлении изменений в СССР.

В 50-е — начале 60-х годов поиск альтернативы велся почти исключительно по марксистской схеме, так как в течение полувека это была единственная для всех школа мышления. Поскольку официальный марксизм выхолостил и исказил Маркса и Ленина, то критики советской идеологии увидели свою задачу в восстановлении «истинного марксизма», «истинного ленинизма» и занялись изучением замалчиваемых работ основоположников. Особенно популярны стали высказывания «классиков марксизма-ленинизма», свидетельствовавшие, что построенное на развалинах капитализма общество они мыслили как «царство свободы». На этом основании советское общество определяли как не совсем социалистическое или даже вовсе отказывались считать его таким. Большинство тогдашних критиков советской системы были приверженцами «настоящего социализма», отличавшегося в их представлениях от советского казенного демократичностью (степень демократизации, необходимую для признания социализма «настоящим», раз-

ные критики определяли по-разному), от этого зависели и предлагаемые реформы. Все это были варианты «социализма с человеческим лицом» на чешский манер. «Пражская весна» была встречена с горячим сочувствием, на успех чехословацкого эксперимента возлагались надежды по оздоровлению советской системы. Выразителем этого реформистского направления был Рой Медведев. И Сахаров, и Солженицын испытали на себе его идейное влияние.

Лишь в 70-е годы инакомыслящие, единые в осуждении пороков советской системы, стали расходиться в объяснении их природы и особенно в способах исцеления страны.

Тяжелый удар по нравственной привлекательности социализма нанесло вторжение в Чехословакию. Оно разрушило надежды на возможность сдвига советского руководства в сторону демократизации. Одновременно с вторжением в Чехословакию резко обозначилась тенденция к ресталинизации, была окончательно отброшена затеянная было экономическая реформа, натолкнувшаяся на нежелание бюрократии поступиться хотя бы частично своим всевластием для блага страны. Крах надежд на демократизацию у многих породил неверие в самую возможность «очеловечивания» социализма. Помыслы обратились к другим социальным системам, прежде всего к западному свободному миру. Однако вначале это был лишь отказ от предубеждения против капитализма как пройденного для нашей страны этапа. Два поколения советских людей просидели за «железным занавесом». После смерти Сталина изоляция от внешнего мира перестала быть непроницаемой, но все-таки мало кто имел доступ к западной литературе и прессе, а еще меньшее число людей могло увидеть этот чужой мир своими глазами — трудно было создать о нем адекватное представление.

Первым «западником» в самиздате стал Андрей Сахаров. В июне 1968 года появились его «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе».

Выдающийся физик, участвовавший в создании водородной бомбы, академик, лауреат Сталинской и Ленинской премий, трижды награжденный самым почетным в СССР званием Героя социалистического труда Сахаров принадлежал к самой верхушке советской научной элиты, был тесно связан с правительственными и высшими военными кругами.

Гуманитарная деятельность Сахарова началась с борьбы против испытаний ядерного оружия. Его обращения к руководителям государства и высшим военным чинам принесли ощутимый результат: в 1962 году между СССР и США было заключено соглашение о переносе всех испытаний ядерного оружия под землю.

Андрей Сахаров

Первые публичные выступления Сахарова относятся к 1966 году, когда он подписал коллективный протест против возрождения сталинизма и присоединился к молчаливой демонстрации солидарности с жертвами беззаконий (5 декабря на Пушкинской площади в Москве).

Однако большинство людей узнали о Сахарове в связи с его «Размышлениями...». Автор выходил из обычного круга тем, обсуждаемых диссидентами. Он мыслил не в масштабах страны, а в масштабах всего мира. Вынесенные в заглавие «прогресс» и «мирное сосуществование» были глобальными проблемами, «интеллектуальную свободу» он тоже рассматривал не только применительно к СССР, но как гражданин мира.

«Размышления...» пронизаны убеждением, что в нынешний век ни одна страна не может решить своих проблем в отрыве от общечеловеческих. С другой стороны, общие проблемы — сохранение мира и процветание человечества на нашей планете — могут быть решены лишь общими усилиями всех стран. Обязательным условием благополучного развития является интеллектуальная свобода — тоже необходимая в масштабах всего мира.

Сахаров закончил «Размышления...» к июню 1968 года. Он писал их в атмосфере «пражской весны», разделяя надежды своих сограждан на возможность демократических преобразований в СССР, и охарактеризовал свои взгляды как «глубоко социалистические». Однако желаемым направлением мирового развития считал вовсе не «победу коммунизма во всем мире», как полагалось по официальной схеме. Он заявил себя сторонником конвергенции, то есть мирного сближения социализма и капитализма, слияния их в единое открытое плюралистическое общество со смешанной экономикой.

Теория конвергенции родилась на Западе в послевоенные годы и была широко распространена в либеральных кругах. Советская научная элита имела доступ к западной литературе и прессе, была знакома с теорией конвергенции и сочувствовала ей. Однако основная масса демократически настроенных соотечественников ознакомилась с этой теорией лишь благодаря «Размышлениям...». Массовое разубеждение в способности социализма к демократизации создавало благоприятную почву для усвоения теории конвергенции. Однако произошло это не сразу. Сказывалось отсутствие знаний о западном мире, непривычность мышления в «мировом масштабе» и новизна подхода. Признавая желательным направление мирового развития по пути прогресса к мирному сосуществованию и интеллектуальной свободе, большинство читателей «Размышлений...» восприняли его глобальный подход как слишком общий, отвлеченный, не имеющий практического применения, так как не видели ни малейшей возможности для себя как-то включиться в этот мировой процесс, способствовать ему. Обсуждение сосредоточилось на проблемах интеллектуальной свободы, и не в «мировом масштабе», а опять же в собственной стране.

Впоследствии взгляды Сахарова претерпели некоторые изменения, главным образом в оценке советской системы. В 1973 году он назвал советскую

систему «государственным капитализмом», а в последующие годы характеризовал ее как «тоталитарный социализм», «партийно-государственный тоталитаризм». Однако основные принципы, изложенные в «Размышлениях...», не менялись. Свою Нобелевскую лекцию (1975) Сахаров назвал очень близко к первой самиздатской работе — «Мир, прогресс, права человека».

Мир, прогресс, права человека — эти три цели неразрывно связаны, нельзя достигнуть какой-либо одной из них, пренебрегая другими... международное доверие, взаимопонимание, разоружение и международная безопасность немислимы без открытости общества, свободы информации, свободы убеждений, гласности, свободы поездок и выбора страны проживания... Свобода убеждений, наряду с другими гражданскими свободами, является основой научно-технического прогресса и гарантией от использования его достижений во вред человечеству, тем самым — основой экономического и социального прогресса, а также является политической гарантией возможности эффективной защиты социальных прав.

К тому времени сознание единства прав отдельного человека, прав народов и права человечества на мир и свободу укоренилось среди правозащитников, стало основой идеологии правозащитного движения.

В начале 70-х годов определилось еще одно направление общественной мысли — неославянофильское, или «почвенническое».

В сентябре 1973 года А. Солженицын написал «Письмо вождям Советского Союза», но ответа не дождался. В самиздате оно появилось, согласно воле автора, в марте 1974 года, сразу после высылки его из СССР. Оказалось, что и идеи «Письма вождям» имеют сторонников. Оно сразу же стало программным для складывавшегося русского национально-религиозного направления. В дискуссии, вызванной «Письмом вождям» (которое содержит скрытую полемику с «Размышлениями...»), произошло размежевание между последователями этого направления и сторонниками превращения советского общества в демократическое и правовое. Большинство активистов правозащитного движения оказались среди последних.

Основные расхождения с Солженицыным Сахаров сформулировал в ответе на «Письмо вождям»:

Солженицын пишет, что, может быть, наша страна не созрела до демократического строя и что авторитарный строй в условиях законности и православия был не так уж плох... Эти высказывания Солженицына чужды мне. Я считаю единственно благоприятным для любой страны демократический путь развития...

На призыв к изоляционизму Сахаров отвечает призывом к укреплению международного сотрудничества:

Я... возражаю против стремления отгородить нашу страну от якобы тлетворного влияния Запада... Я глубоко убежден... что нет ни одной важной ключевой проблемы, которая имеет решение в национальном масштабе... Наша страна не может жить в экономической и научно-технической изоляции.

Сахаров утверждал:

...националистическая и изоляционистская направленность мыслей Солженицына, свойственный ему религиозно-патриархальный романтизм приводят его к очень существенным ошибкам. ...В значительной части русского народа и части руководителей страны существуют настроения великорусского национализма, сочетающиеся с боязнью попасть в зависимость от Запада и с боязнью демократических преобразований. Попав на подобную благоприятную почву, ошибки Солженицына могут стать опасными.

Солженицын и его сторонники отказались от сотрудничества с правозащитниками после 1978 года по чисто политическим соображениям, когда для них было решено, что русское государство в будущем должно быть не правовым, а авторитарным.

В мае 1974 года после полуторалетнего перерыва вышли сразу 28-й, 29-й, 30-й и 31-й выпуски «Хроники текущих событий».

В связи с возобновлением «Хроники» члены Инициативной группы по защите прав человека в СССР Т. Великанова, Т. Ходорович и С. Ковалев, передав новые выпуски западным корреспондентам, заявили им, что будут и в дальнейшем способствовать распространению «Хроники». Они отметили, что редакция «Хроники» работает в условиях, весьма затрудняющих сбор и проверку информации, и тем не менее за прошедшие шесть лет «Хроника» приобрела репутацию очень аккуратного источника информации о нарушениях прав человека в СССР и правозащитном движении.

КГБ невольно подтвердил безупречность «Хроники» как источника информации во время следствия по делу № 24: в двадцати семи выпусках удалось найти лишь одно неверное сообщение — о гибели Баранова.

Баранов, заключенный одного из лагерей в Мордовии, был помещен в психиатрическое отделение больницы, граничащей с рабочей зоной для политзаключенных. Он выбежал в больничной одежде в запретную зону и бросился на колючую проволоку. Охранники открыли огонь. Очевидцы видели, как он упал, и сочли его убитым. Информация от них попала в «Хронику». Однако раны оказались не смертельными — Баранов выжил. Эту невольную ошибку следователи КГБ на допросах использовали для обвинения сотрудников «Хроники» в «клевете».

В мае 1973 года редакция «Хроники» опубликовала поправку к тому сообщению. Поправка была опубликована в «Хронике защиты прав в СССР»

(ХЗП). Этот информационный журнал стал выходить по-русски и по-английски с марта 1973 года в Нью-Йорке в издательстве «Хроника-Пресс». Титульный лист ХЗП был оформлен подчеркнуто похоже на машинописные выпуски «Хроники текущих событий», с теми же колонтитулом «Движение в защиту прав человека в СССР продолжается» и эпиграфом — статьей 19 Всеобщей декларации прав человека. Главным редактором ХЗП стал В. Чалидзе, после лишения гражданства поселившийся в Нью-Йорке, редакторами — известные деятели «Международной амнистии» англичанин Питер Реддуэй и американец Эдвард Клайн. В 1974 году в редакцию вошел эмигрировавший к тому времени Павел Литвинов. «Хроника-Пресс» превратилась в издательство правозащитного движения на Западе. После возобновления издания «Хроники текущих событий» «Хроника-Пресс» стала печатать ее выпуски и пересылать их обратно в Советский Союз.

Возобновление ХТС означало, что заработали информационные каналы правозащитников, наладилась связь между отдельными их группами, между правозащитниками и другими инакомыслящими. Масса читателей самиздата и миллионы слушателей зарубежных радиостанций убедились, что борьба за права человека в СССР продолжается, о чем без «Хроники» знали только сами правозащитники. Возобновление ХТС можно считать показателем преодоления кризиса правозащитного движения.

Были и другие подтверждения выхода из кризиса.

Еще до заявления о возобновлении «Хроники», на следующий день после ареста Солженицына в феврале 1974 года, в его защиту выступили ведущие правозащитники. Они требовали освобождения писателя и расследования по материалам «Архипелага ГУЛаг». Это выступление, ставшее известным как «Московское обращение», было одним из первых проявлений начавшегося возрождения правозащитной активности.

Инициативная группа по защите прав человека в СССР тоже ожила после двух лет почти полного молчания. С января 1974 года появилось несколько ее заявлений.

30 октября 1974 года члены группы провели пресс-конференцию под председательством А. Сахарова. Это была первая в СССР пресс-конференция независимой общественной ассоциации, до того их давали лишь в личном качестве, да и то очень редко (первая состоялась в 1969 году, в ней участвовали А. Амальрик, В. Буковский и П. Якир). К этому дню «Хроника» приурочила специальный выпуск (№ 33), целиком посвященный политзаключенным. На пресс-конференции было объявлено, что 30 октября будет отмечаться как День советских политзаключенных. Сахаров и члены Инициативной группы заявили, что пресс-конференция — выражение их солидарности с политзаключенными. Они сообщили, что в лагерях в этот день проводятся голодовки с требованием признания статуса политзаключенного, и передали корреспондентам текст требования. Были переданы также обращения и открытые письма политзаключенных, написанные специально ко Дню политзаключенного.

В 1974 году появилась еще одна независимая ассоциация — советское отделение «Международной амнистии». Его председателем стал доктор физико-математических наук Валентин Турчин, а секретарем — Андрей Твердохлебов. В группу вошли в основном москвичи, но были и жители других городов. По уставу «Международной амнистии», ее члены должны заниматься политзаключенными не из своей страны, и советская группа получила от центрального бюро организации своих подопечных — из Югославии, Уругвая и Шри-Ланки, так что к правозащитному движению в СССР деятельность группы прямого отношения не имела. Однако эта группа стала частью международного движения за права человека. Появление отделения «Международной амнистии» в СССР укрепляло международные связи советских правозащитников, служило их ознакомлению с соблюдением прав человека в других странах. К тому же был ценен сам по себе опыт еще одной независимой общественной ассоциации, полностью укладывающейся в жесткие рамки советских законов. И инициаторы этой группы, и большинство ее членов были активными участниками правозащитного движения. Возобновление деятельности, казалось, уже подавленных общественных ассоциаций и «Хроники» вызвало обычную реакцию властей — аресты.

В декабре 1974 года был арестован Сергей Ковалев, а в апреле 1975-го — Твердохлебов.

Ковалеву инкриминировалось участие в Инициативной группе, заявление о возобновлении «Хроники» и участие в ее издании, а также хранение трех выпусков «Хроники Литовской католической церкви», выходившей в Литве, и использование ее материалов для ХТС. На основании последнего пункта обвинения суд устроили в Вильнюсе, видимо, чтобы было меньше свидетелей процесса. Но в Вильнюс прибыли не только москвичи (среди них был Сахаров), но и ленинградцы, пришли литовцы, узнавшие о суде по зарубежному радио и потрясенные сообщением, что обвиняемый — русский — распространял материалы о преследованиях католической церкви в Литве. Приговор был максимальный за «антисоветскую агитацию и пропаганду» — семь лет лагеря строгого режима и три года ссылки.

Суд над Ковалевым совпал с церемонией вручения Нобелевской премии мира Сахарову. Он не смог поехать в Осло — ему не дали разрешения на поездку. Как только стало известно о присуждении ему этой премии, советская пресса открыла погромную кампанию против лауреата. В то же время эта кампания сделала факт присуждения Сахарову Нобелевской премии мира известным всем читателям советских газет. Реакция на это событие в СССР может быть оценена по следующему сообщению ХТС:

Шведский корреспондент прошел по московской улице Красной Пресне и у первых двенадцати прохожих спросил, как они относятся к присуждению А. Д. Сахарову Нобелевской премии мира. Десять человек выразили свое удовлетворение, двое — возмущение.

Сам Сахаров отреагировал на это событие по-сахаровски: «Я считаю признание премии не столько признанием моих личных заслуг, сколько заслуг всех тех, кто борется за права человека...»

Сахаров никогда не был лидером правозащитного движения, потому что правозащитники не имели лидеров, но стал признанным выразителем его духа, что объясняется не только и не столько его известностью ученого и не столько его активностью правозащитника, сколько тем, что по своим человеческим качествам он как бы олицетворял правозащитное движение. Жертвенность, готовность прийти на помощь незаконно гонимым, пусть даже не близким по убеждениям людям, идеологическая терпимость и в то же время твердость в отстаивании прав личности и ее достоинства, отвращение ко лжи и к любым видам насилия были одинаково свойственны и самому Сахарову, и правозащитному движению в целом.

Многочисленные высказывания Сахарова о правозащитном движении свидетельствуют, что в нравственном противостоянии беззаконию и жестокости он увидел реальный путь оздоровления, «соответствующий потребностям и возможностям» больного советского общества, заражающего своими недугами все человечество и ставшего именно в силу несвободы своих граждан и отсутствия общественного контроля над руководителями государства основной угрозой миру на Земле. Это умозаключение привело Сахарова от общемировых проблем к защите конкретных людей — своих сограждан, борющихся против беззаконий.

Борьба Сахарова за отдельных политзаключенных была огромным повседневным трудом, длившимся более пятнадцати лет. Известно не менее двухсот политзэков, в защиту которых письменно выступал Сахаров. Не только эти письма, но и стояния у судов, и поездки в другие города — на суды или ради свидания со ссыльным, ради передачи политзэку, — и особенно выслушивание нескончаемых посетителей, обращавшихся к Сахарову за защитой от притеснений и беззаконий, и еще более многочисленные письма с такими же просьбами поставили ученого в положение, от которого страдала его научная работа. Но Сахаров сам сделал этот выбор. Нобелевская премия мира свидетельствовала о международном признании правозащитного движения, которому он посвятил жизнь. Премия расширила и укрепила влияние правозащитного движения внутри страны.

Отношение к правозащитному движению участников национальных и религиозных движений проявилось при сборе подписей под письмом в защиту Ковалева после его осуждения. «Мы требуем прекратить расправы за обмен идеями и информацией. Мы требуем прекратить преследования тех, кто защищает людей, ставших жертвами политических репрессий», — значилось в письме. Его подписали 179 человек, что само по себе знаменательно — такого числа подписей под правозащитным документом не было с 1968 года. Но особенно интересно, что среди подписавших почти половина не были москвичами, появилось много «новеньких», значительную часть составляли не правозащитники, а активисты других движений — крым-

ских татар, литовского, грузинского, украинского, армянского и еврейского. Это был первый случай такого совместного выступления. И знаменательно, что это было выступление в защиту члена Инициативной группы и сотрудника «Хроники», то есть ассоциации и издания, олицетворяющих правозащитное движение.

Быстрое расширение связей правозащитного движения с другими независимыми общественными движениями прослеживается в это время и по «Хронике текущих событий».

В 28-м выпуске ХТС, первом, вышедшем после перерыва в мае 1974 года, но посвященном событиям конца 1972 года, собраны сообщения из 28 географических пунктов, а в 34-м выпуске, вышедшем в декабре того же года, — из 71.

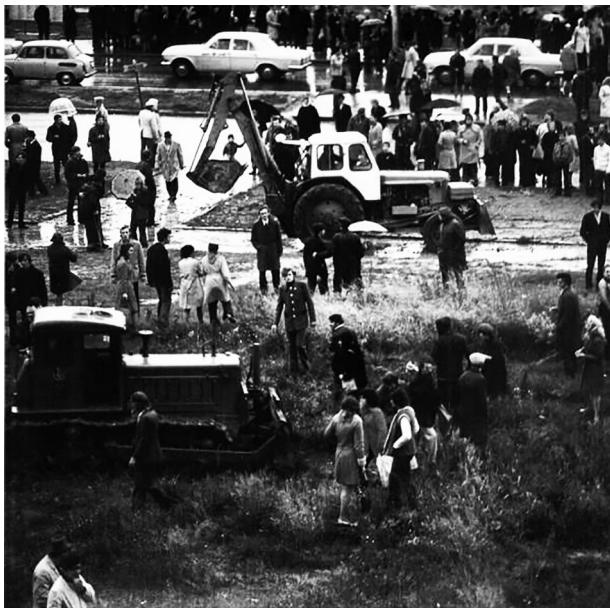
Суд над Твердохлебовым показал, что и в Москве расширился круг открыто сочувствующих правозащитникам: у здания суда собралась большая толпа, много было новых людей. Новым было и появление там вместе с иностранными корреспондентами представителя посольства США в Москве. Возможно, именно интерес Запада к судьбе инициатора советского отделения «Международной амнистии» определил мягкий по советским меркам приговор — пять лет ссылки.

В 1974—1975 годах впервые попытались объединиться художники-нонконформисты.

И в самые мрачные времена существовали художники-одиночки, творившие не в духе социалистического реализма, но их творчество было известно лишь близким. Найти друг друга, создать некое подобие творческого сообщества помог Международный фестиваль молодежи и студентов, состоявшийся в Москве летом 1957 года. Во время фестиваля была устроена гигантская экспозиция работ и советских художников, и зарубежных — там экспонировались абстрактные полотна, и работы в других невиданных у нас до того стилях. Это был не только первый контакт советских художников со своими зарубежными коллегами, здесь же они познакомились друг с другом. С этого времени центром творческой жизни неофициальных художников стало в ту пору подмосковное Лианозово. Там родилась Лианозовская школа. Ее ядро составило семейство художников: Евгений Кропивницкий, его жена Ольга Потапова, их сын Лев Кропивницкий, дочь Валентина Кропивницкая и ее муж Оскар Рабин.

В 1962 году на официальной художественной выставке в Манеже были представлены несколько картин и скульптур не в духе соцреализма. Выставку посетил Хрущев и отозвался об этих произведениях, употребив крепкие слова. Это определило отношение властей к художественному поиску за пределами соцреализма до конца хрущевской эры. Ничего не изменилось и после «дворцового переворота» в Кремле, тем более что руководство Союза художников охотно поддерживало официальное неприятие нонконформистов, нарушавших художественную монополию соцреалистов. Однако в начале 60-х годов состоялось несколько зарубежных выставок не-

официальных художников, живших в СССР, — Анатолия Зверева, Оскара Рабина, скульптора Эрнста Неизвестного. 22 января 1967 года открылась первая публичная выставка официально не признанных художников в Москве. Ее организовал в районном клубе «Дружба» на шоссе Энтузиастов инженер Александр Глезер, общественный директор этого клуба. В выставке приняли участие одиннадцать художников. Посетителей собралось много, но через два часа выставку прикрыли. Рабина и Глезера выгнали с работы. Независимые художники продолжали устраивать выставки, но на частных квартирах. К этому времени неофициальные художники «вошли в моду» у иностранных любителей искусства — дипломатов, корреспондентов, туристов. Их мастерские стало принято посещать наряду с Третьяковской галереей. Иностранцы охотно покупали понравившиеся им картины. Так создалось сообщество художников, независимое от властей не только духовно, но и материально.

«Бульдозерная выставка» (фото Алексея Годунова)

В сентябре 1974 года решили провести выставку на открытом воздухе. Выбрали пустырь на юго-западе Москвы, на пересечении улиц Профсоюзной и Островитянова. Обратились в Моссовет с соответствующим заявлением, но разрешения не получили, однако и запрета не последовало — власти промолчали. Организаторы выставки разослали массу пригласительных билетов на «первый осенний показ картин» — в культурные учреждения, в газеты и иностранным корреспондентам. 15 сентября двадцать четыре художника начали показ картин на пустыре, но очень скоро появились бульдозеры и поливальные машины, милиционеры и какие-то типы

в штатском — «представители общественности». Они кинулись на художников и посетителей, били их, выворачивали руки. Картины отняли и затоптали в грязь, давили бульдозерами, которые направили на толпу. Среди избитых оказались иностранные корреспонденты — одному выбили зуб, другую ударили по голове ее же фотоаппаратом. Пятерых избитых художников милиционеры арестовали «за хулиганство». В зарубежной прессе по поводу случившегося поднялась целая буря: «Искусство в кольце головорезов» («Лос-Анджелес таймс»), «Искусство под бульдозером» («Крисчен сайенс монитор»), «Русские громят бульдозерами выставку современного искусства» («Нью-Йорк таймс»).

Видимо, разразивший на весь мир скандал с «бульдозерной выставкой» сыграл роль в том, что повторное обращение художников за разрешением на организацию «второго показа» картин на открытом воздухе было удовлетворено — выставка состоялась в Измайлове, на поле за парком. В ней участвовали шестьдесят пять художников из Москвы, Ленинграда, Владимира, Свердловска и других городов, в том числе и члены Союза художников, но большинство составляли нонконформисты. Около пятнадцати тысяч зрителей посетили выставку.

Затем неофициальные художники получили разрешение на выставку в Центральном доме работников искусств. Осенью 1975 года состоялись десятидневные выставки в Ленинграде и Москве. Были такие же выставки и в последующие годы, хотя каждый раз приходилось выдерживать бой за показ многих картин, особенно неприятных чиновникам из управления культуры, и не всегда все картины удавалось отстоять. Кроме того, была создана живописная секция при горкоме графиков, куда приняли всех художников-нонконформистов. Это давало им официальный статус и избавляло от необходимости объяснять милиции, что они не «тунеядцы». Выставки время от времени разрешались и в конце 70-х, и в начале 80-х годов. Но когда москвичи и ленинградцы надумали провести международный фестиваль «Париж — Москва», организовав одновременно выставки в обоих этих городах, его участников до открытия фестиваля посадили под административные аресты, а в комнате коллекционера Людмилы Кузнецовой, где были собраны картины для выставки, организовали пожар, а саму ее вскоре под угрозой ареста вытолкнули в эмиграцию.

Хельсинкский период

12 мая 1976 года на пресс-конференции для иностранных журналистов, созванной Сахаровым у себя в квартире, профессор Юрий Орлов объявил о создании общественной Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР (или Московской Хельсинкской Группы, как ее вскоре стали называть). Появление МХГ и волна поддержки ее в СССР и на Западе вынесли правозащитное движение в новый период, который можно назвать хельсинкским. Этот взлет был достигнут десятилетней жертвенной работой правозащитников, не прекращавшейся и в самое тяжелое время. Но для сторонней публики он стал сюрпризом.

Видимо, и руководство КГБ полагало, что с правозащитным движением покончено, что оно более не сможет проявиться. Во всяком случае так, скорее всего, было доложено вершителям советской внешней политики, иначе нельзя объяснить, почему они предприняли столь необычный шаг — опубликовали в газетах полный текст подписанного ими в августе 1975 года в Хельсинки Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, включая гуманитарные статьи. Они, должно быть, полагали, что некому уже выступить с критикой несоблюдения этих статей. До тех пор международные обязательства СССР в области прав человека тщательно замалчивались внутри страны. Соответствующие документы публиковались лишь в специальных изданиях очень ограниченного пользования. Возможно, в данном случае сказалось желание советских лидеров похвастать перед народом своим политическим успехом в Хельсинки: СССР получил по Заключительному акту существенные выгоды, самая главная из которых — признание послевоенных границ в Европе. Ради этого можно было и пообещать соблюдать права человека. Даже западные партнеры Советского Союза не ожидали хоть каких-то перемен во внутренней советской политике. Тем более не думали их производить советские руководители. Их расчет был — представить Западу существующее положение как благополучное при некотором «выпуске пара» в наиболее чувствительных для Запада пунктах (еврейская и немецкая эмиграция, расширение туризма и т. п.). На Западе к гуманитарным статьям Заключительного акта относились как к ничему не значащему совместному реверансу подписавших его правительств перед общественным мнением демократических стран.

Но советские граждане, прочтя текст Заключительного акта в газетах, испытали потрясение именно от гуманитарных статей, потому что впервые узнали о такого рода международных обязательствах своего правитель-

ства. Они стали ссылаться на Хельсинкские соглашения при обращениях к официальным лицам, если те отказывали в удовлетворении какого-либо права просителя, подтвержденного в Заключительном акте.

Юрий Орлов

Новаторский смысл увидели в этом документе и правозащитники. Прежде всего это относится к физику Юрию Орлову. Его многолетние раздумья были посвящены поиску путей диалога о кардинальных проблемах страны между властями и обществом. В таком диалоге он видел единственный путь к либерализации режима, без которой не выйти из экономического, политического и морального

кризиса советской системы. Попытки прямого обращения к властям Орлов испробовал дважды — в 1956 году на партийном собрании в Теплотехнической лаборатории и в 1973 году, когда он, вернувшись в Москву после пятнадцатилетней работы в Армении (где он стал членом-корреспондентом Академии наук Армянской ССР), отправил письмо Брежневу; письмо осталось без ответа, а Орлов снова стал безработным.

Этот личный опыт, как и многие другие известные Орлову безуспешные обращения, заставил искать посредников, которые могли бы склонить советских правителей прислушаться к голосам своих граждан. Естественным союзником правозащитного движения была общественность стран свободного мира, так как нравственные ценности движения совпадают с традиционными ценностями западных демократий, а органический плюрализм и политическая нейтральность движения за права человека в СССР ставили его вне борьбы политических сил на Западе, делая возможной его поддержку и «левыми», и «правыми».

Попытка прямой апелляции к общественному мнению в западных странах впервые была предпринята еще в 1968 году в ранее упомянутом обращении «К мировой общественности» Л. Богораз и П. Литвинова в связи с «процессом четырех». Первая общественная правозащитная ассоциация — Инициативная группа по защите прав человека в СССР — уже с первым своим документом обратилась в ООН. С начала 70-х годов индивидуальные и коллективные письма в различные общественные организации и к общественным деятелям Запада стали постоянными. Запад не был безучастен к судьбам инакомыслящих в СССР. Начиная с суда над Синявским и Даниэлем, а может быть, и ранее (кампания по травле Пастернака и дело Бродского) советские руководители испытывали давление западной общественности и иной раз шли на уступки. Иногда случались очевидные отступления властей, например досрочные освобождения Бродского и Синявского. Менее заметным, но более существенным результатом этого давления была определенная сдержанность в преследованиях инакомысля-

щих. Думаю, без оглядки на общественное мнение Запада преследования и правозащитников, и участников других движений были бы «оперативней», захватили бы более широкий круг и, возможно, оказались бы жестче.

Поддержка Запада с самого начала строилась главным образом по корпоративному признаку: писатели помогали писателям, ученые — ученым, зарубежные национальные организации — людям своей национальности, религиозные организации — своим единоверцам. Только «Международная амнистия» заботилась обо всех узниках совести. Но и эта поддержка ограничивалась хлопотами об участии людей, пострадавших от преследований. Никто не обращался с Запада к советским руководителям с требованием соблюдения прав граждан и законности. Между тем Запад был кровно в этом заинтересован — ради собственной безопасности. Прочной гарантии безопасности можно ждать лишь от общества, в котором власти находятся под постоянным и действенным контролем со стороны общественности. Это возможно лишь при действительном соблюдении властями прав граждан. Но правительства демократических стран не проявляли интереса к положению с правами человека в СССР. Советский Союз ратифицировал Всеобщую декларацию прав человека ООН, международные пакты о политических и экономических правах. Однако ни разу соответствующие международные организации не попытались проверить, выполняет ли он свои обязательства, и требовать их выполнения.

В Заключительном акте Орлов разглядел возможность подтолкнуть Запад к такому сотрудничеству. Этот международный документ указывал партнерам на правомочность посреднических функций в сфере прав человека, поскольку прямо исходил из нерасторжимой связи этих прав с главной целью Хельсинкских соглашений — сохранением мира. При такой постановке вопроса степень свободы граждан, информационная открытость каждого государства приобретали международную значимость и из внутреннего дела становились общей заботой. При нарушении гуманитарных статей Заключительного акта, как и при нарушениях любой другой статьи, естественным было соответствующее давление партнеров. По мысли Орлова, права граждан, перечисленные в гуманитарных статьях, следовало рассматривать как минимальный международный стандарт, минимальный норматив обращения с гражданами для правительств, подписавших Хельсинкские соглашения.

В учредительном заявлении МХГ объявлялось, что группа будет принимать от граждан письменные жалобы, собирать любую другую информацию о нарушении гуманитарных статей Заключительного акта, обрабатывать полученные материалы и с указанием своей оценкой достоверности адресовать главам правительств и общественности стран — участниц Хельсинкских соглашений. Под документом подписались одиннадцать человек: Людмила Алексеева, Михаил Бернштам, Елена Боннэр, Александр Гинзбург, Петр Григоренко, Александр Корчак, Мальва Ланда, Анатолий Марченко, Юрий Орлов, Виталий Рубин и Анатолий Щаранский.

Московская Хельсинкская группа оказалась зернышком, из которого выросло международное хельсинкское движение. 9 ноября 1976 года была объявлена Украинская Хельсинкская группа, 25 ноября — Литовская, 14 января 1977 года — Грузинская и 1 апреля — Армянская. Все эти группы образовались в основном из участников соответствующих национальных движений. В Украине, Литве и Армении хельсинкские группы стали первыми открытыми общественными ассоциациями.

Такие же группы возникли за пределами Советского Союза. В сентябре 1976 года в Польше появился Комитет защиты рабочих (преобразованный летом 1977 года в Комитет общественной защиты), а 1 января в Чехословакии — «Хартия-77». Эти ассоциации не называли себя «хельсинкскими», но они, как и хельсинкские группы в СССР, стояли на правозащитных позициях, опирались на конституции своих стран и международные пакты о правах человека, принятые их правительствами. В Венгрии, Румынии, ГДР прозвучали те же требования.

В США была создана Комиссия по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинкская комиссия): шесть конгрессменов, шесть сенаторов и по одному представителю (с правом совещательного голоса) от Госдепартамента, департаментов обороны и торговли. После подписания в Хельсинки Заключительного акта делегация американских конгрессменов посетила Москву. Член Конгресса г-жа Милисент Фенвик встретила с Юрием Орловым, Валентином Турчиным и отказником Вениамином Левичем. Она интересовалась мнением правозащитников и еврейских активистов о Заключительном акте. «Доктрина Орлова» произвела на нее впечатление, и она внесла в Конгресс проект документа о создании Хельсинкской комиссии, прямо ссылаясь на мнение москвичей. Предполагалось, что комиссия должна будет содействовать выполнению обязательств по Заключительному акту всеми подписавшими его государствами. Впоследствии были созданы и общественные хельсинкские группы в США и западноевропейских странах.

МХГ не только открыла эру международного хельсинкского движения, но и дала толчок к появлению нескольких, так сказать, специализированных правозащитных ассоциаций в Советском Союзе.

27 декабря 1976 года выпустил первый документ Христианский комитет защиты прав верующих в СССР, который в свою очередь стал прототипом Католического комитета защиты прав верующих в Литве. 5 января 1977 года при МХГ появилась Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях.

В это же время начал работать в СССР Русский фонда помощи политзаключенным, основанный А. Солженицыным в Швейцарии в 1974 году.

Таким образом, правозащитное движение в короткий срок обросло сетью открытых ассоциаций. Конечно, их было немного и входило в них всего несколько десятков человек, но благодаря им правозащитное движение стало видно со стороны, в него устремились новые люди, расширился круг вовле-

ченных в правозащитную работу и многократно усилился ее резонанс. Правозащитное движение стало видней и с Запада: пресса стала намного чаще писать о положении с правами человека в СССР, а радиостанции, вещавшие на Советский Союз, стали много говорить об этом и расширяли знания о правозащитном движении среди советских граждан, что опять-таки привлекало к нему новых людей. Связи московских правозащитников заметно разрослись. Давние отношения с украинцами, крымскими татарами и Литвой дополнились контактами с Грузией, Арменией и немецким движением за выезд в ФРГ. В «Хронике текущих событий» стал постоянным раздел «Преследования верующих» с сообщениями о православных, католиках, баптистах, пятидесятниках и адвентистах. Все эти связи перешли к Московской хельсинкской группе и укрепились благодаря ей.

Хельсинкские группы в Москве и республиках выступали под общим лозунгом соблюдения гуманитарных статей Заключительного акта. Это сблизило идейно и организационно национальные движения с правозащитным.

Баптисты, которые давно имели свою правозащитную организацию, регулярно снабжали МХГ и «Хронику» бюллетенем, издаваемым Советом родственников узников евангельских христиан-баптистов. МХГ использовала соответствующие материалы в одном из первых своих документов (№ 5), предав международной огласке случаи отнятия детей у баптистов и адвентистов за религиозное воспитание в семье. Через радио об этом узнали миллионы советских граждан, и в МХГ потянулись со своими проблемами верующие всех исповеданий.

МХГ регулярно проводила пресс-конференции для иностранных корреспондентов. Участники национальных и религиозных движений стали в них участвовать и таким образом наладили собственные связи с Западом.

Представители пятидесятников регулярно приезжали в Москву, а посланцы МХГ несколько раз ездили в пятидесятнические общины. Контакты московских правозащитников с адвентистами, прежде редкие и поверхностные, переросли в дружеские связи с их активистами. Со временем и пятидесятники, и адвентисты наладили постоянный сбор информации о нарушениях прав верующих и создали свои правозащитные группы (в 1978 и 1980 годах соответственно). Первый информационный сборник пятидесятников «Выходи из нее, народ мой!» помогли выпустить члены МХГ. Через МХГ правозащитные ассоциации баптистов, пятидесятников и адвентистов связались с Христианским комитетом защиты прав верующих (прежде между протестантами и православными не было никаких связей), начались совместные выступления на правозащитной основе православных и католиков.

В МХГ потянулись многочисленные «ходоки», приезжавшие порой очень издали, из глухих мест, куда раньше не доходили сведения о независимой общественной деятельности и уж во всяком случае не было никакой возможности к ней присоединиться. «Ходоки» узнавали о правозащитни-

ках и МХГ чаще всего из передач зарубежных радиостанций. Они просили предать гласности беззакония, совершенные по отношению к ним или к близким им людям.

Взяв на себя сбор и оформление информации о нарушениях прав человека, поступавшей из разнообразных источников, МХГ оказалась рупором для высказывания гражданских требований всех слоев советского общества, разных национальностей и вероисповеданий, стала связующим звеном между разными движениями инакомыслящих, прежде никак не связанных друг с другом. Они приняли тактику МХГ — стимулировать посредничество Запада между советскими властями и гражданами. Участники национальных и религиозных движений тоже стали адресовать свои обращения Западу.

Расширение сочувственного интереса к правозащитному движению отразилось на ставшей уже традиционной демонстрации на Пушкинской площади в Москве, ежегодно проводимой с 1965 года в День конституции, 5 декабря. Такой многолюдной, как в 1976 году, демонстрации ни разу не было. Прежде участников было не более нескольких десятков. С 1966 года демонстрации проходили, как правило, спокойно. Дружинники (тоже несколько десятков) смыкали кольцо вокруг демонстрантов и наблюдали молчаливый обряд: в 6 часов вечера участники демонстрации на несколько минут обнажали головы в знак траура по конституционным свободам и солидарности с жертвами беззаконий. На этот раз люди заполнили весь сквер на Пушкинской площади. В шесть часов вечера, когда участники демонстрации сняли шапки, вместе с ними сделали это и столпившиеся вокруг. Их было много — несравненно больше, чем оставшихся с покрытыми головами. Впервые демонстрация не была молчаливой. П. Григоренко произнес короткую речь, несколько фраз. Он напомнил об участии в подготовке первой демонстрации Владимира Буковского, который на этот раз томился во Владимирской тюрьме, и закончил:

— Спасибо всем, кто пришел сюда почтить память миллионов загубленных людей! Спасибо за сочувствие узникам совести!

В ответ раздались возгласы:

— Вам спасибо!

(Через две недели Буковский был освобожден — его обменяли на секретаря компартии Чили Луиса Корвалана, отправив прямо из тюрьмы за рубеж.)

Подобные демонстрации в то же самое время состоялись в Ленинграде и Одессе — тоже у памятников Пушкину.

Подобные события, несмотря на скромность их масштабов, в советском контексте выглядели весьма ободряюще. Они показывали, что в обществе накопились силы, способные к согласованным выступлениям на общей основе.

На создание МХГ власти отреагировали незамедлительно. Уже 15 мая 1976 года Ю. Орлов был доставлен в управление КГБ по Черемушкинскому

району Москвы, где его предупредили, что если МХГ начнет действовать, он и «связанные с ним лица» ответят по всей строгости закона. Арестов, однако, до февраля 1977 года не было. Несомненно, советские руководители понимали, что преследование МХГ — грубое нарушение Заключительного акта, на который они возлагали большие надежды, из-за чего не решались сразу ставить отношения с Западом под удар.

8 января 1977 года в московском метро произошел взрыв, в результате которого погибли люди. Это небывалое в СССР событие вызвало необычную реакцию властей. Даже стихийные бедствия и крушения самолетов советские источники информации, как правило, замалчивали, но об этом взрыве как о теракте, устроенном диссидентами, немедленно сообщили иностранным корреспондентам.

МХГ созвала пресс-конференцию и передала корреспондентам заявление «По поводу взрыва в московском метро»:

Название «диссиденты» в Советском Союзе прочно закрепилось за участниками движения за права человека. Диссиденты имеют различные политические, религиозные, философские взгляды, а объединяет их то, что, добиваясь осуществления основных прав человека, они полностью отвергают насилие или призывы к насилию как средство осуществления своих целей. Диссиденты относятся к террору с негодованием и отвращением...

Документ подписали Московская и Украинская хельсинкские группы, Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях, Комитет защиты прав верующих, Инициативная группа по защите прав человека в СССР, Грузинская инициативная группа и активисты еврейского движения (такое совместное выступление тоже свидетельствовало об укреплении сотрудничества разных общественных сил).

Сахаров сделал письменное заявление, где он перечислял известные ему мафиозные действия КГБ. Он писал:

...Я не могу избавиться от ощущения, что взрыв в московском метро и трагическая гибель людей — это новая и самая опасная за последние годы провокация репрессивных органов, возможно, совершивших это преступление, чтобы иметь повод для массового преследования диссидентов и изменения внутреннего климата в стране.

25 января заместитель генерального прокурора СССР Гусев официально предупредил Сахарова, что это заявление расценивается как клеветническое и в случае его повторения последует арест.

27 января Госдепартамент США выступил с заявлением о полном доверии Сахарову и выразил восхищение им. Это заявление вызвало радостное потрясение в хельсинкских группах: не первый ли это шаг вождя вождя?

посредничества? Правда, тогдашний президент США Джимми Картер сразу разъяснил, что заявление Госдепартамента с ним не было согласовано. Но этот демарш, видимо, произвел впечатление и на советских руководителей. Во всяком случае, они оставили попытки использовать взрыв в метро для преследований диссидентов.

Однако открытая поддержка Запада не предотвратила репрессий против хельсинкских групп.

В начале февраля 1977 года были арестованы руководители Московской и Украинской хельсинкских групп Ю. Орлов и М. Руденко, а также члены групп А. Гинзбург и О. Тихий. В Москве многие объясняли эти аресты недостаточной твердостью Картера, а на Западе даже стали говорить, что открытое сочувствие правозащитникам для них опасно. Но все-таки преобладали другие настроения. В это время как никогда прежде была сильна поддержка правозащитного движения с Запада. Оно, можно сказать, вошло в моду. Западная пресса резко усилила внимание к проблемам прав человека в СССР.

Президент Картер компенсировал непоследовательность, проявленную в январе, личным письмом Сахарову. Оно было вручено 14 февраля, вскоре после арестов. В апреле Картер сделал не менее сенсационный жест — принял героя правозащитного движения Владимира Буковского.

Поддержка Запада вынудила отложить до более удобного времени уже подготовленную расправу с Сахаровым и сузить масштабы намечавшихся репрессий против его единомышленников.

Каковы были замыслы, можно судить по материалам 44-го выпуска ХТС (март 1977). «Хроника» сообщила, что в феврале — марте на совещании редакторов газет и журналов в отделе агитации и пропаганды ЦК КПСС докладчик заявил, что решено показать силу и не обращать внимания на Запад, поэтому планируются аресты пятидесяти наиболее активных диссидентов и принятие строгих мер к остальным. Однако этот план ждал своего часа до 1980 года, когда был сослан в Горький Сахаров и прежде выборочные аресты активных диссидентов сменились повальными. В 1977 году власти сконцентрировались на репрессиях против членов хельсинкских групп.

4 октября 1977 года открылась Белградская встреча государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, к которой более всего адресовались хельсинкские группы. Позиция демократических стран не была твердой. Европейские страны не решились поддержать американскую делегацию, обвинявшую СССР в нарушении гуманитарных статей Заключительного акта. Но все-таки это была первая международная встреча на правительственном уровне, где Советскому Союзу предъявили обвинения в области прав человека, правда, речь шла только об арестах участников хельсинкских групп и преследованиях активистов движения евреев за выезд в Израиль. Беспрецедентной была и постановка вопроса: на Белградской встрече использовались материалы независимых обществен-

ных ассоциаций — хельсинкских групп, то есть претензии советских граждан к своему правительству.

Это была большая победа правозащитников: правительства демократических стран сделали первый шаг навстречу силам либерализации в СССР. Но в Советском Союзе Белградская встреча не могла не вызвать разочарования.

Казалось бы, цель, которую поставили себе хельсинкские группы, была достигнута: свободный мир узнал о требованиях советских граждан к их правителям и открыто поддержал эти требования. Но руководство СССР не только не собиралось идти на уступки, но действовало откровенно вызывающе: аресты членов хельсинкских групп шли и в дни заседаний в Белграде, и после окончания встречи.

А. Сахаров перед зданием суда во время процесса над Ю. Орловым

Юрий Орлов в мае 1977 года получил за свой «просчет» семь лет лагеря строгого режима и пять лет ссылки. Его судьбу разделило большинство его товарищей по хельсинкским группам — и приговоры были демонстративно максимальными. Таким образом, оказавшись перед дилеммой — потеря престижа на Западе или ослабление контроля над собственными гражданами, — советские правители предпочитают пожертвовать престижем.

Деятельность хельсинкских групп не привела к результату, ради которого они были созданы, — умерить репрессивность власти с помощью посредничества Запада. Но в то же время правозащитная идеология продемонстрировала способность стать основой организованного движения, включающего все социальные группы советского общества.

Аресты членов МХГ вызвали протесты, сравнимые по масштабам с петиционной кампанией 1968 года. Различия в этих кампаниях отражали изменения, происшедшие за десять лет в советском обществе и правозащитном движении.

В 1968 году основную массу «подписантов» (70%) составили москвичи. В подавляющем большинстве это были либерально настроенные интеллигенты, для которых подпись под петицией была первым в их жизни независимым проявлением гражданственности. Неудивительно, что недвусмысленно

ленно высказанной властями угрозы утраты жизненного статуса оказалось достаточно, чтобы они перестали заниматься опасной несанкционированной деятельностью. Лишь небольшая часть «подписантов» не отступила — они стали зачинателями правозащитного движения.

В 1977—1978 годах только 27% подписей против арестов в МХГ пришлось на долю москвичей — в основном правозащитников «со стажем». Но теперь новички сознавали, на что идут. Москвичи, присоединившиеся за эти годы к правозащитникам, сами стали правозащитниками — их подписи под правозащитными документами с тех пор появлялись неоднократно. Однако самое важное отличие состава подписавших протесты против преследований хельсинкских групп — в том, что большинство из них (73%) были не из Москвы, притом что открытые выступления вне Москвы были намного опасней. В основном это были давние правозащитники и участники национальных и религиозных движений. Такой состав «подписантов» объясняет, почему продолжение репрессий против хельсинкских групп не привело к оттоку помощников от них. Разумеется, круг сочувствующих и даже помощников МХГ не исчерпывался открыто выступившими в защиту арестованных членов группы. Подписали эти письма вне Москвы главным образом люди, через которых непосредственно осуществлялась связь их единомышленников с московскими правозащитниками. Остальные действовали анонимно.

В 1976—1978 годах дооформилась структура сил противостояния, стихийно сложившаяся в предшествовавшие годы. Открытые общественные ассоциации стали каркасом правозащитного движения и сотрудничавших с ними национальных и религиозных движений. Эта схема работала, пока в 1980—1982 годах не были арестованы практически все участники открытых общественных ассоциаций.

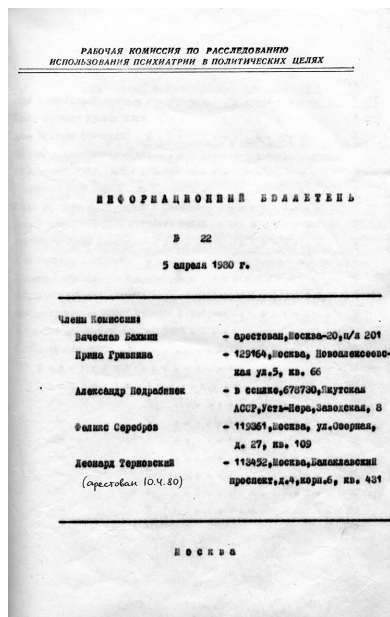
Как уже говорилось выше, в начале января 1977 года в Москве под эгидой МХГ появилась Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях. Ее основателями были Александр Подрабинек, Вячеслав Бахмин, Ирина Каплун, Феликс Серебров и Джемма Квачевская. От МХГ в комиссию вошел Петр Григоренко, консультантом по юридическим вопросам стала адвокат Софья Каллистратова, по вопросам психиатрии — врач Московской областной психбольницы Александр Волошанович. Рабочая комиссия действовала до февраля 1981 года, когда был арестован ее последний участник. За четыре года крохотная группа готовила двадцать четыре объемистых информационных бюллетеня (они выходили не реже одного раза в два месяца).

Просматривая эти бюллетени, трудно понять, как могли несколько человек, к тому же работавших, свернуть такую глыбу. При полном отсутствии доступа к официальным источникам информации они составили карту текущих политзаключенных, содержащихся в психиатрических больницах, собрали сведения о десятках прежде никому не известных жертв психиатрических репрессий и уточнили данные о прежде известных. Всех из-

вестных им узников психбольниц они держали под постоянным контролем: кто чем болеет, какие у кого нужды, кто куда переведен и т. д., сообщая об этом в бюллетене. Рабочая комиссия наладила материальную помощь своим подопечным и их нуждающимся семьям. Члены комиссии составили списки врачей-психиатров и руководителей спец-психбольниц и обычных психбольниц, в которых содержались политзаключенные. Они написали сотни писем врачам и администраторам, добиваясь отмены губительных методов лечения и жестокого обращения, десятки раз обращались в соответствующие государственные учреждения с требованием освобождения здоровых людей, а также к западной общественности, стимулируя ее добиваться того же. Используя свои отпуска, члены Рабочей комиссии навещали особо нуждавшихся в помощи узников психбольниц в самых отдаленных уголках страны. Им не единожды выпало редкое для правозащитников счастье — обнять тех, кого удалось вырвать из неволи.

Создание Рабочей комиссии было непосредственным откликом на усиление психиатрических репрессий, обозначившееся в конце 1976 года. Тогда почти одновременно были госпитализированы несколько бывших узников психбольниц, продолжавших после освобождения прежнюю деятельность, — Владимир Борисов (Ленинград), Петр Старчик (Москва), Эдуард Федотов и Александр Аргентов (Подмосковье). Члены Рабочей комиссии сразу же занялась этими случаями, и все эти люди вскоре были освобождены. Рабочая комиссия вызволила из психбольницы журналиста Михаила Копысова, жителя маленького городка Бобров в Воронежской области. За Юрия Белова, который провел в психбольницах семь лет, Рабочая комиссия сражалась два года — и все-таки добилась его освобождения.

Необычайная для советских условий эффективность Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях объяснялась прежде всего тем, что деятельность ее была продолжением двадцатилетних усилий многих людей — сначала одиночек вроде С. Писарева, а затем всего правозащитного движения. Подвиг Буковского, передавшего на Запад истории болезни шести заточенных в психбольницы инакомыслящих, оказался не напрасным. Хотя международный конгресс психиатров в Мехико отказался рассматривать эти документы, на Западе нашлись люди, изучившие их. Они убедились, что в СССР действительно используют психиатрию в политических целях. Дополнительные подтвержде-

ния появились, когда эмигрировали несколько диссидентов — бывших узников психбольниц. Они были обследованы специалистами и признаны здоровыми. Таким образом, в 1977 году на Западе уже действовали несколько общественных организаций, целью которых было прекращение психиатрических репрессий в СССР. Международный конгресс психиатров, собравшийся в том году в Гонолулу, с полным доверием рассмотрел свидетельства, присланные Рабочей комиссией, и вынес резолюцию, осуждавшую Советский Союз. Постоянная и активная поддержка западной общественности очень способствовала успехам Рабочей комиссии.

Но, конечно, успехи комиссии объяснялись не только этим, но и чрезвычайной добросовестностью ее участников: документы Рабочей комиссии, как и МХГ и более ранних правозащитных ассоциаций правозащитников, были безупречны по точности изложения фактов, а также в юридическом отношении. Основной тезис Рабочей комиссии был такой: мы не утверждаем, что все принудительно помещенные в психбольницы по политическим мотивам здоровы, среди них есть и больные люди, но и по отношению к ним тоже следует соблюдать законы и не допускать жестокостей.

В мае 1978 года был арестован А. Подрабинек. Его осудили за книгу «Карательная медицина» — о злоупотреблениях в советской психиатрии. После ареста Подрабинека в комиссию вошли Леонард Терновский и Ирина Гривнина.

В августе на пресс-конференции для иностранных корреспондентов А. Волошанович сообщил, что провел двадцать семь экспертиз людей, ранее помещавшихся в психиатрические больницы по политическим мотивам, и ни в одном случае не нашел медицинских оснований для госпитализации и лечения. Видимо, опасаясь международного скандала, пленум правления Всесоюзного общества невропатологов и психиатров в октябре образовал комиссию для расследования этих случаев. Несколько человек были освобождены, но на Волошановича стало оказываться давление, и он вынужден был эмигрировать. Консультантом Рабочей комиссии стал харьковский психиатр Анатолий Корягин.

В феврале 1980 года был арестован В. Бахмин, в апреле — Л. Терновский, в сентябре — И. Гривнина, в январе 1981 года — Ф. Серебров. Всех их судили за «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», лишь Сереброва — за «антисоветскую агитацию и пропаганду».

В феврале 1981 года был арестован последний оставшийся на свободе член Рабочей комиссии А. Корягин. Он провел экспертизу борца за права рабочих Алексея Никитина, нашел его здоровым и передал свое заключение иностранным корреспондентам. Корягина приговорили к семи годам лагеря строгого режима и пяти годам ссылки.

Независимые общественные ассоциации, возникшие в 1978–1979 годах

В течение 1978 года в Москве появились Инициативная группа защиты прав инвалидов в СССР (март), Свободный профсоюз (февраль), а после его почти немедленного разгрома — Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ).

В середине 1979 года была создана группа «Право на эмиграцию», которая добиваясь введения законодательства об эмиграции, оказывала практическую помощь в получении разрешений на выезд.

Группа «Выборы-79» возникла в феврале 1979 года. Ее члены намеревались явочным порядком осуществить зафиксированное в конституции, но узурпированное властями право выдвижения кандидатов в депутаты законодательных органов власти СССР — советов народных депутатов всех уровней вплоть до Верховного Совета СССР. Формально правом выдвижения обладали партийные, комсомольские, профсоюзные, кооперативные и другие общественные организации, собрания военнослужащих по воинским частям, а также трудовые коллективы, но фактически выборы были безальтернативными, а кандидаты назначались «сверху», собрания лишь их единогласно утверждали. Ближайшие выборы должны были состояться 4 марта 1979 года. Группа подала документы на регистрацию своих кандидатов, но не получила ответа к сроку, крайнему для выдвижения кандидатов. На этом основании соответствующие избирательные комиссии отказали в регистрации кандидатов, выдвинутых независимой группой.

Надо сказать, что, кроме Инициативной группы защиты прав инвалидов, все эти независимые общественные ассоциации родились и действовали вне круга московских правозащитников и, за редким исключением, без его поддержки. Их появление на общественной арене было результатом работы правозащитников в предшествующие годы, возбудившей новый слой прежде непричастных к независимой общественной активности людей. Огромную роль сыграли в этом зарубежные радиостанции, с 1976 года резко увеличившие число передач о правах человека. Героическое противостояние правозащитников стало будоражающим примером не только для родственников им по духу сограждан, но и для людей, весьма поверхностно усвоивших их идеи и совершенно чуждых по складу ума правозащитному

движению с его принципиальным отказом от любого насилия, терпимостью и интеллигентностью. К ведущим правозащитникам, имена которых популяризировали зарубежные радиостанции, потянулись люди с самыми разными побуждениями — от единомышленников до требующих отдать средства либо Фонда помощи политзаключенным, либо поступающие с Запада (о чем постоянно писала советская пресса, весьма усилившая внимание к правозащитникам) на устройство какой-нибудь подпольной рации или даже на оружие для ниспровержения режима. Такие посетители уходили разочарованными: даже при мимолетном знакомстве было очевидно, что правозащитники совершенно не подходят и не собираются играть роль Робин Гуда. Многим приходилось отказывать во встрече из-за крайней занятости, перешедшей всякие пределы: объем работы превысил возможности узкого круга правозащитников, к тому же постоянно подвергавшегося репрессиям — кто-то находился за решеткой, а кто-то был вынужден покинуть страну. Круг проблем, которыми занималось правозащитное движение, значительно расширился, само движение вышло на международную арену, а его ядром, активом оставался дружеский круг его зачинателей, и работали они, по-прежнему опираясь главным образом на дружеские связи, — они не умели и не хотели иначе. Находили признание, вписывались в этот круг и включались в его работу лишь духовно близкие люди. Остальные не приживались, потому что не могли делать то, что делали правозащитники, и так, как они это делали. С одной стороны, это создавало обиды и обвинения членов этого «ордена» в зазнайстве и спеси, а с другой — порождало их чудовищную загруженность. Если прежде всякое дело находило своего исполнителя, то теперь многие дела ждали своего часа и не все его дожидались.

Не получив помощи, деятельные новички самостоятельно затевали какое-то подобие акций, о которых они были наслышаны по радио. Среди этих деятелей попадались честолюбцы, стремившиеся к «радиославе», но немало было людей со здравыми и даже новаторскими в советских условиях идеями, полностью в русле правозащитной идеологии, как, например, Свободный профсоюз, «Право на эмиграцию» или «Выборы-79». Но поступки и высказывания этих новеньких зачастую находились за пределами идеологии и этических норм, сложившихся среди правозащитников, что тоже создавало несовместимость (например, настойчивые попытки создателя Свободного профсоюза Владимира Клебанова «договориться» с КГБ о безопасности своего профсоюза или перетасовки в группе «Право на эмиграцию» из-за взаимных обвинений в пособничестве КГБ). Нужно было долго и терпеливо работать с этими новыми активными людьми, чтобы сделать из них действительных правозащитников. Большинство московских правозащитников оказались не приспособленными к этой роли. Их плюрализм и представления о свободе воли не позволяли им стать пропагандистами своих идей, насаждать их, они были лишь их распространителями. К тому же и в 1977—1978 годах ядро правозащитников составляли

зачинатели движения, по преимуществу рассматривавшие его как чисто нравственное противостояние, не имеющее каких-либо политических целей. Они не ставили перед собой и цели расширения движения, распространения его в другие социальные слои, не ценили этого распространения и отшатывались от чужаков. История взаимоотношений ветеранов правозащитного движения, его ядра с пополнением, разбуженным их же энергией и потянувшимся к ним, показала, что обе стороны не были готовы к встрече и тем более сотрудничеству, не нашли общего языка.

С 1976 года стал выходить исторический сборник «Память». Его издатели не объявляли своих имен, чтобы уберечься от арестов. Они поставили перед собой грандиозную задачу — противостоять официальной фальсификации истории страны. Они исходили из того, что каждый человек, доживший до старости, обязательно знал о прошлом что-то такое, о чем вслух тогда не говорилось. Вот эти личные и документальные свидетельства собирала и публиковала «Память», справедливо полагая, что «там, где нет прошлого, закрыта дорога в будущее».

В 1979 году была предпринята попытка издания литературно-публицистического журнала «Поиски» — имелись в виду поиски взаимопонимания людей с разными взглядами, ищущих выход из советского тупика. В отличие от «Памяти» члены редколлегии «Поисков» поставили свои имена на титульном листе первого же выпуска журнала.

Но ни осторожность издателей «Памяти», ни открытость редколлегии «Поисков» не спасли их от преследований — обе редакции поредели от арестов вскоре после публикации первых выпусков своих изданий. Избежали этой участи лишь издатели литературного альманаха «Метрополь», который выпустили известные писатели Василий Аксенов, Андрей Битов, Фазиль Искандер и среди авторов которого были такие знаменитости, как Белла Ахмадулина, Владимир Высоцкий, Андрей Вознесенский. Это был первый случай столь представительного выступления в обход цензуры писателей-профессионалов.

Ленинград. С середины 70-х независимая общественная жизнь в Ленинграде вышла на поверхность в виде «второй (неофициальной) культуры».

«Вторую культуру» породил характерный для Ленинграда широкий слой гуманитариев-профессионалов, не имевших ни работы по специальности, ни надежды когда-либо такую работу получить. Здесь было не менее десятка гуманитарных учебных заведений, среди них такие первоклассные, как филологический и исторический факультеты университета, Академия художеств, Институт им. Герцена, кинематографический и театральный институты. В то время как учреждений, где нужны гуманитарии, в Ленинграде гораздо меньше, чем в столичной Москве. Жесткая зависимость породила у «служилой» либеральной интеллигенции стремление как можно меньше соприкасаться с «грубой жизнью», как можно меньше вникать в ее проблемы, с головой уходя в профессию. Выработался культ профессии,

она стала не только источником существования, но и смыслом жизни и ее оправданием: «Я храню и развиваю русскую культуру — это оправдывает любые жертвы».

«Служилую интеллигенцию» и их «лишних» коллег мало что связывало — это были отдельные миры. «Лишние» предпочитали пусть низкооплачиваемые, но оставляющие досуг должности — лифтеров, сторожей, истопников. Среди «лишних», как и среди «служилых», долгие годы царило то же отрешение от жизни ради «высоких» интересов. Вынужденное духовное отшельничество в соединении с гордостью культурными традициями родного города утвердило в среде «лишней» интеллигенции культ «чистой духовности», «чистого искусства», отстранение от жизненных проблем — и своих, и общественных. Эти настроения и традиционное соперничество с Москвой создали неприязнь к независимым активистам-москвичам, суетящимся «на поверхности жизни», и сделали в Ленинграде почти всеобщим лозунг «Долой политику!». «Лишняя» интеллигенция употребляла свою свободу, обретенную в отрешенности, на формотворчество в искусстве и поиск новых сфер духовной жизни, новых сюжетов, обычно в запретных областях, в частности в религиозной философии и искусстве, когда в Москве это еще почти не просматривалось.

По мере разрастания слоя «лишних» началась его консолидация. В 60-е годы у них появилось полуофициальное место сбора — «Кафе поэтов» на Полтавской улице. КГБ терпел это ради облегчения присмотра, но со временем все-таки кафе было превращено в «кафе комсомольских поэтов», а потом его вообще прикрыли. Иногда устраивались читки на специальных вечерах в Доме писателей, но и их запретили, как и попытки перенести чтения в университет и Политехнический институт. Одно время придумали устраивать «турниры поэтов» в Царском Селе, но и их разогнали.

Однако эти встречи все-таки помогли близким по духу и интересам людям найти друг друга. Создались большие дружеские компании, подобные московским 50-х годов. Выход на новых людей со сходными интересами веселил, придавал сил.

К началу 70-х уже выработалось духовное единство, не сразу заметное со стороны, но очевидное для вовлеченных в него. Оно получило самоназвание «вторая культура». Основными художественными и нравственными принципами деятелей «второй культуры» были свобода творчества и свободный выбор направления поисков и стилей. Но все они считали себя наследниками и продолжателями русской культуры начала XX века, как бы перешагивая через годы извращавшего ее вмешательства властей и последовавшего за этим единообразия соцреализма.

В середине десятилетия «вторая культура» вырвалась из многолетнего полудобровольного подполья на поверхность жизни. Первыми совершили этот прорыв художники. Их активность была разбужена «бульдозерной» (15 сентября 1974 года) и Измайловской выставками в Москве. В этих выставках и в выставках на ВДНХ участвовали ленинградские художники

(Юрий Жарких, Евгений Рухин, Владимир Овчинников и др.). Приобретенный опыт помог коллективному преодолению инерции и страха перед публичной заявкой о себе.

Первая выставка независимых художников в Ленинграде состоялась в декабре 1974 года в Доме культуры им. Гааза. Затем последовало несколько выставок в других домах культуры. Стали проводиться выставки в квартирах коллекционеров Натальи Казариновой, Георгия Михайлова и др., а в 1977 году супруги Марина Недрובה (физик) и Вадим Нечаев (писатель) создали в своей квартире музей современной живописи, открытый для всех. Там проводились выставки, обсуждения, конференции.

В том же 1974 году, когда завоевали право на зрителей ленинградские художники-нонконформисты, группа литераторов («служилых») надумала издать (в самиздате, конечно) пятитомное собрание сочинений И. Бродского (к тому времени уже вытолкнутого в эмиграцию). В подготовке издания участвовали многие — приносили сохранившиеся перепечатки стихов, записывали прежде хранимое в памяти. Предисловие взялся написать Михаил Хейфец, школьный учитель литературы и автор нескольких работ по истории русского революционного движения. Прочел предисловие и сделал замечания к нему известный литературовед Ефим Эткинд. Вскоре Хейфец и его друг писатель Марамзин, принявший участие в сборе материалов, были арестованы. Марамзин освобожден после раскаяния на суде и эмигрировал. Пришлось эмигрировать и Эткинду. Хейфец получил четыре года лагеря и два года ссылки. После освобождения он тоже покинул СССР.

Крутая расправа над «служилыми» коллегами не остановила первой попытки литераторов «второй культуры» выйти из ставшей невыносимой творческой изоляции. Они вслед за художниками попытались добиться официального признания. Летом 1975 года 32 непубликуемых ленинградских поэта собрали в сборник «Лепта» лучшее из созданного ими за по крайней мере десятилетний период подполья. Они отнесли свою «Лепту» в Лениздат с предложением опубликовать. Однако там сборник забраковали, да еще с оскорбительным объяснением — за низкое художественное качество. Однако «Лептой» заинтересовался КГБ. Его сотрудники выразили желание познакомиться с авторами и составителями сборника. Их приглашали на беседы, заманивая обещанием помочь в публикации. Неискушенные в таких делах литераторы согласились попытать счастья. Несколько раз «беседовала» с кагэбистами «мать поэтов» — молодой искусствовед Юлия Вознесенская, которую редколлегия «Лепты» назначила своим представителем. Она горячо убеждала оперативников, что авторы сборника не заговорщики, не революционеры, а поэты, мечтающие лишь о выходе к читателю. Но время шло, а дело не двигалось. И активисты «второй культуры» встали на путь явочного осуществления своего права на аудиторию.

Группа поэтов и художников направила в управление садово-паркового хозяйства Ленинграда уведомление, что о намерении 14 декабря 1975 года в 11 часов утра почтить память декабристов чтением стихов на Сенатской

площади, где 150 лет назад произошло восстание. В намеченный день площадь оказалась оцепленной и запруженной милиционерами и дружинниками. Улицы, ведущие на площадь, были перегорожены машинами. Шестерых, подписавших заявку на митинг, задержали по дороге. Художники Синявин и Филимонов прорвались, но тут же были схвачены. Филимонов успел бросить в Неву плакат, который поплыл вверх текстом: «Декабристы — первые русские диссиденты».

В 1976 году появились в самиздате три толстых периодических журнала — «Часы», «37» и «Художественный архив». В них нашли пристанище непубликуемые гуманитарии разных специальностей, работающие в разных стилях. В Ленинграде же вышел и первый самиздатский женский журнал «Женщины и Россия».

Начав борьбу за свои права, деятели «второй культуры» использовали методы правозащитников. Это не могло не отразиться на отношении к ним. Выражением сочувствия и солидарности с правозащитниками стали лозунги на трамваях «Свободу политзаключенным!», «Свободу Твердохлебову!», обнаруженные ленинградцами утром 6 апреля 1976 года, в день, когда должен был начаться в Москве суд над Андреем Твердохлебовым. В ночь на 4 августа на стене Петропавловской крепости появилась надпись огромными буквами: «Вы душите свободу, но душа человека не знает оков». И в других местах города: «Долой партийную буржуазию!», «Партия — враг народа», «СССР — тюрьма народов», «Свободу политзаключенным!» и «Слушайте Голос Америки!».

Сотрудники милиции крышками гробов пытаются закрыть надпись

13 сентября были арестованы художники Юлий Рыбаков и Олег Волков, а вместе с ними Наталья Лестниченко и Юлия Вознесенская — мужчин шантажировали судьбой подельниц. Ради того, чтобы женщин отпустили, Рыбаков и Волков признались, что и апрельские, и августовские надписи — их рук дело, и получили лагерные сроки «за хулиганство».

5 декабря в Ленинграде впервые состоялась демонстрация в защиту прав человека. Она была проведена в то же самое время, что и традиционная де-

монстрация правозащитников в Москве, тоже у памятника Пушкину. Тринадцать демонстрантов, как и в столице, обнажили головы в знак траура по конституционным свободам и солидарности с жертвами беззаконий. Демонстрация прошла спокойно. Милиционеры не увидели какого-либо криминала в совершенной на их глазах молчаливой акции. Зато к повторению митинга в честь декабристов 13 декабря власти подготовились. Только семеро из пятидесяти намеревавшихся участвовать в митинге добрались до площади и были немедленно задержаны. Несмотря на это, правозащитные демонстрации в Ленинграде стали ежегодными (с 1977 года их и здесь стали проводить 10 декабря, в День прав человека).

21 декабря была арестована, а 29-го уже осуждена на пять лет ссылки Ю. Вознесенская.

Суды не прервали сближения «второй культуры» с правозащитным движением. Среди ленинградской независимой интеллигенции многие стали сознавать, что прежняя отстраненность от общественных проблем чревата духовным кризисом, выхолащиванием, спадом «второй культуры».

«Вторая культура» стала самым многочисленным и активным из независимых общественных движений в Ленинграде. Несмотря на благоприятное изменение отношения к московским правозащитникам, движение за права человека в его московском варианте в Ленинграде не привилось. Единственным последовательным и многие годы самостоятельно выступавшим правозащитником в Ленинграде был Эрнст Орловский.

КГБ подозревал ленинградцев и в сотрудничестве со сборником «Память», и с журналом «Поиски», и с «Хроникой текущих событий». Во всяком случае, весной 1979 года одновременно с Москвой здесь прошли несколько обысков — у Арсения Рогинского, Сергея Дедюлина, Валерия Сажина, а об остальных расспрашивали усиленно на допросах по этим обыскам. В августе 1981 года Рогинский был арестован и осужден по сфабрикованному уголовному обвинению на четыре года лагеря общего режима. На суде упоминалось о его публикациях в «Памяти».

Гораздо слабее, чем «вторая культура», было не прерывавшееся тем не менее с середины 50-х годов социалистическое направление. Своего рода наследниками группы «Колокол» стали неискоренимые в Ленинграде распространители листовок, чаще с критикой советского строя за отклонения от «истинного социализма».

24 февраля 1976 года, в день открытия XXV съезда КПСС, с галереи Гостиного двора на Невском проспекте четверо юношей сбросили около ста листовок, написанных от руки печатными буквами: «Да здравствует новая революция! Да здравствует коммунизм!». В связи с чем были задержаны студенты-первокурсники Андрей Резников, Александр Скобов, Аркадий Цурков и десятиклассник Александр Фоменко. Их исключили из комсомола и из учебных заведений.

В апреле группа, назвавшая себя Ленинградской школой, в которую входили эти юноши, утвердила тезисы, заявлявшие о начале деятельности,

«направленной на преобразование существующего общества» на основе марксизма и ради достижения коммунизма. Советский строй группа называла государственно-монополистическим капитализмом. Намеченные преобразования должны были заключаться в «отстранении от власти класса государственной бюрократии» в результате классовой борьбы трудящихся во главе с интеллигенцией. Члены Ленинградской школы организовали молодежную коммуну, сняв половину дома на окраине Ленинграда. Здесь проходили дискуссии, обменивались самиздатом, здесь останавливались приезжавшие из других городов приятели.

Весной 1978 года группа, теперь называвшая себя «левой оппозицией», стала выпускать журнал «Перспективы» (вышло два выпуска). В октябре намечалась конференция, на которую пригласили единомышленников из Москвы, Горького и других городов. Но начались обыски и допросы, задевшие 40 человек. В течение октября были арестованы Александр Скобов (студент исторического факультета ЛГУ) и Аркадий Цурков (студент физического факультета), а несколько позже — Алексей Хавин (студент-медик). Цурков, получивший по приговору пять лет лагеря строгого режима и два года ссылки, заявил в последнем слове, что после освобождения будет продолжать борьбу. Другьям, собравшимся у здания суда, он крикнул: «Да здравствует демократическое движение!»

В декабре 1979 года состоялся суд над членами молодежной группы, назвавшейся «Союз революционных коммунаров» (рабочий Владимир Михайлов, художник Алексей Стасевич и студентка Алевтина Кочнева). Они тоже жили коммуной на снятой квартире. Коммунары писали на стенах зданий лозунги типа «Демократия не демагогия!» и «Долой госкапитализм!», а также распространяли листовки с разъяснением, что все зло в мире — следствие существования институтов государства, частной собственности и семьи, и с призывом объединиться в мировую организацию для искоренения антигуманности. Судили их за «хулиганство».

В мае 1978 года фотограф Александр Ляпин, житель Ленинградской области, совершил попытку самоожжения на Красной площади, протестуя против осуждения Ю. Орлова. У Ляпина обгорело 25% кожи. Его тоже судили за «хулиганство».

6 января 1979 года братья Вадим и Алексей Аренберги, жена Вадима Людмила Крылова и ее подруга Листвина пытались захватить самолет и потребовать освобождения арестованных членов МХГ.

Последние случаи наглядно свидетельствовали о претворении восхищения правозащитниками в действия, отнюдь последними не рекомендовавшиеся.

Куйбышев (ныне Самара). В 1973 году в поле зрения КГБ попала компания «негативной молодежи» (из характеристики Управления КГБ СССР по Куйбышевской области). Основным источником их идей были зарубежные радиостанции: интересные передачи записывали на магнитофон, расшифровывали аудиозапись и, собравшись вместе, читали вслух, обсуждали.

Владислав Бибко — из рабочей семьи. К моменту ареста ему было 25 лет, он был студентом второго курса политехнического института. Его товарищи — рабочие и студенты. В 1976 году они решили «выйти на улицу», на первый раз «без политики». 1 апреля человек тридцать-сорок двинулись от Самарской площади, скандируя шуточные лозунги. Спустя полчаса путь им преградила милиция. Двенадцать человек были задержаны, троим из них «за нарушение порядка» дали по десять-пятнадцать суток.

Ровно через год Бибко и его друзья В. Соломко и А. Сарбаев вышли на демонстрацию с плакатом о свободе печати. Плакат отняли, но их самих отпустили.

7 ноября 1978 года, в День Октябрьской революции, Бибко сорвал праздничный плакат и был арестован за «хулиганство» и «порочащие измышления». Суд прошел в марте 1979 года и был по-настоящему открытым — пустили друзей Бибко. Он обещал впредь не высказывать запретные мысли вслух. После оглашения приговора (три года лагеря) со всех сторон зала к Бибко полетели цветы — их незаметно пронесли друзья.

Через две недели после суда, 28 марта, в психбольницу был насильственно госпитализирован Анатолий Сарбаев, который после участия в демонстрации 1976 года состоял на психиатрическом учете. После ареста Бибко он был исключен из Ленинградского университета, где учился на втором курсе философского факультета. Сарбаев лечению не подвергался и в середине апреля был освобожден.

29 марта был насильственно госпитализирован в психиатрическую клинику Куйбышевского мединститута Виктор Давыдов, юрист-консульт кожно-венерологического диспансера. Он был освобожден 30 апреля.

Госпитализации Сарбаева и Давыдова были связаны с намечавшейся на 1 апреля новой демонстрацией куйбышевской молодежи. 1 апреля на месте демонстрации в два часа дня милиция задержала около 30 человек. Вскоре все они были отпущены, но часть из них оштрафована за «нарушение общественного порядка».

В конце 1979 года был арестован В. Давыдов, а в июне 1980-го — А. Сарбаев. Оба они обвинялись в авторстве самиздатских работ (это уже следующий этап внутреннего развития группы) «Советское общество по конституции 1977 года», «Конституция общества за железным занавесом» и др. Кроме того, Сарбаеву вменили участие в подготовке Средневолжской группы в защиту прав человека (у него нашли информационный листок этой так и не увидевшей свет группы). Давыдов был обвинен в авторстве и размножении самиздатских работ «Феномен тоталитаризма» и «Второго пришествия не будет» (о возможности возрождения сталинизма в СССР). Давыдова упрятали в психбольницу до 1983 года. В то время как Сарбаев стал давать подробные показания и в апреле 1981 года был приговорен к десяти месяцам лишения свободы и был отпущен на следующий после суда день.

Кроме кружка Бибко и Давыдова, в Куйбышеве были и другие кружки, где велся обмен мнениями на запретные темы. По крайней мере один из

таких кружков был марксистским (видимо, на манер горьковского и саратовского) — промелькнуло сообщение об аресте в городе двух «марксистов». Летом 1982 года был арестован инженер-математик Трахтенберг по обвинению в размножении самиздата. В конце года (возможно, в начале 1983-го) был арестован инженер-нефтяник Разгладник. Он собирал высказывания сторонников польского профсоюза «Солидарность». Аресты эти были единичными, не повлекли за собой других — значит, «корни» сохранились.

Другие города. Известно о создании группы по защите прав человека из девяти участников в городе Советске Калининградской области в начале 1978 года, но о деятельности ее ничего не известно. В августе там был арестован фотограф и художник-оформитель парка культуры Ромэн Костерин — его называли основателем этой группы.

В Саратове в конце 1979 года физик Александр Комаров пытался создать филиал Московской Хельсинкской группы, но был насильственно госпитализирован в психбольницу.

Накануне 10 декабря 1978 года в Пятигорске, Железноводске и Кисловодске были расклеены листовки:

Если вы осознали свое и общее бесправие в СССР, приходите в цветник г. Пятигорска, рядом с магазином «Кристалл» к 18 часам 10 декабря 1978 г. на встречу «митинг молчания». В этой встрече нет ничего незаконного. 10 декабря 1948 г. Советским Союзом была подписана Всеобщая Декларация прав человека.

9 декабря сотрудники КГБ явились к распространителю листовок. Им оказался Олег Соловьев — химик, окончивший Томский университет, но работавший кочегаром в Пятигорске после того, как провел несколько лет (1969—1972) на принудительном лечении в психбольнице — тоже за листовки. Демонстрация не состоялась.

Во второй половине 70-х годов среди авторов самиздата все чаще стали появляться жители провинции. Видимо, в эти годы увеличилась численность слушателей зарубежных радиопередач и их воздействие на умы, особенно в русской глубинке. Кроме работ Давыдова и Сарбаева, известно очень ценное исследование геофизика Иосифа Дядькина (Калинин, ныне Тверь) «Статисты» — об убыли населения в СССР в связи с экспериментом социалистического строительства (коллективизация, террор на идеологической основе и т. д.). Шире распространился и самиздат. Выпуски «Хроники» за вторую половину 70-х годов пестрят сообщениями об изъятиях самиздата, увольнениях и других преследованиях за его чтение и обсуждение, арестах и осуждениях за его авторство и распространение.

В Пятигорске в сентябре 1975 года состоялся суд над 50-летним инженером Михаилом Зверевым. Он написал около двадцати статей с критикой советского строя и распространял их, рассылая по почте или опуская в почтовые ящики. Зверев был объявлен невменяемым.

Такая же участь постигла Попова из города Октябрьского в Башкирии — его поместили в психбольницу за стихи, признанные «антисоветскими».

Физик Вази́ф Мейланов (Махачкала) передал в самиздат работу «Заметки на полях советских газет».

Житель Сочи инженер Михаил Жихарев в 1974 году был помещен в спецпсихбольницу за «антисоветский» роман «Большая афера». В 1983-м он все еще находился на «излечении» в психбольнице общего типа. За попытку передать этот роман иностранному туристу был в октябре 1982 года арестован знакомый Жихарева Александр Ткалич-Петров, переводчик с испанского и английского, работавший сторожем в одном из сочинских санаториев.

В Тольятти изъяли самиздат и собственный литературный архив, в том числе роман «Диссиденты», у художника-самоучки Михаила Зотова.

После окончания периода разрядки

Советские руководители сознавали, что аресты в хельсинкских группах будут не менее разоблачительны, чем сами документы этих групп. И все-таки аресты начались и, несмотря на энергичные протесты Запада, продолжались, потому что для властей стало очевидно, что исчисляемого в месяцах периода без арестов оказалось достаточно, чтобы возник целый ряд новых общественных ассоциаций, резко расширилось влияние правозащитного движений, его объединение с национальными и религиозными движениями под правозащитными лозунгами. Наступление на хельсинкские группы еще раз продемонстрировало основной принцип советской внутренней политики: если приходится выбирать между «потерей лица» на Западе и ослаблением, пусть и незначительным, своих позиций внутри страны, жертвовали престижем. В 1977—1979 годах были арестованы двадцать три члена хельсинкских групп и семеро выставлены из страны. Но тридцать четыре (вместе с вновь вступившими) продолжали работать.

Генеральное наступление на инакомыслие началось осенью 1979 года, когда аресты вышли за пределы хельсинкских групп. За короткий срок в Москве были арестованы Татьяна Великанова и Александр Лавут, члены Инициативной группы по защите прав человека в СССР; о. Глеб Якунин, который был ведущим участником Христианского комитета защиты прав верующих в СССР; члены редколлегии журнала «Поиски» Валерий Абрамкин и Виктор Сорокин. В провинции тоже шли аресты.

В январе 1980 года, вскоре после вторжения советских войск в Афганистан (декабрь 1979), был схвачен на улице и выслан в Горький академик А. Сахаров.

Расправа над Сахаровым — самая наглядная иллюстрация того, что в репрессивной политике отпали ограничения, налагавшиеся необходимостью считаться с Западом. Советские правители рассудили, что санкции за вторжение в Афганистан вряд ли существенно усилятся, если одновременно будет нанесен удар по тем, кого до сих пор трогать не решались. Если прежде известность на Западе служила хоть какой-то защитой, то после краха политики разрядки международной напряженности это стало признаком, по которому в первую очередь и выписывались ордера на арест.

Началось наступление сразу на все направления инакомыслия с целью разрушить хорошо отлаженный к этому времени механизм распростране-

ния «антисоветских» идей и самиздата. В течение 1980 года были арестованы ведущие деятели всех национальных движений, а также всех незарегистрированных церквей, кроме католической церкви в Литве (ею займутся через два года).

6 сентября 1982 года трое оставшихся на свободе членов Московской Хельсинкской Группы приняли трудное решение и объявили о прекращении деятельности группы. Их вынудила к этому угроза ареста самого пожилого члена МХГ адвоката Софьи Каллистратовой. В случае ее ареста на свободе остались бы только Елена Боннэр и Наум Мейман. А два человека — это уже не группа. Новых людей в МХГ привлекать не решались — зачем обрекать людей на неминуемый скорый арест?

Особенно зловещим признаком репрессий начала 80-х годов стали повторные аресты политзаключенных перед самым окончанием срока или сразу после освобождения. Подобная практика широко использовалась в сталинские времена и не исчезала никогда, но теперь она снова вошла в систему почти без «сбоев». Новые приговоры выносились не за новые деяния, а были как бы продолжением прежнего наказания и грозили каждому, кто оставался верен своим убеждениям. Формально предъявлялись обвинения по откровенно сфабрикованным делам — от «антисоветской агитации» в лагере до «попытки изнасилования» и «сопротивления представителю власти» на свободе.

Повальность арестов сочеталась с ужесточением приговоров. Особенно потрясают сроки «повторникам» — многие получили максимум при вторичном осуждении по статье 70 УК РСФСР за «антисоветскую агитацию и пропаганду» — десять лет лагеря особого режима плюс пять лет ссылки, что налагалось на прежний срок, тоже обычно многолетний. Так, у Анатолия Марченко, арестованного в марте 1980 года, новый пятнадцатилетний срок наложился на прежние пятнадцать лет неволи. Судьи стали просто щеголять нарушением элементарных правил судопроизводства. Стало частым явлением лишение обвиняемого последнего слова. Из-за этого распространился в самиздате новый документальный жанр — заявления на случай ареста. И еще одна особенность судов в 80-е годы — невозможность найти адвоката, согласного защищать обвиняемого по политическим мотивам, так как это даже для адвокатов стало опасно.

Наступление карательных органов сказалось и в местах заключения — режим стал значительно более суровым. 62-й выпуск «Хроники» (апрель — июль 1981) — первый за четырнадцать лет, где сообщается о четырех попытках самоубийства в разных лагерях, которые произошли вследствие введения системы наказаний за малейшие отступления от чрезвычайно суровых Правил внутреннего распорядка, без которых немислима человеческая жизнь, и участившихся случаев унижения человеческого достоинства политзэков.

Сложившееся положение в стране Марченко в последнем слове на суде охарактеризовал как гражданскую войну правителей против народа.

Правозащитное движение вследствие обрушившихся на него репрессий в том виде, какой оно имело в 1976—1979 годах, перестало существовать. К 1982 году было разрушено ядро движения — тот московский круг, вокруг которого оно формировалось в 70-е годы. Если воспользоваться военной терминологией, армия осталась без генералов и даже без офицеров. Разгром такой армии неминуем. Но правозащитники не солдаты, а Сахаров и его друзья не генералитет. Никто никому ничего не приказывал и никем не руководил — что и как делать, каждый решал сам за себя. И именно поэтому удаление из Москвы ведущих деятелей движения не прервало правозащитной работы.

В конце 1983 года увидел свет последний 64-й выпуск «Хроники текущих событий»¹. За три года до этого стал выходить «Бюллетень В». Редакцию «Хроники» захлестывал поток информации, и она перестала с ним справляться, поэтому и потребовалось некое новое издание. Если в первом выпуске «Хроники» на восемнадцати машинописных страницах сообщалось лишь о событиях в Москве, Ленинграде и политических лагерях и упоминался 101 человек, то в 27-м выпуске (1972) содержалась информация из 35 географических мест и упоминалось 280 имен, а в 63-м (1981) приводились сведения из 141 места и названа была 1141 фамилия. Обилие информации сказывалось на периодичности издания. Если сначала «Хроника» выходила раз в два-три месяца, то с течением времени при сохранении тщательности обработки поступающих материалов удавалось осилить один-два выпуска в год. А «Бюллетень В» выходил два-три раза в месяц, потому что формировался из «сырых» материалов и печатался всего в нескольких экземплярах. Он предназначался не для широкого распространения, а как подсобное издание для тех, кто сам занимался сбором и обработкой информации о положении с правами человека в СССР. Это издание просуществовало до мая 1983 года, когда были арестованы выпускавшие его Иван Ковалев и Сергей Григорьянц.

Задолго до прекращения «Хроники» и «Бюллетеня В» за рубежом стали выходить два информационных правозащитных бюллетеня — «Хроника защиты прав человека в СССР» и «Вести из СССР». Первый издавал в Нью-Йорке эмигрировавший в США Валерий Чалидзе, а второй выпускал в Мюнхене другой политэмигрант и бывший политзаключенный, отбывший срок за распространение самиздата, — Кронид Любарский. «Хроника защиты прав» выходила ежемесячно, а «Вести из СССР» — дважды в месяц. Они отправлялись в СССР и здесь размножались самиздатским способом.

Продолжалась деятельность Фонда помощи политзаключенным, хотя его сотрудники тоже находились под постоянным давлением. С момента

¹ Выпуск № 59 был изъят 20 февраля 1981 года во время обыска в квартире Леонида Вуля, участвовавшего в издании ХТС; выпуск № 65 был подготовлен, но не вышел по причине ареста его редактора Юрия Шихановича 17 ноября 1983 года.

создания фонда из-за арестов и других репрессий шесть раз сменялись его руководители, но и в этих условиях он продолжал работать.

Таким образом правозащитное движение и после разрушения его ядра оказалось способным выполнять свои основные функции, хотя активность его снизилась до уровня дохельсинкского периода. Работа легла на плечи немногих участников движения, избежавших ареста. В основном это был «второй эшелон» — люди, выполнявшие прежде подсобную работу, а теперь заместившие своих друзей, которым они прежде помогали, и нашедшие новых людей на свои прежние роли. Имена их замелькали наряду с привычными под правозащитными документами, которые в эти годы появлялись после каждого ареста. По понятным причинам с начала 80-х таких документов стало больше, но подписей под ними — меньше.

Невозможно хотя бы приблизительно определить численность нового притока и его динамику, но, похоже, к 1981 году поредевшее московское общество заметно пополнилось. На демонстрации 5 декабря обычное число участников было от двадцати до пятидесяти человек, но в 1981 году пришли от ста (по осторожной оценке МХГ) до двухсот (по другим источникам) человек, хотя после 1976 года власти стали препятствовать ее проведению разными способами, варьируя меры из года в год: то обнесут памятник Пушкину и сквер вокруг него забором — «ремонтные работы», то организуют превентивные домашние аресты потенциальных участников либо задержат их на работе с помощью начальства.

Не уменьшилось, а, может быть, даже увеличилось число приверженцев правозащитного движения за пределами Москвы. Росту оппозиционных настроений способствовало ухудшение экономического положения в стране и непопулярная в народе война в Афганистане.

Зачинатели правозащитного движения постоянно подчеркивали, что оно «вне политики», что их цель не какой-то результат в будущем, а лишь продиктованное возмущенным нравственным чувством нарушение рабского молчания сейчас, по каждому случаю попрания человеческих прав и достоинства человека, несмотря на отсутствие надежды на преодоление зла в данном конкретном деле и безотносительно к тому, возможен ли успех в будущем.

Но в хельсинкский период правозащитное движение выдвинулось на роль собирателя, объединителя всех оппозиционных сил, заинтересованных в демократизации режима. Их общим лозунгом стало соблюдение гражданских прав. При этом обнаружилось, что стихийно сформировавшийся круг правозащитников недостаточно эффективен в период активизации движения, а открытые правозащитные ассоциации оказались беззащитны перед репрессиями, как только советские правители перестали считаться с Западом. К началу 80-х годов правозащитники-ветераны почти поголовно перекочевали в лагеря или были вытолкнуты в эмиграцию. Несмотря на это правозащитное движение не прекратилось — его продолжили новые люди.

Первые правозащитники в подавляющем большинстве принадлежали к московской творческой и гуманитарной интеллигенции. В хельсинкский период новый приток дала в основном техническая интеллигенция и рабочие. Эти прослойки заметно увеличились даже среди московских правозащитников, а в провинции с самого начала правозащитники были из этих социальных слоев. Новые люди в большинстве не удовлетворялись лишь нравственным противостоянием, пафос которого культивировался зачинателями правозащитного движения. Они хотели пусть не немедленного, но практического результата своей борьбы и искали пути его достижения.

В самиздате развернулась дискуссия о будущем правозащитного движения и приспособлении к стоящим перед ним задачам, о преодолении недостатков, выявившихся в хельсинкский период. Среди участников были как симпатизирующие правозащитникам, так и враждебные им — это определялось, как правило, общей установкой автора — видел ли он благо в демократизации или отрицал его пригодность для СССР.

Неизбежным последствием расправы с открытыми ассоциациями было оживление надежд на подполье, особенно среди молодежи. Видимо, подпольные группы возникли в начале 80-х годов в провинции и даже в Москве, где их не было более пятнадцати лет. О появлении подпольщиков свидетельствовали листовки и надписи, появлявшиеся время от времени. Так, в сентябре 1981 года в Новочеркасске распространялись листовки с призывом «...потребовать от нашего правительства не вмешиваться во внутренние дела других государств», а в годовщину Октябрьской революции в Москве на улице Жуковского появилась надпись «Свободу Польше и Афганистану!» и лозунги против всевластия КПСС. Таких случаев было немало. Продолжавшие работу открытые ассоциации стали скрывать имена новых членов, замещавших арестованных и эмигрировавших.

Но и в эти мрачные годы делались попытки создания открытых ассоциаций. В ноябре 1980 года была сделана попытка открыть клуб молодых литераторов при Моссовете, но на инициаторов обрушились репрессии, и клуб так и не был создан. А вот в Ленинграде удалось открыть «Клуб-81», который объединял авторов и редакторов самиздатских журналов, и независимый женский клуб «Мария», но вскоре «Марию» разрушили репрессии.

Еще в 70-х годах возник, а в 80-е широко распространился по стране новый вид открытых объединений — молодежные рок-группы. Конечно, это не были правозащитные организации, но они явочным порядком осуществляли право молодежи проводить свой досуг так, как ей нравится, а не по предписанию официальных государственных начальников. Таким же уходом из-под официального контроля были движения панков, хиппи, спортивных фанатов и т. п.

Продолжалось и распространение по стране самиздата. Несмотря на жестокие преследования, его становилось все больше, он был разнообразнее, чем прежде. Наступление на самиздат велось не только в Москве, но и в Ленинграде, Калуге, Обнинске, Воронеже, Смоленске, Новосибирске, Иркут-

ске, Куйбышеве, Свердловске, Красноярске, Калининe и других городах. Самиздат был повсюду.

1 апреля 1981 года пятеро сотрудников КГБ нагрянули с обыском в оранжею ремонтно-строительного управления «Горзеленстрой» Томска и провели там обыск у сторожа Станислава Божко. Нашли несколько фотокопий с книг тамиздата. Провели допросы самого Божко и пятерых его знакомых. У них тоже нашли самиздат и тамиздат. Видимо, какую-то ниточку кагэбисты ухватили и до конца года разматывали клубок. Провели сразу 32 обыска — у студентов и преподавателей университета, сотрудников научно-исследовательских институтов. Изъяли массу самиздата и тамиздата.

1 февраля 1982 года были арестованы Валерий Кендель и Анатолий Чернышов.

Кендель работал научным сотрудником в университетской лаборатории конкретных исторических исследований. Впервые его причастность к самиздату обнаружилась в 1980 году. Его уволили из лаборатории, и он стал работать на прокладке теплотрассы. Во время обыска по «тепличному делу» у него нашли самиздат, но тогда это осталось без последствий. На обыске в день ареста у него извлекли фотокопии религиозной и философской литературы.

Чернышов был сотрудником Томской городской прокуратуры, заведовал лабораторией судебной экспертизы. Перед арестом у него провели обыск не только дома, но и на работе, и из служебного сейфа изъяли большое количество фотокопий и фотоленок с самиздатских и тамиздатских книг — по социологии, религии, философии, а также по йоге, каратэ и т. д.

В день ареста Чернышова и Кенделя прошли обыски у их знакомых более чем в двадцати местах. Среди обысканных был Александр Ковалевский, заведующий лабораторией биологии и биофизики в Томском университете. У него изъяли самиздат и тамиздат и в оригиналах, и в фотокопиях — художественную литературу, информационные издания и т. д., а также фотоаппараты и пишущую машинку. У рабочего завода резиновой обуви Николая Карташова тоже нашли самиздат и тамиздат. 9 февраля Ковалевский был арестован.

А еще через месяц арестован четвертый самиздатчик — историк Виктор Арцимович. Он работал переводчиком в томском филиале Института геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР. Кроме большого количества самиздата, у Арцимовича при обыске изъяли книги по философии и истории, тома сочинений Маркса и Энгельса на немецком языке с подчеркнутыми местами и заметками на полях и рукопись под названием «Противоречие на противоречии» — критический анализ работ Маркса. Впоследствии Арцимович был обвинен в авторстве этой работы.

Обыски и допросы по делу томских самиздатчиков прошли в Москве, Ленинграде, Красноярске, Омске и Барнауле.

Суд состоялся в конце сентября. Арцимовича признали невменяемым и направили на принудительное лечение в спецпсихбольницу. Чернышова

приговорили к трем с половиной годам лагеря. Видимо, именно его сочли изготовителем фотокопий самиздата и тамиздата, распространившихся в Томске. Ковалевский и Кендель обвинялись лишь, так сказать, в потреблении самиздата и его распространении, но не в изготовлении — они получили по полтора года лагеря.

Западные правозащитники не остались безучастными к наступлению на их единомышленников в СССР. В США в дополнение к Хельсинкской комиссии, в которую входили сенаторы и бизнесмены, в конце 1979 года была создана общественная Американская Хельсинкская группа (Helsinki Watch, ныне Human Rights Watch). Ее основатели заявили, что принимают платформу Московской Хельсинкской группы, то есть ставят своей целью, чтобы положение с правами человека в СССР и странах советского блока соответствовало уровню, заданному Хельсинкскими соглашениями.

Американскую Хельсинкскую группу основали известные общественные деятели, писатели, журналисты, юристы. Из газет и сообщений Хельсинкской комиссии они узнали об арестах членов хельсинкских групп в СССР и решили объединиться, чтобы добиваться освобождения арестованных коллег, преследования которых были грубым нарушением духа и буквы Хельсинкских соглашений.

Члены АХГ поехали в Москву, встретились с Сахаровым, членами МХГ и другими правозащитниками и договорились о сотрудничестве. У себя на родине они разъясняли своим соотечественникам, кто такие советские правозащитники, чего они добиваются, сообщала о преследованиях, которым они подвергаются.

Хельсинкская комиссия и АХГ ознакомили правительства демократических стран с документом № 138 МХГ, в котором немногие оставшиеся на свободе ее члены писали, чего они ждут от предстоящей Мадридской встречи государств — участников СБСЕ. Среди правозащитников и политиков на Западе стала обсуждаться идея отказа от Хельсинкских соглашений и бойкота Мадридской встречи, поскольку советское правительство пренебрегало своими обязанностями, взятыми в Хельсинки, усилило репрессии внутри страны и начало войну в Афганистане. МХГ не соглашалась с такой позицией. Ее члены писали:

Мы считаем такой бойкот неправильным. Мадридское совещание может и должно стать форумом, который способен снова привлечь общественное внимание к проблемам прав человека, неразрывно связанным с общемировой безопасностью.

Несомненно, советское вторжение в Афганистан должно быть осуждено и осуждено. Но и проблема защиты прав человека должна занять в Мадриде место, соответствующее ее важности.

МХГ исходила из того, что завоевание гражданских свобод — необходимый шаг для решения всего комплекса внутренних проблем Советского Со-

юза, а значит, это ключевая проблема и отнюдь не только внутреннее дело. Международная безопасность невозможна без общественного контроля за решениями властей советской сверхдержавы. Поэтому положение с правами человека в СССР должно стать общей заботой и политиков, и общественности в масштабе всего мира, прежде всего заботой стран — партнеров СССР по Хельсинкским соглашениям. Зовя на помощь, советские правозащитники рассчитывали не на жалость и благотворительность, а на дальновидность людей на Западе: это общее дело, и советские правозащитники выполняли его наиболее трудную часть. Если нуждалась еще в подтверждении формула о нерасторжимости связи между соблюдением прав человека и общей безопасностью, то после Белградской встречи она получила трагическое подтверждение: бесконтрольность и возросшая самоуверенность советских властей проявилась во вторжении в Афганистан.

АХГ стала действовать в соответствии с этим призывом. Члены АХГ добились, чтобы правительство Соединенных Штатов жестко потребовало от своего партнера по Хельсинкским соглашениям выполнения обязательств в области прав человека и прежде всего освобождения всех арестованных членов хельсинкских групп. К счастью, в стране, где президент зависит от избирателей, требования группы известных и влиятельных граждан не могло быть оставлено без внимания. К осени 1980 года, когда открылась Мадридская встреча, это общественное давление уже дало свои плоды — нарушения обязательств по правам человека в СССР и в странах советского блока стали ключевой темой выступлений американской делегации. Более того дипломатическими путями удалось сплотить вокруг этого требования делегации всех демократических стран, подписавших Хельсинкские соглашения. Разумеется, советская делегация и делегации стран, зависевших от СССР, отчаянно сопротивлялись, но вынуждены были сдаться.

Обсуждение выполнения Хельсинкских соглашений происходило с предъявлением буквально всех документов МХГ и других правозащитников — об арестах за отстаивание прав человека, о преследованиях по религиозным мотивам и участников национальных движений на Украине, в Литве, в Закавказье, об игнорировании справедливых требований крымских татар и турок-месхетинцев о возвращении на родину, о преследованиях отказников — евреев и немцев.

Мадридская встреча продолжалась с перерывами три года, и советская делегация вынуждена была выслушивать все более резкое осуждение внутренней политики СССР.

Встреча постоянно освещалась прессой западных стран, и это помогло многим людям на Западе скорректировать представления о взаимоотношениях властей и граждан в Советском Союзе. Заметно уменьшилось число тех, кто считал СССР «страной социалистической демократии». Преследования инакомыслящих в сверхдержаве, владевшей ядерным оружием, вызывали не только сочувствие к жертвам репрессий, но и тревогу за собственное будущее. Эти настроения проявились в создании общественных

хельсинкских групп в ряде стран Западной Европы. Они строились по образцу АХГ и преследовали ту же цель — поддерживать хельсинкское движение в СССР и странах советского блока.

В сентябре 1982 года представители хельсинкских групп из одиннадцати стран собрались в Белладжо (Италия), чтобы объединиться в Международную Хельсинкскую Федерацию (МХФ). 8 сентября, в заключительный день совещания, из Москвы пришло известие, что МХГ объявила о приостановке своей работы. На пресс-конференции, начавшейся через два часа после получения этого известия, МХФ заявила, что берется продолжать дело, начатое МХГ, — регулярно оповещать глав правительств и граждан стран — участниц Хельсинкских соглашений о нарушениях советским правительством обязательств в области прав человека.

МХФ, обосновавшись в столице Австрии Вене, разными окольными путями получала информацию из СССР о фактах преследования инакомыслящих, о событиях в политлагерях и тюрьмах, о положении А. Сахарова и передавала ее в правительственные инстанции и в средства массовой информации для доведения до общественности во всех странах СБСЕ. Это была огромная каждодневная работа большого числа людей и в СССР, и на Западе — работа, не дававшая немедленного эффекта, порой казавшаяся безнадежной и бессмысленной, так как нарушения прав человека, калечившие жизни все новых и новых людей, не только не прекращались, но и не ослабевали (хотя кто знает, какие масштабы приняли бы эти нарушения, не будь этого постоянного давления Запада).

Реальные результаты совместного давления общественности и правительств западных стран на советское руководство появились лишь спустя одиннадцать лет после подписания Хельсинкских соглашений, уже в период перестройки.

Перестройка

Советский период истории можно считать завершенным к 1985 году после череды смертей правителей страны, начинавших свою карьеру при Сталине. К этому времени военно-промышленный комплекс почти поглотил промышленность, работавшую на нужды людей, прилавки магазинов опустели, деньги перестали что-либо стоить, коммунистическая идеология навевала скуку и никто сверху до низу не руководствовался ею в своей жизни. По-старому не хотело жить не только большинство рядовых граждан, эти настроения широко распространились в правящей партии, стали проникать даже в ее верхушку. Там тоже появились люди, сознававшие необходимость реформирования исчерпавшей себя советской системы и понимавшие, что без помощи Запада экономику СССР спасти невозможно. Выразителем этих настроений стал Михаил Горбачев, занявший пост генерального секретаря ЦК КПСС в марте 1985 года. Объявленная им перестройка имела в виду прежде всего оживление экономики, но неизбежно сопровождавшая перестройку гласность вызвала идеологические послабления, которые проявились быстрее и заметнее, чем робкие меры в экономике.

Правозащитные организации западных стран усилили давление на новое советское руководство напрямую и через свои правительства. Они требовали освобождения политических заключенных из лагерей, тюрем и психбольниц. Сами политзаключенные требовали того же — в лагерях не прекращались голодовки, коллективные письма и другие протесты.

Первой ласточкой стало освобождение Анатолия Щаранского, члена Московской Хельсинкской Группы и активиста еврейского движения за выезд в Израиль. В начале 1986 года его обменяли на двух советских шпионов. Прямо из заключения он был отправлен на границу между Восточной и Западной Германией, где и произошел обмен, и Щаранский вылетел в Иерусалим, где жили его жена и мать.

А в октябре был освобожден (тоже в обмен на шпиона) руководитель МХГ Юрий Орлов, уже отбывший к тому времени лагерный срок и находившийся в ссылке в Якутии. Его привезли из поселка Кобяй в Москву. В Лефортовской тюрьме объявили, что лишают гражданства и высылают на Запад, после чего под стражей посадили в самолет, отправлявшийся в Нью-Йорк.

Обоих — и Щаранского, и Орлова — на Западе встречали как героев. Средства массовой информации публиковали интервью, встречи с ними добывались знаменитости, их принимали, чтобы выразить свое восхищение,

президент США Рональд Рейган, премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер и др. Но на свободе оказались только двое. Для всех остальных ничего не изменилось.

Между тем появилась конкретная возможность добиться, чтобы все политические заключенные были освобождены.

На открытии Венской встречи государств — участников СБСЕ 5 октября 1986 года новый советский министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе выступил с предложением в 1987 году провести конференцию по правам человека в Москве. Но правительства демократических стран посчитали, что проводить такую конференцию в стране, насчитывающей тысячи политзаключенных, не представляется возможным. Однако Орлов, находящийся в Вене в качестве гостя американской делегации, а вслед за ним и Американская хельсинкская группа стали убеждать правительства западных стран согласиться на проведение конференции в Москве, если будет выполнен ряд условий, первое из которых, конечно же, освобождение всех политзаключенных. После долгих дебатов этот подход возобладали — начались переговоры с советской стороной. Их омрачило трагическое событие: 8 декабря в Чистопольской тюрьме вследствие длительной голодовки, объявленной в августе с требованием освобождения всех политзаключенных, погиб Анатолий Марченко. О его гибели было сообщено участникам конференции.

Анатолий Марченко

Председательствующий предложил почтить память Марченко вставанием. Все встали. А советская делегация демонстративно покинула зал.

Вечером 15 декабря в квартире А. Сахарова и Е. Боннэр в Горьком, где они отбывали ссылку в полной изоляции от внешнего мира (на лестничной площадке круглосуточно находился сотрудник КГБ, который никого не допускали к Сахаровым, а для их радиоприемника была установлена специальная глушилка), неожиданно установили телефон. На следующий день раздался звонок: «С вами будет говорить Михаил Сергеевич». Горбачев сообщил Сахарову, что он и его жена могут вернуться в Москву. Сахаров, едва поблагодарив, стал тут же говорить о необходимости освободить всех политических заключенных, но Горбачев ответил, что это вопрос сложный и по существу ушел от разговора. 23 декабря Сахаров возвратился в Москву. Вот как сам Андрей Дмитриевич описал это возвращение в своих воспоминаниях:

23-го утром мы вышли на перрон Ярославского вокзала, запруженного толпой корреспондентов всех стран мира. Около 40 минут я медленно продвигался к машине в этой толпе, ослепляемый сотнями фотовспышек, отвечая на непрерывные беглые вопросы в подставляемые к моему рту микрофоны. Это неформальное интервью было прообразом многих

последующих, а вся обстановка как бы «моделью» или провозвестником ожидавшей нас беспокойной жизни. Я говорил об узниках совести, призывал к их освобождению, называя много имен, говорил о необходимости вывода советских войск из Афганистана... о перестройке и гласности, о противоречивости и сложности этих процессов.

Возвращение А. Сахарова из ссылки

Все, что говорил Сахаров, каждое его слово разносилось по всему миру. За исключением Советского Союза. Гласность — гласностью, но на Сахарове лежал запрет. Разумеется, те, кто годами травил Андрея Дмитриевича, представляя его соотечественникам то сумасшедшим, то шпионом, злейшим врагом советских людей, не могли допустить его в средства массовой информации страны.

По тем же причинам советское руководство сопротивлялось освобождению политзаключенных, хотя этого со все возраставшей настойчивостью требовал мир. Однако в январе 1987 года глава советской делегации на Венской встрече Ю. Кашлев публично заявил, что принято решение освободить осужденных по политическим статьям по причине «затруднений в международных отношениях Советского Союза, вызываемых наличием таких заключенных».

С февраля освобождение началось. Однако оно шло медленно и мучительно. Это была не реабилитация (то есть освобождение с признанием отсутствия вины) и даже не амнистия (освобождение без обсуждения виновности и невиновности) — от политзаключенных добивались письменного обещания не заниматься впредь «антиобщественной деятельностью», что было унижительно для них, но требовалось для сохранения «чести мундира» кагэбистов, а им-то и было поручено провести это освобождение.

Среди политзаключенных шли горячие споры, можно ли согласиться на освобождение на таких условиях. Большинство пришло к заключению, что деятельность, за которую они получили свои сроки, вовсе не была антиобщественной, а наоборот, она была на пользу обществу, антиобщественной деятельностью они никогда не занимались и не собираются заниматься, так что можно это обещать. Они подписали требуемые бумажки. И все равно процесс освобождения примерно двух-трех тысяч политзаключенных растянулся почти на два года. Так или иначе, к концу 1988 года он был почти завершен.

Только после этого на Западе приняли решение в 1991 году провести конференцию по правам человека в Москве, после того как подобные конференции прошли в Париже (1989) и Копенгагене (1990).

Вот что написал об этом Юрий Орлов в своих воспоминаниях:

Западное давление в Вене было намного сильнее, чем в Мадриде в 1982 г. И много-много сильнее, чем в Белграде в 1978 г. Западные дипломаты говорили мне не раз, что это давление было инициировано диссидентами, особенно советским хельсинкским движением. Вы показали, объясняли мне, что существует возможность использования правозащитных статей Хельсинкского Акта, и дали такой моральный пример, который Запад не мог игнорировать.

Правозащитники, возвратившиеся из лагерей и тюрем, восстановили Московскую Хельсинкскую группу в новом составе. Не имея возможности запретить известную на Западе группу, власти изобрели хитроумный план по ее нейтрализации. В отделе агитации и пропаганды ЦК КПСС была сформирована группа с таким же названием. В нее включили писателей и ученых, а о создании объявили в печати. Группа провела пресс-конференцию в Министерстве иностранных дел для иностранных журналистов. Ей дали помещение в центре Москвы, куда стали приглашать хельсинкские группы из стран Запада и официальных представителей из этих стран. Но трюк провалился: контакты МХГ с международным хельсинкским движением разрушить не удалось.

А тем временем благодаря перестройке и гласности в стране сложилась небывалая атмосфера. Раньше и заметнее всего изменились средства массовой информации, особенно центральные, — пресса, радио, телевидение. Из идеологического орудия партии они постепенно трансформировались в средства именно информирования граждан и площадки для выражения мыслей и чувств людей, населяющих страну. Обнаружилось, что среди журналистов, особенно молодых, немало тех, кто давно слушал зарубежные радиостанции и зачитывался самиздатом. Они понимали предназначение средств массовой информации в свободной стране и действовали соответственно. Попытки реализации свободы слова явочным порядком стали совершаться сразу же, как только был ослаблен партийный контроль над

СМИ, и они становились все чаще и смелее. Это привело к непривычной для советского человека разноголосице в прессе. «Правда» и многие другие газеты продолжали освещать события текущей жизни и толковать их так, как того желало партийное руководство. Но, скажем, «Аргументы и факты» и «Московские новости», прежде мало кому известные, те же события освещали и толковали иначе. Жизненный опыт читателей подсказывал им, что правда в этих газетах, а не в партийной «Правде». Их тиражи стали расти потрясающими темпами. На телевидении появились родственные этим газетам программы — «Взгляд» на первом канале и «Пятое колесо» на ленинградском. Их ведущие не уступали в известности Горбачеву. Они и целая армия менее известных газетчиков, радио- и тележурналистов шаг за шагом продвигали ограниченную гласность к тому, чтобы она стала подлинной свободой слова. Эти газеты и телепередачи, а не «Правда» и ей подобные на телевидении, жевавшие старую жвачку, формировали мнение массового читателя, его отношение к текущим событиям, к властям и их политике. В такой обстановке официальные СМИ вынуждены были, чтобы не потерять влияние, отказываться от совсем уж бессовестной лжи и тоже стали меняться, хоть и медленно и неохотно. Журналисты отваживались критиковать, хоть поначалу и осторожно, действия здравствующих властей — за отказы в проведении митингов и другие формы подавления активности граждан, за лукавые формулировки в новых законах, оставлявшие лазейки для ущемления прав. В газетах стали все чаще появляться статьи о политических преследованиях в годы советской власти — о сталинском массовом терроре и совсем недавних расправах над диссидентами. Публиковались интервью с правозащитниками, которые объясняли, чего они добивались, что значит само словосочетание «права человека», прежде появлявшееся в печати лишь в форме «так называемые права человека».

Все это свидетельствовало о наступлении новой эпохи в жизни страны. Правозащитное движение внесло свой вклад в то, чтобы эту новую эпоху приблизить. Сахаров писал об этом еще в горьковской ссылке в 1980 году:

Защитники прав человека, ставшие против обмана, лицемерия и немоты, вооруженные только авторучками, с готовностью к жертвам и без облегчающей веры в быстрый и эффектный успех... сказали свое слово. Оно не забудется, за ними моральная сила и логика исторического развития. Их деятельность будет продолжаться в той или иной форме, в том или ином объеме.

К концу 80-х свобода слова и печати, за что боролись правозащитники, в значительной мере были обретены. Новый закон «О средствах массовой информации» вполне соответствовал стандартам, принятым в демократических государствах.

В то же время Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 года «О порядке организации и проведения собраний, митингов,

уличных шествий и демонстраций», восполнивший отсутствие закона на этот счет, к сожалению, претворял в жизнь разрешительный принцип проведения массовых мероприятий. Власти, особенно в провинции, использовали этот указ для запрещения нежелательных митингов и демонстраций. В апреле 1989 года этот нормативный акт был дополнен указом о применении внутренних войск для разгона демонстраций. Тем не менее сам факт признания права граждан собираться по собственной инициативе стал большим шагом вперед по сравнению с советской практикой преследования любого даже самого безобидного несанкционированного выступления.

Вышедший в том же году закон о выборах народных депутатов давал большие преимущества КПСС и подчиненным ей «общественным» организациям (комсомол, профсоюзы и т. п.) и игнорировал подлинные общественные организации, созданные к тому времени самими гражданами. Тем не менее закон предусматривал выдвижение независимых кандидатов и давал избирателям возможность, хоть и ограниченную, выразить свою волю. Таким образом, минимум гражданских прав власти выразили готовность соблюдать, и эти права были закреплены законодательно.

Члены воссозданной МХГ И. Дядькин, Л. Тимофеев,
Л. Богораз (из архива «Экспресс-хроники»)

Возвратившиеся из заключения правозащитники почти все продолжили свою работу. Конечно, и в новой обстановке партийные органы и чиновники на каждом шагу чинили им препятствия. Ведь на всех уровнях власти остались те же люди. Они привыкли служить коммунистическому режиму и ни в грош не ставили рядовых граждан. Им была непонятна точка зрения правозащитников на права человека, она противоречила их собственным установкам на служение государству. Психологическая несовместимость с чиновниками очень затрудняла работу правозащитников, но все-таки им стало гораздо легче, потому что они хотя бы не опасались ареста.

В 1989 году была возобновлена Московская Хельсинкская Группа. В нее вошли диссиденты-правозащитники Лариса Богораз, Сергей Ковалев, Вячеслав Бахмин, Алексей Смирнов, Лев Тимофеев, Борис Золотухин, Юрий Орлов, Людмила Алексеева и Кронид Любарский. Председателем организации стала инициатор ее воссоздания Богораз. МХГ заботилась о бывших политзаключенных, выступала с заявлениями против насильственных акций в Вильнюсе, Риге, Тбилиси, Баку, Душанбе, с осуждением погромов на национальной почве в Фергане (Узбекистан) и Сумгаите (Азербайджан).

Возобновилась помощь жертвам психиатрических репрессий. Этим занялась Независимая психиатрическая ассоциация России. В отличие от Рабочей группы по расследования использования психиатрии в политических целях, в которой работали главным образом энтузиасты, Независимую психиатрическую ассоциацию России основали высококвалифицированные врачи-психиатры. Они сами могли обследовать обратившихся к ним людей и дать заключение, действительно ли человек болен или он оказался в психиатрической больнице по ошибке или в следствии чьей-то злой воли. Эта организация стала помогать не только жертвам политических репрессий — таких осталось немного, но в основном жертвам психиатрических ошибок и злоупотреблений, пусть и не по политическим мотивам. Независимая психиатрическая ассоциация России помогает также приспособиться к нормальной жизни вышедшим из психиатрических больниц.

Правозащитники возродили и другое традиционное направление своей работы — по условиям содержания в местах заключения — следственных изоляторах, тюрьмах, лагерях. Прежде правозащитники занимались только политическими заключенными — только на это хватало сил при их немногочисленности и трудных условиях работы. Теперь защита прав всех заключенных стала очень важным направлением правозащитной деятельности. Эту колоссальную ношу взвалил на себя бывший политзаключенный Валерий Абрамкин. В заключении он заболел туберкулезом из-за немислимых условий, в которых живут там люди. Абрамкин поставил целью своей жизни добиться очеловечивания режима и условий содержания в пенитенциарных учреждениях. Что могут сделать рядовые советские граждане, взявшись за такое дело без каких-либо полномочий со стороны государства? Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия (так называется организация, созданная Абрамкиным) передает в места заключения лекарства, книги, продукты, помогает возбуждать дела против сотрудников пенитенциарной системы, избивающих заключенных, издевающихся над ними. Активисты центра пишут для заключенных памятки на юридические темы, разъясняя им их права и возможные способы защиты этих прав; выступают ходатаями по поступившим в центр жалобам заключенных; пытаются привлечь внимание общества и государственных учреждений к нетерпимому положению в местах заключения. Центр организовал юридическую консультацию, в которую заключенные могут обращаться письменно или через своих родственников и знакомых.

Один из основателей Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях и бывший политзаключенный Александр Подрабинек в августе 1987 года стал издавать газету, которую он назвал «Экспресс-хроника», явно по аналогии с легендарной «Хроникой текущих событий». И тематика была соответствующей — нарушения

Александр Подрабинек

права человека и борьба с этими нарушениями. «Экспресс-хроника» использовала старые каналы связи правозащитников и поднимала традиционные темы, прежде всего о положении политзаключенных, о ходе их освобождения и об осложнениях в этом процессе. Уже в самых первых номерах появились сообщения о борьбе крымских татар за возвращение в Крым. Эта борьба с началом перестройки разгорелась с новой силой. Сотни крымских татар стали приезжать в Москву и проводить демонстрации на Красной площади, чтобы привлечь к своей проблеме внимание и правительства, и общественности, и Запада. Власти применяли в отношении них прежние методы: прибывших в Москву крымских татар милиционеры с собаками вылавливали по квартирам, где они останавливались, и высылали из Москвы. «Экспресс-хроника» была единственной газетой, которая писала об этих драматических событиях — в 1987 году гласность еще не достигла такого уровня, чтобы об этом писали «обычные» газеты.

«Экспресс-хроника» писала о национальных движениях в Украине, балтийских республиках, Армении, Грузии. Советская пресса эти темы тоже почти не освещала, а если освещала, то без знания дела и часто предвзято. Так что «Экспресс-хроника» по источникам информации, тематике и оценкам событий отличалась от остальных газет — это была настоящая правозащитная газета.

Сначала «Экспресс-хроника» выходила в машинописном виде. Но времена изменились. Удалось договориться о выпуске газеты в типографии, хотя и небольшим тиражом — на большой не было средств. Дело в том, что «Экспресс-хроника», как и ее предшественница «Хроника текущих событий», не была коммерческим изданием. Ни корреспонденты, ни сотрудники редакции, включая главного редактора, за свой труд ничего не получали. По воскресеньям, в 11 утра, Подрабинек появлялся на бульваре у метро «Кропоткинская», нагруженный тиражом газеты, и раздавал ее бесплатно всем желающим. У «Экспресс-хроники» появились постоянные читатели, которые регулярно приходили за газетой. Часть тиража доставалась случайным прохожим — так распространялась информация о нарушениях прав человека в СССР и борьбе с ними.

Конечно, быстро выяснилось, что на издание газеты даже при бесплатном труде ее сотрудников нужны деньги — на бумагу, оплату типографии,

телефонные разговоры с иногородними корреспондентами. Пожертвования на эти расходы становилось доставать все труднее, и отсутствие средств не позволяло использовать открывшиеся возможности для увеличения тиража газеты и расширения правозащитной информации. Встал вопрос о том, что «Экспресс-хронику» нужно не раздавать, а продавать. Психологически трудно было отказаться от прочной традиции бесплатного распространения правозащитной информации.

Кроме «Экспресс-хроники», выходило еще одно правозащитное издание — «Гласность» — не то журнал, не то газета. «Гласность» стал издавать после возвращения из заключения С. Григорьянц. «Гласность», как «Бюллетень В», за издание которого Григорьянц получил срок, представляла собой как бы заготовки для информационного издания, почти не обработанные для публикации. Но, видимо, в новых условиях такое издание себя не оправдывало, и «Гласность» довольно быстро сошла на нет.

Не смог выжить и журнал «Референдум», который стал было издавать Л. Тимофеев.

Итак, Московская Хельсинкская Группа, Независимая психиатрическая ассоциация России, Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия и «Экспресс-хроника» — вот что сохранилось от правозащитного движения в его прежних формах. Все эти объединения были сосредоточены в Москве. Масштабы их деятельности были сравнимы с прежними — несколько десятков, может быть, сотен активистов. Видимо, узость правозащитного движения классического периода объяснялась не только опасностью участия в нем, но и тем, что правозащитная тематика не привлекала тогда рядового советского человека, которого это движение защищало. Однако в годы перестройки правозащитники оказались совсем в другой общественной среде. Если до середины 80-х годов в СССР, кроме правозащитного движения, действовали всего лишь несколько независимых от государства движений — национальные и религиозные, — то во второй их половине появились и к началу 90-х оформились новые направления общественной активности, быстро развивавшиеся.

Общественная активность в годы перестройки

Перестройка вызвала к жизни новые силы. Началось половодье всяческих организаций по интересам. Объединялись все — поклонники рок-музыки, «афганцы», защитники домашних животных, спортивные фанаты, любители кино, авторских песен, народных традиций — всех не перечислить, потому что уже к концу 80-х таких объединений насчитывалось не менее ста тысяч, хотя, вероятнее всего, их было намного больше — подсчитать всех было невозможно, так как они никак не оформлялись официально. Их так и называли «неформальными», а их участников «неформалами». Большинство объединений были небольшими, но некоторые разрослись и вобрали в себя сотни, а то и тысячи участников. Среди неформальных объединений того времени преобладали созданные для проведения досуга. Это особенно характерно для молодежных объединений.

Молодежная субкультура. Вышли из подполья рок-группы. К середине 80-х их были тысячи. Они появились повсюду — от больших городов до сел, как грибы после дождя, а слушатели и почитатели этих групп исчислялись миллионами. Пока они были под запретом, их концерты проходили неофициально в домах культуры и клубах, а то и в наскоро оборудованных подвалах или даже квартирах. Афиш не было — слушатели собирались по цепочке. На подступах стояли проверенные люди, направлявшие слушателей от поста к посту к месту концерта, а в случае опасности все — и слушатели и исполнители — быстро разбежались.

Снятие запрета с молодежной рок-культуры было чуть ли не первым признаком ослабления партийного контроля над обществом. Стали проводиться рок-фестивали. Лучшие рок-группы получили доступ в концертные залы, на радио и телевидение. Уже в 1986 году поэт Андрей Вознесенский писал в популярном журнале «Огонек»:

Сегодня происходит рождение коллективного музыкального сознания — миллионы магнитофонов страны сливаются в некую духовную индустрию, по кассетному селектору откликаются миллионы душ. Это явление.

Милиция перестала преследовать хиппи, панков, металлистов, рокеров и других носителей молодежной субкультуры. Однако тут же заявили

о себе «любера» (молодежные группы из подмосковного города Люберцы) и подобные им молодежные объединения, враждебные панкам и хиппи. В печати появились сообщения о потасовках между ними.

Молодежная субкультура не исчерпывается рок-группами. Сюда относятся и получившие широкое распространение объединения спортивных фанатов. Сюда же можно отнести клубы «афганцев» и другие «братства по оружию».

Появились среди неформальных объединений и ставившие перед собой общественно значимые цели. Уже к концу 80-х годов четко обозначились несколько направлений такой активности «неформалов».

Экологические объединения раньше всех, пожалуй, стали организовывать массовые выступления. Они требовали установки очистных сооружений на заводах, отравлявших воздух или воду, а то и закрытия этих заводов, протестовали против уничтожения городских парков для строительства предприятий, боролись с браконьерами. С требованием улучшения экологической обстановки выходили на многотысячные демонстрации жители Уфы, Нижнего Тагила, Киришей. Многолюдные митинги с такими же требованиями проходили в Москве, Рязани и других городах. Ленинградцы добивались приостановки строительства дамбы в дельте Невы до вступления в строй сооружений по очистке воды для города. В поволжских городах экологи выступали против промышленного загрязнения великой русской реки. В Сибири — за спасение Байкала. Успехом увенчалась самая масштабная экологическая акция — «неформалы» вместе с журналистами, писателями и учеными потребовали отказаться от «проекта века» — по перенаправлению течения российских северных рек в Среднюю Азию. Это грозило нарушением экосистем на всем Евразийском материке, климатическими изменениями с непредсказуемыми последствиями. В короткий срок были собраны сотни тысяч подписей против этого проекта, и он был отклонен.

Были и другие инициативы «неформалов». Так, группа московских студентов остановила разрушение исторической Лефортовской слободы, через которую начали было прокладывать дополнительную окружную магистраль. В Ленинграде, Свердловске и многих других городах «неформалы» спасали от разрушения, работали над восстановлением уже разрушенных или приходивших в упадок церквей и других памятников архитектуры.

В начале 1989 года было создано Всесоюзное историко-просветительское и благотворительное общество «Мемориал». Оно выросло из идеи поставить памятники жертвам политических репрессий в городах и на местах лагерей, восстановить в памяти народа эти трагические события, чтобы впредь подобное не могло повториться. Под этим предложением стали собирать подписи в нескольких городах. Собирали на улицах, обращаясь к прохожим, на собраниях и митингах. Сборщиков подписей задерживали милиционеры, им угрожали в партийных инстанциях, но все-таки были собраны тысячи подписей. Из-за неприятия властями этой идеи мемориальный комплекс соорудить не удалось, но во многих городах были заложены,

а в некоторых и поставлены скромные памятники. Но самое главное — был создан «Мемориал». Руководящий орган этой организации, его общественный совет, тоже формировали методом опроса: на улицах Москвы прохожих спрашивали, кого они советуют пригласить в совет (можно было называть как угодно много фамилий). Те, кто набрал наибольшее число голосов, и составили общественный совет. Среди членов совета оказался А. Сахаров. Со временем «Мемориал» стал одной из самых крупных и авторитетных общественных организаций. Мемориальцы стали составлять «Книги памяти» о жертвах политических репрессий в СССР, «расстрельные списки» с краткими сведениями о людях, расстрелянных по политическим мотивам в советский период. В «Мемориале» стал действовать научно-информационный и просветительский центр, который восстанавливает трагические страницы истории советского периода, замалчивавшийся официальной историографией и даже в постсоветское время освещавшееся очень недостаточно. Кроме того, мемориальцы помогают бывшим политзаключенным, выпускают сборники их воспоминаний, изучают историю инакомыслия, выступают против нарушения прав человека.

В конце 80-х — в начале 90-х годов в Москве, Куйбышеве, Горьком и других городах были созданы **дискуссионные клубы**. Некоторые из них действовали под эгидой местных партийных, а чаще — комсомольских органов, но были и самостоятельные. Эти клубы различались по политической направленности. Были среди них и коммунистические, и националистические, но явно преобладали демократические. Самый влиятельный из этих клубов — «Московская трибуна». В него вошли известные всей стране ученые, писатели, журналисты, артисты. Но были и молодежные клубы, и клубы рабочих, и смешанного состава. В этих клубах обсуждались самые животрепещущие вопросы — экономические, экологические, политические.

Дискуссии по этим вопросам шли и в партийных организациях — члены правящей партии тоже разделились на сторонников реформ и их противников.

Так же делились по политическому признаку и многочисленные клубы избирателей. Они зародились во время выборов на Первый съезд народных депутатов СССР в 1989 году.

Избирательная кампания проходила очень бурно. Это были первые на протяжении жизни трех поколений советских людей выборы из нескольких кандидатов, причем, что особенно удивительно для страны, где на уровне конституции много десятилетий насаждалась единая коммунистическая идеология, — с разными убеждениями и по-разному относящихся к реформам: были так называемые левые кандидаты, которые стремились ускорить и радикализировать реформы, повести их в направлении демократических преобразований, и правые — консерваторы, пытающиеся реформы остановить, а то и повернуть вспять. Такое деление на «левых» и «правых» никакого отношения не имело к традиционному различению в политике социалистов и сторонников частной собственности.

И тут выяснилось что... многократно обманутый, живущий в условиях всеобщего, лицемерия и развращающей коррупции, беззакония, блат и прозябания народ оказался живым. Свет возможных перемен только забрезжил, но в душах людей появилась надежда, появилась воля к политической активности. Именно эта активность народа сделала возможным избрание тех новых, смелых и независимых людей, которых мы увидели на съезде, —

писал об этих выборах А. Сахаров.

На Первом съезде народных депутатов СССР было создано объединение депутатов, ориентированных на демократические преобразования, — Межрегиональная депутатская группа. В МДГ вошли 362 из 2250 депутатов, то есть меньшинство. Иначе и быть не могло: согласно закону о выборах, руководство КПСС могло контролировать состав съезда. Неожиданным была не малочисленность этой группы, а то, что такие депутаты вообще оказались избранными и смогли объединиться. Известность МДГ и влияние далеко превосходили ее размеры, потому что это было первое оппозиционное объединение в советских органах власти. Внимание к группе привлекало

Собрание Межрегиональной депутатской группы
в перерыве заседания Первого съезда народных депутатов СССР

и участие в ней А. Сахарова и Б. Ельцина. Остальные депутаты стали известны именно благодаря принадлежности к МДГ. Они завоевали симпатии сограждан яркими выступлениями на съезде: Юрий Афанасьев, Анатолий Собчак, Галина Старовойтова, Николай Травкин, Юрий Черниченко, Алла Ярошинская и др. — целая плеяда новых демократических политиков.

Первый съезд народных депутатов СССР открылся 25 мая 1989 года. Предназначение этого съезда состояло лишь в том, чтобы избрать из сво-

ей среды депутатов нового Верховного Совета СССР — высший законодательный орган страны. Но съезд сам по себе превратился в колоссальное политическое событие. Его заседания транслировались по телевидению, и благодаря этому съезд сыграл роль курсов по ликвидации политической неграмотности. Впервые советские люди увидели и услышали, что происходит в Кремле, и могли сами судить, кто есть кто. На съездовскую трибуну поднимались и партийные вожди, и депутаты, смевшие возражать им, критиковать их, предлагавшие свои решения общегосударственных проблем. Конечно, именно последние приковывали всеобщее внимание — и тех, кто им симпатизировал, и тех, кого их выступления пугали или даже сердили своей необычностью. В дни работы съезда вся страна приткнулась к экранам телевизоров. Во время трансляции заседаний пустели улицы и магазины по всей стране, от Бреста до Владивостока. В городах и селах слушали и потом обсуждали и дома, и на работе, и в транспорте, и в очередях обвинительные речи против КГБ московского депутата Юрия Власова, депута-

А. Сахаров на трибуне съезда народных депутатов СССР

тов из прибалтийских республик, ратовавших за экономическую самостоятельность от центра, депутата Адила Якубова, потрясшего слушателей страшным рассказом о жизни детей в узбекских кишлаках, работавших на хлопковых полях по 12 часов в день без выходных. Впервые страна видела и слышала академика Сахарова — он с трибуны съезда потребовал от партаппарата передать власть Съезду и Советам, поднял вопрос о возвращении земли крестьянам. Самым драматическим событием этих дней стало выступление Сахарова об ответственности СССР за войну в Афгани-

стане. По меткому определению Ю. Афанасьева, «агрессивно-послушное большинство» депутатов съезда обезумело от злобы. Люди увидели на телеэкранах, как «народные избранники» с перекошенными физиономиями топали ногами, улюлюкали, вопили. И видели спокойное лицо Сахарова на трибуне, чувствовали его бесстрашную убежденность в свое правоте. Впоследствии Сахаров писал, оценивая этот съезд и его телетрансляцию, давшую людям наглядный урок жизни в гражданском обществе:

Съезд не мог заложить основ кардинального решения политико-экономических, социальных и экологических проблем. Но... выступления ораторов со всех уголков страны, не только «левых», но и «правых»... сложились в сознании миллионов людей в ясную и беспощадную картину реальной жизни в нашем обществе, такой картины не могли создать ни личный опыт каждого из нас, каким бы трагическим он ни был, ни усилия газет, телевидения и других средств массовой информации, литературы и кино за все эти годы.

В дни, когда проходил Первый съезд народных депутатов СССР, завершился классический период правозащитного движения. Благодаря телетрансляции вся страна узнала и услышала академика Сахарова, самого яркого представителя этого движения. Четверть века скрытое от большинства граждан страны, оно стало очевидным фактором жизни общества.

Горчайшей утратой и для участников движения, и для всего народа стала смерть Андрея Дмитриевича Сахарова через полгода после первого заседания съезда. Он умер 15 декабря 1989 года. Смерть была внезапной. Еще накануне он участвовал в заседании МДГ, готовился выступить на съезде и умер за письменным столом, склонив голову на руки, от приступа острой сердечной недостаточности. Проститься с Сахаровым пришли десятки тысяч его сограждан, а скорбели об этой утрате во всей стране и во всем мире.

Сахаров уже изменил течение советской истории. Проживи он больше, он изменил бы эту историю еще больше. К концу жизни он без всякого труда, одним махом овладел искусством высокой политики, формулировал новую Конституцию, которую я бы назвал «Конституцией прав человека». Единственный общественный деятель, приемлемый для всех частей этой слишком огромной страны, Сахаров мог бы стать у руля всего общества, смертельно уставшего от самого себя, но все еще способного слушать человека великой чести, великих профессиональных качеств, великих страданий и великой точности ума, —

написал в книге своих воспоминаний «Опасные мысли» Ю. Орлов.

Своеобразным смотром сил правозащитного движения на рубеже 80-х и 90-х годов стала конференция Международной Хельсинкской федерации (май 1990). Это был первый международный форум по правам челове-

ка в Москве. Конференция показала, какой большой путь прошло правозащитное движение не только от первой демонстрации в 1965 году, но даже и от начала хельсинкского движения в 1976 году.

Вот описание этой конференции, сделанное Ю. Орловым:

Перед лестницей, ведущей в зал заседаний, молодые члены «Мемориала» и Хельсинкской группы регистрировали участников и раздавали наушники. Это выглядело не хуже, чем на какой-нибудь конференции на Западе. Огромный зал был битком набит правозащитниками со всего Советского Союза, участниками хельсинкского движения США, Западной Европы, Восточной Европы и СССР, политическими деятелями, журналистами.

Во вступительном докладе на этой конференции Орлов обрисовал роль правозащитного движения в новейшей истории России. Он назвал перестройку четвертой в XX веке российской революцией. В отличие от первых трех четвертая революция совершилась в мирных формах. Одну из причин этого Орлов видел в том, что политическим изменениям в стране предшествовало в течение четверти века существование правозащитного движение, которое отвергало насилие в принципе. Российское общество получило из самиздата мощный поток идей и правозащитной информации и смогло уловить смысл понятий «права человека» и «демократия» задолго до того, как были объявлены перестройка и гласность. Не будь этой длительной моральной и психологической подготовки, ослабление тоталитарной власти могло бы стать еще одним поворотом кровавого колеса российской истории. Моральный пример и идейное воздействие правозащитного движения объясняет тот замечательный факт, что возникшие после ослабления тоталитарного зажима общественные движения и политические объединения действовали исключительно мирными методами, каждое в своих программных документах непременно демонстрировало уважение к правам человека. Конечно, у многих общественных деятелей это было лишь данью времени, но то, что дань времени была именно таковой — заслуга правозащитников.

Новые времена — новые правозащитники

В условиях перестройки советское общество быстро политизировалось. Клубы избирателей, созданные в период избирательной кампании по выборам депутатов на Первый съезд народных депутатов СССР, не распались после выборов. Они стали основой самого крупного объединения сторонников демократии — движения «Демократическая Россия». Наряду с этим движением в нескольких крупных городах возникли «народные фронты». В России это были объединения, поддерживавшие перестройку, в прибалтийских республиках их формировали партийные органы, чтобы подпереть свою зашатавшуюся власть. Стали создаваться политические партии — и демократического толка, и националистического.

Страна готовилась к новым выборам — на март 1990 года были назначены выборы в высшие законодательные органы союзных республик, в областные, городские и сельские советы. Повсеместно шли митинги, начавшиеся накануне выборов на Первый съезд народных депутатов. Они становились все более многочисленными. В Москве «Демократическая Россия» выводила на улицы сотни тысяч своих сторонников. На этих митингах критиковали советское руководство за робость и медлительность в проведении демократических реформ, требовали большей самостоятельности республикам и местным властям. В марте 1990 года в городских советах Москвы и Ленинграда большинство получили сторонники демократического пути. В советах других российских городов появились их небольшие группы. В Верховном Совете России такие депутаты составили существенную часть.

Атмосфера политизации не могла не сказаться на правозащитном движении. Правозащитники всегда подчеркивали, что их движение не политическое, а нравственное, и так оно и было. Но они были гражданами своей страны, болели ее бедами, жили ее надеждами. Более того, правозащитники как общественно активные люди оказались среди тех, кто агитировал за достойных кандидатов в депутаты и в 1989-м, и в 1990-х годах, а ветераны правозащитного движения С. Ковалев, Г. Якунин и еще несколько человек даже стали депутатами Верховного Совета России. Кое-где в местные советы тоже вошли правозащитники. Это поставило перед участниками правозащитного движения совершенно новую для них проблему: совместимо ли участие в политике и тем более вхождение в органы власти с участием в правозащитном движении, которое не является политическим

и должно быть совершенно независимым от властей. Многие участники движения противились его политизации, а самые решительные противники политического крена возражали даже против какого бы то ни было сотрудничества с властями. Вот их доводы: «Нас недаром называли диссидентами [«диссидент» значит «несогласный». — Л. А.]. Как можно иметь дело с властью, которая совсем недавно держала нас в лагерях, которая погубила Толью Марченко, которая постоянно лжет и продолжает на каждом шагу нарушать права человека? Теперь они говорят про «перестройку», но ведь это те же самые люди, как можно им верить? Работать с ними вместе значит прикрывать их подлое прошлое и сомнительное настоящее авторитетом правозащитного движения и таким образом подрывать этот авторитет».

Но такой крайней точки зрения придерживалось меньшинство. Допускавшие участие правозащитников в политике и сотрудничество с властями прежде всего ссылались на А. Сахарова. А что касается сотрудничества с властями, то при любом отношении к ним без такого сотрудничества обойтись невозможно, если не ограничиваться только протестами против незаконий, а участвовать в их устранении. Они напоминали, что с самого начала правозащитного движения его участники адресовали свои обращения властям, и не только указывали на нарушения прав человека, но и предлагали меры по их исправлению. Такова была позиция Комитета прав человека, такой же была позиция Московской Хельсинкской группы. Правозащитники не сотрудничали с властью не потому, что отвергали такое сотрудничество по принципиальным соображениям, а потому, что власти не шли на сотрудничество с ними, отвечали на обращения к ним по поводу нарушений прав человека только репрессиями. Если в перестройку сотрудничество стало возможным, почему же не использовать это для улучшения положения с правами человека?

Отношение к сотрудничеству с властями определяло характер работы активных правозащитников. Так, А. Подрабинек, решительный его противник, не регистрировал свою газету «Экспресс-хроника» — для него даже регистрация была недопустимой формой сотрудничества. А В. Абрамкин и его товарищи по Центру содействия реформе уголовного правосудия, наоборот, стремились наладить деловые отношения с руководством МВД, чтобы расширить помощь заключенным. Посещения мест лишения свободы, отправка туда продовольствия, книг, лекарств и т. п. — все это невозможно без разрешения соответствующих начальников, и правозащитники стремились добыть такие разрешения.

Споры об отношении с властями начались в конце 80-х, еще при жизни А. Сахарова, и продолжались в 90-е годы. Тем не менее на фоне этих споров сотрудничество с российскими властями расширялось. Это сотрудничество поощрял Б. Ельцин, избранный в 1990 году председателем Верховного Совета РСФСР, а в июне 1991 года — президентом России. Особенно оно укрепилось после августовских событий 1991 года, когда все правозащитники, находившиеся тогда в Москве, оказались среди защитников Бе-

лого дома. Ельцин, соратник Сахарова по Межрегиональной депутатской группе, привлекал участников этой группы, ставших депутатами Верховного Совета РСФСР, к решению государственных вопросов. Г. Старовойтова, член Московской Хельсинкской Группы, стала советником президента по национальным вопросам. Ветеран правозащитного движения С. Ковалев стал председателем Комитета по правам человека Верховного Совета РСФСР. Как председатель этого комитета Ковалев выступал официальным представителем России на Московской конференции по правам человека стран — участниц Хельсинкских соглашений в сентябре 1991 года. От имени российской делегации Ковалев предложил в заключительном документе конференции четко сформулировать, что **нарушения прав человека не являются внутренним делом государства, допускающего эти нарушения**, и на этом основании усилить международный контроль за отношением к правам своих граждан правительств всех стран. Впервые этот принцип провозгласила Московская Хельсинкская Группа в 1976 году, и как основной принцип Хельсинкских соглашений в области прав человека его признали правительства демократических стран — участниц этих соглашений, но советское правительство яростно его отвергало. И вот пятнадцать лет спустя с инициативой закрепить этот принцип документально выступил глава российской делегации — член МХГ Сергей Ковалев. Глубоко символичное событие.

25 декабря 1991 года, после распада СССР, Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика была переименована в Российскую Федерацию. Верховный Совет принял ряд законов, подтверждавших основные права российских граждан, в частности закон «О свободе передвижения и выборе места жительства в пределах Российской Федерации». Этот закон отменил институт прописки по месту жительства, которую в милиции могли разрешить, а могли и не разрешить. Вместо прописки была введена регистрация, носящая уведомительный характер: гражданин должен уведомить органы власти о перемене места жительства, но государственный чиновник не вправе запретить ему жить, где он хочет. Это право, за которое правозащитники ратовали с первых дней существования правозащитного движения.

Таков итог двадцатипятилетнего советского периода истории правозащитного движения. Современное российское правозащитное движение является его естественным продолжением — с изменениями, обусловленными изменениями, произошедшими в стране.

Алексеева Людмила Михайловна

**ИСТОРИЯ
ПРАВООЩИТНОГО
ДВИЖЕНИЯ
В РОССИИ**

советский период

Редактор, оригинал-макет, верстка
Николай Костенко

Бум. офсетная. Формат 70×100/16. Тираж 2000 экз.
Московская Хельсинкская группа. 123056, Москва, пер. Красина, д. 15, стр. 1, офис 1.
Тел./факс +7 (499) 553-03-12. E-mail: mhg@mhg.ru. Сайт: mhg-main.org.
Отпечатано в типографии «Микопринт» по заказу Московской Хельсинкской группы.
121170, Москва, Кутузовский пр., д. 41. Сайт: www.mikoprint.ru.
Распространяется бесплатно.